

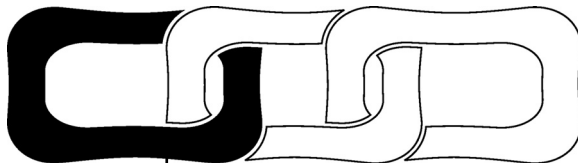
ЭКСПЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ ФОНДА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

ЗВЕНЬЯ

Россия—Польша: перезагрузка?

По материалам экспертного круглого стола:
«Российско-польские отношения в конце XX ~ первом десятилетии XXI веков. Динамика развития и возможности перезагрузки» 26 ноября 2010 г.

2011, № 1 (14)

Серия
Страна и мы

СОДЕРЖАНИЕ

Экспертный круглый стол: российско-польские отношения в конце XX ~ первом десятилетии XXI веков.

Динамика развития и возможности перезагрузки

Геннадий Матвеев. Элиты и «историческая политика» 3

Историческая память

Олег Неменский. Асимметрия польско-русских отношений:

исторические причины и современные проявления 11

Наталья Нарочницкая. Россия — Польша: сотрудничество лучше

соперничества 39

Альбина Носкова. Советское военное присутствие в Польше.

1944—1956 гг. (в контексте «исторической политики») 48

Современные политические процессы и российско-польский диалог

Лариса Лыкошина. Российско-польские отношения в 90-е годы XX в. 79

Николай Бухарин. Проблемы энергетической безопасности Польши

в контексте российско-польских отношений 120

Перспективы

Николай Бухарин. Перспективы российско-польских отношений

в 2010-х годах 143

Наталья Бурлинова. Молодежное направление российско-польских

отношений 157

Заключение 171

Документы

1. Выступления Председателя Правительства РФ

В.В. Путина и Премьер-министра Польши Д. Туска на встрече

с сопредседателями Группы по сложным вопросам, вытекающим

из истории российско-польских отношений 173

2. Выступления Председателя Правительства Российской

Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Польши Д. Туска во

время памятной церемонии в мемориальном комплексе «Катынь» 176

3. Выступления Президента РФ Д. Медведева и Президента

Польши Б. Коморовского во время совместной пресс-конференции

по итогам официального визита Д. Медведева в Польшу 184

**ЭКСПЕРТНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ:
РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В КОНЦЕ XX – ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКОВ.**

Динамика развития и возможности перезагрузки

Москва, 26 ноября 2010

Геннадий Матвеев

Элиты и «историческая политика»

Некоторые польские и российские обществоведы чуть ли не главной и единственной причиной не самой лучшей атмосферы в современных межгосударственных отношениях Польши и России называют историческую память поляков, сформировавшуюся в период, который начался первым разделом Речи Посполитой в 1772 году, да так и не завершился до сегодняшнего дня. Причем имеют в виду поляков в целом, проживающих во всех городах и весях этого третьего по численности славянского государства, а не только тех, чьим предкам когда-то пришлось побывать подданными Романовых, и, как утверждают адепты такого объяснения, испытать на себе столь непосильный национальный гнет, что память о нем навечно закрепились в их геноме. Если принять это утверждение на веру, то тогда глашатаев подобной

точки зрения можно поздравить с опровержением одного из основополагающих постулатов генетики, который гласит: каждый из 6 млрд живущих на нашей планете людей, если не считать 25–30 млн пар однояйцовых близнецов, генетически уникален, обладает неповторимыми наследственными особенностями, свойствами характера, способностями, темпераментом и многими другими качествами, в числе которых нет общей исторической памяти.

Не очень понятно и то, как эта закодированная на генетическом уровне память одной части польского народа стала достоянием и тех поляков, чьим предкам пришлось жить под властью австрийцев и пруссаков от разделов последней четверти XVIII века до 1918 г., а затем еще пять с половиной лет, с сентября 1939 по апрель 1945 года? Неужели длившийся полтора века прусско-австрийский гнет и понесенные в годы Второй мировой войны почти 6-миллионные демографические потери блекнут на фоне несчастий, которые пришлось претерпеть жителям русской Польши? А как же с памятью о начавшемся в XII–XIII веках германском «Дранг нах Остен»? Боюсь, что на эти незамысловатые вопросы вразумительного, а не фантазийного ответа мне не дождаться. Мне могут возразить, что это память о пакте о ненападении с Германией от 25 августа 1939 года, Катыни, нежелании помочь восставшей в Варшаве без согласования с СССР Армии Краевой или послевоенном ущемлении польского суверенитета. Но ведь поздним советским и российским руководством всем этим историческим фактам уже дана далеко не лестная для нас политическая оценка. Казалось бы, самое время отдать эти сюжеты в исключи-

тельное ведение историков и публицистов, пусть они изучают и интерпретируют все детали и обстоятельства этих событий и процессов, чтобы когда-нибудь придти к неким устраивающим большинство из них выводам.

Но не тут-то было. Польские политики никак не хотят расставаться с историей. Вот уже четыре десятилетия я занимаюсь польской историей, нередко спорю со своими польскими коллегами на исторические темы буквально до хрипоты, но эти споры нас только обогащают, а не рознят. А вот польский политический класс и обслуживающие его СМИ мешают нашему конструктивному общению. Для них история не объект познания человека и общества, а средство для оправдания своих не совсем добрососедских действий в адрес России. При этом совершенно не важно, какая политическая партия или коалиция в данный момент находится у власти и кто занимает дворец Наместника на Краковском Предместье в Варшаве. Польская политика в отношении России в последние десятилетия напоминает застрявший в грязи автомобиль: дергается взад-вперед, а стронуться с места не может. И чем дальше, тем все глубже автомобиль в эту грязь погружается.

Время от времени раздающиеся в России и Польше призывы оставить историю историкам польские политики то ли не слышат, то ли игнорируют. Как и напоминания того, что и поляки не так уж и безгрешны, что и им есть в чем каяться. Например, в неоправданно жестоком, просто бесчеловечном обращении с пленными польско-русской войны 1919–1920 годов или в убийствах военнослужащих Красной армии, находившихся в Польше на завершающем этапе Второй миро-

вой войны, добывая врага в его логове¹. Поэтому я не очень удивился, что апрельское предложение В.В. Путина Д. Туску в Смоленске помочь нам выяснить все обстоятельства трагедии красноармейцев в польском плену в 1919–1921 годах, а затем и призыв Д.А. Медведева на пресс-конференции в Варшаве 6 декабря 2010 г. к польской стороне «заниматься восстановлением исторической памяти, включая и трагические события более раннего периода... вести диалог, причём в абсолютно открытом и дружественном ключе, так, как мы сегодня это делаем по катынским событиям»², польские руководители оставили без ответа. Если, конечно, не считать сделанное Б. Коморовским 8 декабря 2010 года на встрече с Б. Обамой в Белом доме заявление: «Если живешь рядом тысячу лет, то нельзя одним нажатием все обнулить. Тысячу лет непростых взаимоотношений с Россией мы не можем обнулить одним нажатием кнопки»³. Для меня это означает только то, что история и впредь будет использоваться польскими политиками для формирования климата в наших взаимоотношениях.

Столь нерадостная констатация заставляет задаться вопросом: а почему же польский политический класс так настойчиво эксплуатирует историю (а не историческую память

¹ Например, в Белостокском воеводстве с марта по 1 июля 1945 г. погибло 45 советских солдат и офицеров, а 42 были «похищены». Вряд ли кто-то из этих «уведенных» остался в живых, ведь у польского подполья не было лагерей для военнопленных. — Majecki H. Białostoczczyzna w pierwszych latach władzy ludowej 1944–1948. Warszawa, 1977. S. 116.

² президент.рф/transcripts. 6 декабря 2010 г.

³ <http://www.prezydent.pl>

поляков), когда речь идет о польско-российских отношениях? Какие побудительные мотивы им движут?

Очень часто из уст польских политиков раздаются голоса о необходимости морального осуждения Россией совершенных много лет тому назад преступлений против поляков, признания их геноцидом, «искреннего» покаяния не только российских властей, но и всех россиян. Как будто руководители Российской Федерации этого не делали и делать не собираются. Внимательное знакомство с политической деятельностью польского национального героя Юзефа Пилсудского (в 2008 году я издал в серии ЖЗЛ его биографию) привело меня к одному интересному наблюдению, хорошо известному всем историкам и политологам. Политик, делающий упор на мораль, на самом деле имеет в виду что-то другое, более предметное. И это другое называется интересом.

Так по каким же причинам (т.е. ради каких интересов) польские политики используют историю как инструмент насаждения негатива в современных взаимоотношениях Польши с Россией? Несомненно, их много, но я остановлюсь только на двух, имеющих сугубо политический характер. Во-первых, внутренняя причина. Не секрет, что польское общество и его политический класс находятся в состоянии глубочайшего раскола. Причем друг другу противостоят не правящая партия «его величества» и оппозиция «его величества», как в классических демократиях, а два мировоззрения, два взгляда на будущее польского государства. Нынешняя правящая партия «Гражданская платформа» выступает за эволюционное развитие польского государства, без потрясений, преследований, гонений и общественной

истерии. Ей противостоит партия «Право и справедливость», которую не устраивает нынешняя III Речь Посполитая. Ее лидер ратует за ее слом и строительство другого государства, IV Речи Посполитой. Я хорошо помню атмосферу тревоги и даже страха, охватившую часть поляков после победы ПиС на парламентских и президентских выборах в 2005 году. В общественной жизни Польши тогда запахло маккартизмом.

Вследствие этого раскола, на кон поставлена судьба не только правительства, но и общества и государства в целом. И противостоящие силы используют все доступные средства, чтобы привлечь поляков на свою сторону. Одно из таких средств — эксплуатация образа врага (им по определению не может быть Германия, партнер Польши по НАТО и ЕС, хотя Л. Качиньский в свое время такую попытку предпринял). Кандидатов на этот образ у Польши не так уж и много. Почему не Украина, скажу позже, хотя в ходе взаимного уничтожения поляков и украинцев во время Второй мировой войны (в том числе в т.н. «волынской резне») погибло существенно более 100 тыс. поляков. Белорусы и литовцы слишком несерьезные «обидчики», хотя и к ним есть претензии, поскольку они не очень любили Армию Крайову на своих землях, видя в ней угрозу для своей государственности. Вот и остается одна Россия. И даже то, что принимавшие решение о катынском расстреле И.Сталин и Л.Берия были по национальности грузинами, Микоян — армянином, Каганович — евреем, и лишь Молотов и Калинин — русскими, ничего не меняет. Накал антироссийской риторики никак нельзя снижать, поскольку противник сразу же обвинит тебя в недостаточном патриотиз-

ме, а то и в желании выслужиться перед Россией и т.д. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать газеты ПиС или заглянуть в Интернет.

Что же касается причины внешнего характера, то она имеет действительно давнюю традицию, уходит корнями в XIV — XVI века, когда Польша, крупнейшее государство Центрально-Восточной Европы, наращивало свою территорию за счет земель Галицкой Руси, а затем Великого княжества Литовского. После Люблинской унии 1569 г. она даже утратила свое название, став частью Речи Посполитой (но не Польской). Мне уже приходилось писать о влиянии на ментальность поляков двухсотлетнего существования этой империи. В частности я констатировал: «Даже потеряв собственное государство и политический контроль над восточными землями Речи Посполитой, поляки не вычеркнули их из своего сознания как часть собственного исторического и культурного пространства... Польские элиты и сейчас, как и в далеком прошлом, убеждены в том, что выполняют в этом регионе культуртрегерскую миссию»⁴. Борьба за Украину и Белорусию как сферу влияния, которую польский политический класс ведет с Россией, — единственное, пожалуй, направление, где все польские политические силы, независимо от того, на каком фланге они располагаются, выступают единым фронтом. Достаточно вспомнить визиты А. Квасьневского и Л. Валенсы в Киев во времена «майдана» и «оранжевой революции» на Украине или поддержку Л. Качиньским на президентских

⁴ Матвеев г. Польско-российские отношения в XX веке // *Biuletyn historii pogranicza*. Białystok, 2008. № 8. S. 19-20.

выборах 2010 г. В. Ющенко сразу же после присвоения им звания героя Украины С. Бандере, заклятому врагу Польши и поляков, последователи которого совершенно заслуженно получили у них прозвище «резуны».

Оба эти момента являются одними из основополагающих положений парадигмы современной польской политики. Поэтому не приходится всерьез надеяться на то, что со сменой первых лиц в варшавских коридорах власти может произойти какой-то радикальный перелом в польско-российских отношениях, а тем самым и отказ от использования истории в политических целях, т.е. от исторической политики.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Олег Неменский

Асимметрия польско-русских отношений: исторические причины и современные проявления

Россия и Польша — страны, для которых отношения друг с другом — важнейшая сторона всей истории. Однако этим взаимоотношениям свойственна одна странная особенность: они очень несимметричны. Так или иначе, это свойство сводится к констатации: Россия для Польши значит несопоставимо больше, чем Польша для России. Такая ситуация сложилась издавна и воспринимается как самоочевидная в обеих странах. Но есть и другая асимметрия, замечаемая реже, — поляки в этих отношениях всегда активнее. Это проявляется и на международном уровне, это же можно заметить в любой сфере контактов, в том числе и на всевозможных круглых столах представителей двух народов. И дело не столько в инициативе, организации и проведении мероприятий, сколько в том, что тон, проблематику и нормы политкорректности польско-русских контактов задаёт именно польская сторона. Сам дискурс наших отношений традиционно формируют поляки, русские же лишь участвуют в нём.

При объяснении этой ситуации чаще всего приходится сталкиваться с рассуждениями о том, что Россия большая и сильная, Польша маленькая и слабая, а потому такое соседство — проблема именно для неё. Россия вообще мало замечает такую соседку, предпочитая иметь дело с более крупными

представителями международного сообщества, чьё влияние в политике, экономике и культуре имеет действительно мировое значение, а для Польши соседство с Россией является важнейшей стороной существования и потому она обеспокоена этими отношениями несопоставимо больше. Да, такое различие имеет место. Однако можно взять любые другие две соседние страны, чьё соотношение в размерах будет подобным или даже большим — однако такого характера контактов и такой диспропорции мы не найдём. Вот, к примеру, посмотрим на взаимоотношения с той же Польшей совсем маленькой Чехии, или же на отношения с Чехией России.

Наверное, более глубокая и действительно важная причина такого характера польско-русских отношений кроется в исторической памяти и идентичности наших народов. Именно в историческом самосознании Россия для Польши означает гораздо большее, чем Польша для России. Собственно, для русской идентичности Польша не очень-то и важна: её может и не быть, она лишь некоторая историческая помеха для государственного развития, и то скорее из учебников истории — такая же, как, например, Швеция. Ну, сейчас вот тоже вроде как мешает — отношениям РФ с Евросоюзом. Однако русскому человеку не надо думать о Польше, чтобы быть русским. Это, кстати, понимают и многие поляки: «Россия нас не замечает», — типичное утверждение для польских рассуждений об отношениях с Россией. Для поляков же Россия — важнейшее «Другое», через образ которого строится всё самоопределение и всё восприятие истории. Сама польская идентичность ставит поляков в активное отношение к России и всему русскому.

Опять же, когда говорят о польском самосознании в его отношении к России, традиционно характеризуют его только с одной стороны — как страх. Страх «перед агрессором». И это чувство, несомненно, так или иначе, свойственно полякам. Однако страх по природе своей пассивен и не он определяет направленность польского самосознания к России. Есть и другая сторона, о которой в России почти не говорят, но которая имеет для польской культуры, польской идентичности гораздо большее значение: это мессианизм. Польский культурный комплекс мессианизма в отношении всего пространства на восток от Польши.

Всё это пространство — русские земли — в польской культуре получило название «Восток». Это понятие сыграло принципиальную роль в формировании образа России и имеет ключевое значение для традиции польского мессианизма. Оно же важно и для понимания восприятия России на Западе, ведь столетиями Западная Европа получала информацию о России главным образом через польское посредство.

Отношение польской культуры к территориям на востоке складывалось долго, но в целом сложилось в XVI веке и после этого лишь воспроизводилось в новых условиях. В первую очередь, оно было связано с процессом инкорпорации территорий Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского: от неудачных попыток объединения в начале века при короле Александре до аннексии большей его части в 1569 г. и заключении вслед за этим государственной унии с его остатком. Также стоит упомянуть и политику религиозной экспансии, закончившуюся к концу столетия запретом православного ве-

роисповедания посредством Брестской церковной унии. Одной из сторон всех этих событий было втягивание Польши в почти постоянный военный конфликт с Московским государством, стремившимся к воссоединению русских земель. Когда в начале XVII века Польша вторглась в его территорию и даже смогла временно подчинить столицу, у неё уже было очень цельное представление о том, что за народ здесь живёт, чем являются все эти земли и каково должно быть их отношение к Польше.

Именно в XVI веке все русские земли получили в польской культуре название «Восток» («Wschód»). «Восток» для поляков — понятие, применимое только к ним. Для обозначения исламских или дальневосточных стран требуется добавление, вроде «Ближнего Востока» или «Дальнего Востока». «Восток» просто, без конкретизации — это только русские земли, то есть Украина, Белоруссия и Россия — так сложилось в XVI веке и так сохраняется до наших дней. Такое наименование имеет большие культурные корни и вовсе не отражает географического положения Руси на восток от Польши. «Востоком» могут быть и южные страны. Не связано оно и с определением «восточного христианства».

Понятие «Восток» — важнейшее вообще для всей западноевропейской культуры, и актуализация его в Польше в XVI веке была вполне закономерным проявлением тех же процессов на всём Западе. Поздний Ренессанс структурировал европейский «ориенталистский дискурс», т.е. «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различении «Востока» и (почти всегда) “Запада”»¹. «Восток» (Orient) в

¹ Саид Е.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. С.9.

Западной культуре — это сфера постижения принципиально низшего, окультуривания неправильного «Другого», что уже тогда становилось основой формирования европейской колониальной идеологии. Этот общеевропейский концепт характеризовался общим стабильным списком эпитетов и характеристик (дикость, деспотизм, отсталость, грубость, жестокость, чувственность, пассивная тяга к подчинению и т.д.). Образ Востока не столько был результатом реального изучения иных культур, сколько оказывался европейским самообразом в негативе: он являл собой сумму всего того, что воспринималось как дурное, и оттенял позитивный самообраз «Запада». Изобретение «Востока» и было изобретением собственно «Запада» как особой цивилизационной идентичности.

Восток — понятие не географическое, а культурное, основанное на «неискоренимом различии западного превосходства и восточной неполноценности»². При этом Восток — это всегда испорченное отражение Запада. Восприятие православия как попорченного христианства было тождественно восприятию ислама как вторичного варианта арианской ереси. Восток — мир отступников, мир, принципиально искажающий правильную сущность Запада: «Восток и восточные народы ... превратились в бесконечное псевдовоплощение некоего исходного великого оригинала (Христа, Европы, Запада), которому, как считалось, они подражали. Со временем изменился источник этих весьма нарцисстических представлений Запада о Востоке, но не их характер»³. Потому естественная задача,

² Саид Е.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. с. 66.

³ Там же. с.99.

миссия Запада — овладение Востоком, его исправление. А это требует постоянных проверок, испытаний эффективности западного знания о Востоке. Отсюда сохранившаяся до наших дней претензия Польши быть экспертом «по Востоку» в Европе, исходящая из убеждения, что европейские нации должны разделять ответственность знания и политики по различным пространствам Востока. У разных стран, при этом, свой Восток, и для Польши это пространства русской культуры.

Уже с XVI века в польской публицистике и историописании о «Московии» мы можем видеть все основные черты такого «ориентализирующего» мышления. В не меньшей степени оно проявляется и поныне в любой польской статье или книге о России. Согласно этому идейному комплексу, западные и восточные люди различаются тем, что первые «рациональны, миролюбивы, либеральны, логичны, способны придерживаться реальных ценностей, лишены природной подозрительности; последние не обладают ни одной из этих черт»⁴. При этом, все эти описания имеют крайне мало отношения к самим культурам «Востока» — в данном случае к русским и России — но они нужны для самоопределения Польши и польскости. Как пишет польская исследовательница Мария Янион, «визуализация Востока («они») осуществляется в целях самоидентификации Запада («мы»).

Противопоставление Запада и Востока разделяет качества следующим образом: Запад есть логичный, нормальный, эмпиричный, культурный, рациональный, реалистичный. Восток же косный, выродившийся, некультурный, отсталый, не-

⁴ Саид Е.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. с.77.

логичный, деспотичный, не участвующий творчески в мировом прогрессе»⁵. Носитель всех этих черт для польской культуры — Россия.

А главное: без Востока нет Запада, и без отношения к Востоку нет западной самоидентификации. И Россия нужна Польше так же, как Восток нужен Западу — без образа России как Востока нет образа Польши как Запада.

К XVII веку поляки резко отделили Россию от Европы, изобретая идеологию её азиатскости, т.е. ориентальности. Интересно, что прежде на европейских картах Европы Московское княжество обыкновенно обозначалось на европейской территории, как одна из европейских стран, но с конца XVI века появилась граница Европы по восточным пределам Речи Посполитой — далее шла Азия, совокупная Тартария. Впрочем, для поляков существовал и Восток в границах своей страны — это Кресы, восточные территории, то есть старые русские земли, ставшие территорией польской колонизации и населённые теми же «схизматиками». Восточные Кресы — это пространство польской экспансии, пространство распространения польской культуры. Захват власти в Москве в начале XVII века был лишь дальнейшим расширением колониального господства на Востоке.

Очень важно понимать, что господство над Востоком мыслилось не только как тайное желание самого Востока к исправлению, но и как обязанность Запада, его миссия. Это главная черта польского отношения к России, её восприятия: Россия

⁵ Janion M. *Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury*. Kraków, 2007. S.223-224.

(вместе с Кресами, то есть Украиной и Белоруссией) — это пространство польского мессианского долга. Именно в активном отношении к нему Польша является Западом — то есть сама собой и частью «своего» мира. И это именно долг — долг правоверного христианина, долг просветителя, носителя западных ценностей и т.д. Польский мессианизм, а не польский страх — вот что определяет отношение Польши к России.

* * *

Вообще, польский мессианизм — огромная и, так сказать, многосоставная тема. Являясь важнейшей характеристикой всей польской культуры, в разные столетия и эпохи он обретал разные формы и смысловое наполнение, хотя всегда так или иначе продолжал и развивал прежние свои линии, добавляя к ним новое содержание. Я бы выделил несколько основных форм этой польской идеологии: это католический, сарматский, просвещенческий, национально-освободительный, консервативный и либеральный мессианизм. Рассмотрим каждый из них поближе.

Старый, средневековый католический мессианизм, то есть убежденность в долге правоверных христиан искоренять язычество, ересь и схизму, дополненная идущей ещё от Августина традицией насильственного распространения веры, превратился в государственную идеологию в период Контрреформации. Этому помогло также положение Польши между «еретическими» протестантскими шведами и немцами, «схизматической» православной Русью на востоке и «паганской» мусульманской Османской империей с крымскими татарами на юге. Тогда сложилась концепция Речи Посполитой как

«Antemurale christianitatis» (Форпоста христианства, польски «Przedmurze Chrześcijaństwa») на востоке Европы. И если в отношении Швеции и Турции она выражалась только в военных столкновениях (не всегда инициированных самой Варшавой), то в отношении русского пространства католическая экспансия приобрела формы церковной унии, государственного запрета на православное вероисповедание и попыток посадить униатского патриарха в захваченной Москве. Король Сигизмунд III писал папскому нунцию в Кракове Фр. Симонетта, что главной его целью в московской кампании является распространение католицизма, хотя бы и ценой собственной крови. А несколько позже римский папа Урбан VIII написал Сигизмунду III: «Да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови! Пусть ересь почувствует, что нет ей пощады», — призывая уничтожать всех врагов унии.

Интересно, что в пропагандистской литературе начала XVII века в пользу завоевания Москвы выступал даже аргумент справедливой кары, которую Бог несёт через поляков схизматикам-москвитам: так описывал московскую войну Я.Д. Подгорецкий⁶. Поляки оказывались орудием Божьей кары, а сопротивление москвитов виделось оскорблением самого Бога и потому немислимой дерзостью. Так, в брошюре «Страсти солдат обоих народов в московской столице» писалось, что москвиты в Москве «как изменнические волки, на благородную кровь нашу руки тиранские подняли»⁷. Вообще,

⁶ (Podhorecki J.D.) Nemezis kraju północnego. Zamość, 1614. (См. последнее переиздание: Warszawa, 2010).

⁷ Pasja żołnierów obojga narodów w stolicy moskiewskiej. В.м., 1913. С.В-об.

такой взгляд характерен для мессианизма — формы мысли, предполагающей вину объекта за сопротивление.

Жестокая католическая экспансия, на самом деле, вряд ли была выгодна польской державе с точки зрения её государственных интересов: она не позволила удержать под властью Москву, и она ввергла в междоусобицы саму Речь Посполитую, подтачивая силы государства. Но такова была идеология, таковы были настойчивые требования Рима, и именно они руководили политикой Варшавы. К тому же католический экспансионизм был лишь одной из сторон польской мессианской идеологии того времени. Другая сторона — это сарматский мессианизм, важная часть идеологии польского сарматизма, сложившейся в XVI веке и имевшей большое влияние на польскую культуру вплоть до XX в.

Ренессансная традиция отождествления современных народов с античными (то есть упоминавшимися в сочинениях античных авторов) обусловила поиск корней в сарматских племенах. Но если вначале потомками сарматов польские авторы видели всех славян (как, например, Мартин Кромер), то постепенно сложилось представление о том, что сарматы — это только польская шляхта («naród szlachecki»), подчинившая себе местное славянское население, которое, в свою очередь, отождествлялось с гетами, гепидами или другими античными народами. Шляхта-сарматы виделись высшим народом «панов», избранным Богом для священной исторической миссии.

Убеждённость в превосходстве и избранности для миссии этого «народа господ» оборачивалась своего рода ксенофобией, возведённой в принцип. Польша XVII—XVIII веков —

это государство, правящее сословие которого было убеждено в идеальности наличной политической модели, которая, вместе со всеми «правами, вольностями и обычаями» шляхты, виделась сакральной. Речь Посполитая изначально, по своей идее, была воскрешением Римской республики («*reszpolita*» — это польская калька слова «*respublica*») — конечно, в её блистательном имперском облике, а, соответственно, сама эта идея предполагала объединение республиканского самосознания с имперской идеологией, вольностей «граждан» — с подчинением иноземцев.

Сарматский миф обосновывал экспансию на восток. Сарматы — древний народ, обитавший широко на юго-восток от Польши, а, соответственно, концепт «Европейской Сарматии» стал основой для претензий на все литовские и русские земли, и дальше на восток, так как вся эта земля «по праву» должна быть сарматской, то есть принадлежать польской шляхте. Так, например, Мартин Пашковский утверждал, что поляки являются наследниками земель на Оке, Волге и Дону, а русских называл пасынками сарматов, не имеющими прав на эти земли⁸. Были и крайние проявления сарматской мегаломании: так, Войцех Демболенцкий утверждал право Польши «на всю Азию, Африку и Европу»⁹. При этом идеология Польши как Форпоста христианства привела к тому, что образ сармата в XVII в. был закреплён только за католиками, а польская шляхта превратилась в некое подобие воюющего католического ордена.

⁸ См. его соч.: *Posiłek Bellony Sauromackiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza w. cara moskiewskiego przeciw Szujskiemu i innym zdrajcom jego*. Kraków, 1608.

⁹ См.: *Dęmbolęcki M. Wywód jedynowłasnego państwa świata*. Warszawa, 1633.

Несмотря на историографический миф о польской толерантности, сарматизм был идеологией крайней нетерпимости. Во многом именно эта нетерпимость ослабила и привела к упадку Речь Посполитую. При этом сарматизм обуславливал и несколько высокомерный взгляд на Запад — в то время абсолютистский и в немалой степени так же чуждый «сарматским» идеям.

Так к XVII в. была разработана польская колониально-аннексионная идеология в отношении Московского государства. Павел Пальчовский в своих сочинениях даже проводит параллель между москвитами и индейцами в Америке: как испанские конкистадоры подчиняют себе эти варварские народы, так и поляки на Востоке подчиняют себе русских. Русские — это и есть индейцы Востока для «польских идальго»¹⁰. Эту аналогию потом ещё не раз повторяли, и она вошла в жизнь¹¹. Такова была важная шляхетская добродетель — «расширение отчизны».

Цивилизационная миссия сарматов по отношению к славянам оборачивалась радикальной программой их порабощения «*parodem rapów*». Особенно ярко такое отношение описывал Станислав Немоевский в свих записках о московской войне за 1606—1608 гг.¹², в которых «москвиты» называют-

¹⁰ Palczowski P. *Kolęda moskiewska* (1609). Warszawa, 2010. S.108.

¹¹ Например, её же можно найти у Яна Цчасного Хербута в «*Zdaniu o narodzie Ruskim*» (1611, изд.: Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношение к России и к Польше. СПб., 1865).

¹² Niemojewski St. *Diariusz drogi spisanej i różnych przypadków pociesznych i żalonych prowadząc córkę Jerzego Mniszka, Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606*. Wyd. R.Krzywy. Warszawa, 2006. См. недавнее российское издание перевода: Записки Станислава Немоевского (1606-1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2007.

ся «народом, вероятно, самым низким на свете». Важно отметить, что это миссия не только религиозная, но и «миссия распространения порядка», а также добротной хозяйственности. Торгуя сельскохозяйственными продуктами, поляки постепенно осознали свою страну «житницей Европы» («*spichlerz Europy*»), а потому ощущали и моральную обязанность её «кормить», расширяя свои угодья. Тот же Павел Пальчовский указывал на отсутствие у московитов всякого порядка и на то, что они плохие хозяева своей земли. При этом он восклицает: «Разве можно найти худший и более предательский народ под солнцем мира, нежели этот? Человеческий ли он, или скорее змеиный, или ящерный народ?» Московиты, которых «нет более убогих и никчемных», при этом раздражают его своим «гордым поведением»¹³. Они виноваты уже тем, что живут на земле сарматов, но не подчиняются им и держат землю в небрежении. Города московитские он предлагал превратить в польские колонии «по образцу римских колоний». Стоит отметить, что это, в его понимании, стало бы экспансией «*przestrzeni wolności*» (т.е. «пространства свободы»).

Католическая и сарматская идентичность, ставящая польского шляхтича в весьма высокомерное отношение к русским, в век Просвещения дополнилась вполне светской мыслью о превосходстве европейской просвещённой культуры над «варварской Россией». Такой «просвещенческий мессианизм» не отменял прежние идеи, но добавлял к фигуре «сармата-католика», боровшегося со «схизматиками», фигуру «просвещён-

¹³ Palczowski P. *Kołąda moskiewska*. С.36.

ного европейца», имевшего долг обуздания и наставления в отношении «азиатского варвара».

При этом в XVIII веке всё более усиливается осознание поляками того, что цивилизационная миссия на Востоке — залог выживания самой Польши. Ведь либо поляки исполнят свой долг перед Европой и распространят свой порядок и своё просвещение на Россию, сделав её тем самым послушной и неопасной, либо Россия придёт своими «варварскими ордами» и подчинит себе Польшу. Понятно, что события конца того века и века XIX лишь укрепляли в польской элите такие убеждения, добавляя к ним жгучее чувство вины за неуспех своей мессианской деятельности на Востоке. Выразительно сформулирована эта мысль в одной из польских газет уже после поражения Январского восстания: «Наши предки хорошо узнали этот народ («московский» — О.Н.), а узнав, чувствовали нечто вроде христианского долга к тому, чтобы нести ему помощь, не такую, которая бы его портила и делала бы ещё более никчёмным, но помощь цивилизации, дающей здоровье и правдивую жизнь. ... То, что Польша не выполнила этой миссии, это её собственная вина: за грех духовной лени и безнаказанность Провидение отдало в руки этих варваров тот самый народ, который должен был вести их по дороге христианской цивилизации»¹⁴.

Подчинение России западнорусских земель (польских Кресов) по результатам разделов Речи Посполитой и вхождение в 1815 г. в состав Империи этнографически польских территорий поставило поляков в новое положение. Если раньше

¹⁴ Charakterystyka narodu moskiewskiego // Czas, 1863, Kraków, 12 kwietnia. S.1.

«Восток» воспринимался не просто как культурно низший, но и как принципиально более слабый (вследствие самой своей «восточной» специфики), то теперь Польша сама оказалась в подчинении у «восточного деспота». Цивилизаторская роль в отношении Востока оказалась менее актуальной, чем задача противостояния ему — военного, политического и культурного. Однако такое положение так же было осмыслено в мессианских категориях, и именно благодаря этому противостоянию России Польша стала осознавать своё особое значение для всей Европы, свою ответственность перед ней.

XIX век в значительной мере переключил польское внимание с цивилизаторской миссии на Востоке на идею противостояния России как священной борьбы по защите Европы от «орд с Востока». Эпоха романтизма добавила польской мысли и идеи об особом национально-освободительном мессианстве поляков. Эту идеологию сформировала польская «Великая эмиграция» после провала Ноябрьского восстания 1831 г., главным образом в Париже. Главный её автор Адам Мицкевич видел в поляках духовного предводителя и спасителя всего света, чья миссия — дать миру национальную свободу. Но для этого поляки, как «Христос народов», должны стать мучениками: их борьба за независимость с её поражением, их противостояние России делает из них народ-мученик за свободу народов Европы, «за нашу и вашу свободу!»¹⁵.

Такой мистический мессианизм был развит во вполне прагматические схемы другим великим польским писателем того времени — Юлиушом Словацким. Ведь борьба поляков

¹⁵ См. III часть поэмы «Дяды» и парижские лекции А.Мицкевича.

с Россией, даже если оканчивается поражением, всё равно ослабляет Россию и отвлекает силы русских варваров от подавления других народов. А значит, в этой жертвенной борьбе поляки имеют заслуги перед всеми, и не только народами Российской империи, но и другими «порабощёнными народами», подавая им пример и надежду. Так, в драме «Кордиан» Словацкий сравнил поляков с «Винкельридом» Европы, швейцарским героем XIV века, который пожертвовал жизнью в битве, поведя воинов за собой, благодаря чему швейцарцы смогли устоять перед габсбургским войском. Польша стала не только Форпостом христианства на востоке Европы, но и «Убежищем свободы» («Azyl wolności»). А многочисленная эмиграция распространяла образ России, сложившийся в польской культуре, по всему Западу.

Во второй половине XIX века к прежним понятиям о России как «Востоке» добавляются новые, связанные с постепенным утверждением в польской и западноевропейской культуре расовых теорий превосходства. Франтишек Духинский разработал подробную концепцию расовой неполноценности москвитов, которых он называл грязнокровками, из-за смеси славянских кровей с финно-угорскими и татаро-монгольскими. При этом он отказал русским в принадлежности к арийцам-славянам, определив их в «туранские народы», которые, вследствие своей расовой природы, ведут кочевой образ жизни и слабо подвержены воздействию европейской культуры. С цивилизаторских задач польская мысль всё более переключалась на необходимость противостояния России как миссии по защите Европы.

Этот комплекс идей снова был актуализирован уже в XX веке, когда «Польша дважды спасла Европу от российского коммунизма» (имеется в виду польско-большевицкая война 1920 г. и события 1980-х гг.). Для межвоенного периода был характерен своего рода консервативный ренессанс, когда старые польские политические доктрины о Востоке получили новое воплощение в реалиях независимости от России и контроля над Кресами. Появляется осознание «благородной ягеллонской идеи» как основной характеристики восточного направления польской политики: освоение Востока, цивилизаторская миссия введения Кресов в лоно европейской культуры, жёсткое противостояние с Москвой. Эта концепция противостояла «пястовской идее» спокойных границ на востоке и противостояния с Германией, которую отстаивали национал-демократы.

Вся традиция польского восточного мессианизма была актуализирована в доктрине прометеизма Юзефа Пилсудского. Прометеизм предполагал не просто ягеллонскую линию, но и борьбу за расчленение России посредством поддержки всех национальных движений её малых народов, которым именно Польша должна была принести освобождение, а потом часть из них объединить в федерацию во главе с собою. Для осуществления задуманного, помимо организации «Прометей», в которую входили представители национально-освободительных движений, в Варшаве действовал «Восточный институт», а в Вильне — «Научно-исследовательский институт Восточной Европы». Собственно концепт «Восточной Европы», каким он был принят в польской культуре того времени, и подра-

зумевал всю ту часть востока Европы, которая могла быть освобождена от России. Миссия Польши — в расширении этого пространства и в ограждении Европы. В 1922 г. Винцентий Лютославский писал: «Европе нужна живая стена, свободная Речь Посполитая, которая защитила бы её от Востока. Этим обусловлено существование Польши — это её миссия»¹⁶.

Тогда же Польша испытала и ренессанс идеи католической миссии. Как писал тогда Роман Дмовский, «католицизм — не придаток по отношению к польскости, он определяет её содержание»¹⁷. В 1920—30-е гг. по всей стране массово сносились православные церкви и соборы, а преобладающее влияние на православное население вновь стала оказывать Униатская церковь. В этом также проявлялась мысль о защите западной культуры перед Востоком. Подробнее всего идея польской миссии как «защитницы западной цивилизации» была тогда описана Феликсом Конечным¹⁸.

Годы советского доминирования, особенно поздние, были временем постепенного освоения поляками неолиберальной идеологии «защиты прав человека» и «распространения демократии». Это же стало официально принятой линией восточной политики независимой Польши. Такой «либеральный» мессианизм был дополнен разработанной ещё в 1970-х гг. польской эмиграцией в Париже т.н. доктриной Гедройца-Мерошевского, предполагающей отказ Польши от притязаний на территории Украины и Белоруссии, но основное внимание

¹⁶ Цит. по: Tazbir J. Polska przedmurzem Europy. W., 2004. S.179.

¹⁷ Dmowski R. Kościół, Naród i Państwo. W., 1927. S.13.

¹⁸ См. его «Историю Польши» и «Историю России», а также многочисленную публицистику.

уделяющей «утверждению независимости» этих государств и той же самой борьбе за освобождение от российского господства всех входящих в Россию народов, распространению «западных ценностей» и расширению демократии, которую предполагал межвоенный прометеизм.

При этом важно отметить, что сама Россия (как концептуальный «Восток») не может быть «страной западного сообщества»: она онтологически враждебна западным ценностям. Её попытки установления демократии — неизбежное для Востока подражание, которое обязательно сводится к искажению и принципиальной порче образца, остающегося недостижимым. Поэтому борьба за западные ценности на Востоке сводится к борьбе с российским влиянием, а не к борьбе за победу этих ценностей в самой России. Впрочем, оказывать цивилизаторское воздействие и на неё — так же цивилизационный долг Польши, так как это подчиняет восточные стихии варварства европейскому порядку, тем самым их укрощая.

Как мы видим, все эти формы польского мессианизма так или иначе сопряжены друг с другом и, дополняя друг друга, сводятся к тому, что можно назвать польской национальной идеологией. И действительно, именно восточное направление политики — главное для Польши. Им определяется и её место в Европе: западная политика направлена на обеспечение успеха на Востоке, а от этого успеха в свою очередь зависит положение Польши на Западе. При этом «удача на Востоке» — именно моральный долг Польши, и перед Европой, и перед народами на востоке. Как сказал представитель Польши при Совете Европы Пётр Сьвистальский: «Правда, что именно то,

что нас более всего интересует, что делает Польшу партнёром Америки и крупных государств Запада, материализуется в том, что мы делаем на Востоке»¹⁹.

Последнее время появилось даже такое понятие как современный польский «неосарматизм», и оно довольно точно отражает определённые черты мысли «о Востоке» в сегодняшней Польше. Ещё в послевоенное время старые сарматские идеи и традиции стали пользоваться всё большей популярностью. Тогда же, например, прежнее общее обращение друг к другу на «*Wy*» было полностью вытеснено оригинальным «сарматским» «*Pan(i)*». В последние 20 лет возрождение «сарматской картины мира» стало важнейшим свойством польской культуры и массового самосознания. И в первую очередь это касается взгляда на Восток. На этом основана и европейская идентичность Польши, при её извечной потребности доказывать Западу свой идентификационный статус (а ведь это комплекс, который всё время побуждает к действию).

Правда, вновь стало актуальным некоторое «сарматское» высокомерие и в отношении к самому Западу: мысль о Польше как об оплоте Европы в консервативном польском обществе легко конвертируется в мысль о «защите Европы в себе», а не просто защите западного сообщества. Как писал ещё в 1990-е гг. Ежи Воляк, Польше следует «защищать не западноевропейские государства, но цивилизацию, культуру и ценности, ставшие фундаментом величия Запада. Прежде всего, Польша должна защищать свою религию, польскую культу-

¹⁹ Polska polityka wschodnia: Materiały konferencji zorganizowanej w dniach 28-29 października 2005 roku we Wrocławiu. Wrocław, 2005. S.79.

ру и традиции, быть может, уже последние столпы классической латинской цивилизации»²⁰. «Возвратившаяся на Запад» Польша встретила там такой разрыв с традиционными христианскими ценностями, что вновь начинает ощущать себя Форпостом западной цивилизации, только теперь уже окружённым со всех сторон.

* * *

Все эти мессианства не сменяли друг друга исторически, а, наслаиваясь, развивали единую картину мира польской культуры, добавляя ей не только большую сложность, но и большую цельность. Поэтому все эти формы живы и актуальны по сей день, проявляясь в самых разных аспектах современной политики. Польша даже стала родиной такого концепта, как «историческая политика», и в её категориях, так или иначе, формулируют свои программы и действия все политические силы страны. При этом, в польской политике оформилось два направления: одно делает упор на историчности, на проявлении польского самосознания в любом политическом акте, а другое — прагматическое, готовое более прислушиваться к соображениям конкретной выгоды и национальных интересов, а не мистической роли Польши в священной истории. Это же различие имеет приложение и в отношении к России.

Несмотря на неприкрытую враждебность, которую проявляет к Москве большинство польских политиков, в общественном дискурсе всё равно бытует такое понятие, как «про-российский политик». Эта характеристика почти никогда не

²⁰ Wolak J. Przedmurze // *Mysł Polska*. 1997, nr 5, s.6.

бывает самозаявленной позицией — обыкновенно её навешивают в качестве позорного ярлычка идейные оппоненты. Смотря на это из России, трудно разобраться в том, почему тот или иной политик в глазах конкурентов и недоброжелателей оказывается «пророссийским». Обыкновенно обращается внимание на то, сколь сильно проявлена в публичных выступлениях антироссийская риторика — и слабая её акцентировка принимается за «пророссийскость». Однако на деле различие здесь принципиальное, и касается оно вопросов самого стратегического характера.

Как уже было отмечено, польский мессианизм в отношении Востока имел две составляющих, по-своему противоречивших друг другу: с одной стороны, Польша видела свою цивилизаторскую миссию в отношении русских пространств, несла им свет западной культуры; с другой стороны, польская мысль концентрировалась на угрозе, якобы исходящей из России для Европы и всей цивилизации, и свою миссию понимала не столько в окультуривании «восточных варваров», сколько в противостоянии им и ограждении (и даже прямо — спасении) Запада. Во втором случае культурная миссия виделась уже излишней — упор в рассуждениях делался на её безнадежности, на неистребимом варварстве России и на непроемкой тьме с Востока.

Так вот, пророссийский политик (или интеллектуал) в Польше — это тот, для кого Россия не безнадежна. Пророссийский политик пусть и осторожно, но склонен к мысли о том, что в будущем Россия всё же придёт к цивилизации, и священный долг Польши — помочь ей в этом. Что интересно,

такая «пророссийская» позиция более свойственна той части польского политикума, которая имеет склонность к прагматизму. Они, так сказать, имеют менее замкнутое на польской специфике, более общеевропейское мышление, и потому образ Востока для них также шире. В условиях нарастающего противостояния Запада с миром ислама возникает желание видеть в России потенциального союзника — не частью евроатлантического мира, но его периферией, признающей авторитет его ценностей и институций.

Стоит всё же подчеркнуть, что сторонников интеграции России в западное сообщество в Польше, в общем-то, нет. Все, так или иначе, согласны в восприятии России как иной цивилизации, Западу чуждой, которой просто нельзя давать в западном сообществе полноправного места. И всё же «пророссийские» политики хотели бы видеть западного человека (и, конечно же, именно поляка) покровителем и учителем России, а не борцом с ней. Такой взгляд в большей степени актуализирует сарматскую традицию отношения к Востоку, чем романтическую традицию противостояния XIX века — что логично следует из независимого статуса современной Польши.

В наши дни это различие проходит между либеральной партией «Гражданская платформа» (и с этой же стороны — почти все польские левые) и консерваторами из «Права и Справедливости». Польские либералы более всего склонны к «приручению» России, к участию в любых акциях, которые могли бы сделать Россию «мягче», «менее враждебной», «менее русской», а потому более склонной к восприятию западных ценностей. Это видится и как мессианский долг «западного

человека» по отношению к «восточным народам»: ведь так он спасает их от прозябания в невежестве и выполняет своё историческое предназначение — борется за «правду и справедливость». Один из таких «пророссийских» политиков современной Польши, нынешний президент Бронислав Коморовский, так пишет об основной линии политики в отношении России: «Как поляк, историк и политик я утверждаю, что то, что мы добиваемся правды и справедливости, является необходимостью и моральным, а также политическим обязательством не только по отношению к нам самим, но и по отношению к простым россиянам»²¹.

А для представителей партии «Право и Справедливость» отношения с Россией видятся только в форме противостояния, по сути вечного, но успехи в котором — исторический долг Польши перед «латинской цивилизацией». Для них Россия безнадежна — она всё равно «всегда будет Россией». Зато именно это делает политику Польши столь важной для всего Запада: только в Польше есть понимание сущности России, и только Польша имеет достаточный опыт борьбы с нею. А потому, именно она может быть главным защитником Запада от угрозы с Востока. Такой подход, кстати, требует постоянного воспроизведения в сознании той эпохи, когда Польша была подчинена России — будь то Российская империя или Советский Союз. В речах польских консерваторов Польша и по сей день предстаёт подчинённой Москве, а отношения с нею так или иначе описываются в категориях освободительной борьбы и призывов к Европе сплотиться для совместного отпора

²¹ Gazeta Wyborcza, 19.09.2005, с.24.

агрессору. Что, конечно же, никак не отменяет задачи нести свет западной культуры всем тем народам Востока, которые можно «освободить из когтей российского орла».

В этом плане очень важно понимать позицию и роль в общественном сознании прежнего президента Польши, Леха Качинского. Он был своего рода символом исторической политики Польши, её мессианской устремлённости на Восток и защиты европейских ценностей в противостоянии с Россией. Его политика была концентрированным выражением польского исторического самосознания; это была воплощённая историческая политика в её бескомпромиссной полноте. И понятно, что столь яркая по символизму гибель человека, который в своей деятельности максимально воплощал традиционный символический код польской культуры, сама по себе делает его культовой фигурой польской истории. Именно этим объясняется то, что он был похоронен с такими в прямом смысле слова королевскими почестями: на Вавеле, рядом с основателем Второй Речи Посполитой Юзефом Пилсудским. Отныне он — один из символов Польши, важнейшая фигура польского осмысления роли и места своей страны.

Лех Качинский, несомненно, герой для значительной части польского общества, и эта часть составляет около половины всего населения. Многим могла не нравиться политика этого президента в её конкретике, но это не мешает ассоциировать себя с теми символами, которые он воплощал всей своей жизнью. Мессианизм видится даже в самой его гибели. Как пишет ксёндз Кшиштоф Олдаковский, смысл трагедии 10 апреля в том, что «весь мир услышал о преступлении, со-

вершённом 70 лет тому назад против польских офицеров», и это послужит тому, чтобы в будущем состоялась «совместная историческая политика Европы» — несомненно, важнейшая цель польской политики. В этом «современная миссия Польши в Европе и мире»²². Лех Качинский стал для многих поляков «santo subito» («святой немедленно», как и папа Иоанн Павел Второй), ведь он воплотил Христову жертву польского народа, и как таковой он войдёт в польское самосознание.

Смоленская трагедия для поляков не может быть сведена к «ошибке пилотов» — она имеет слишком большой символический заряд, и именно в своих символических значениях она останется. «Для понимания того, что произошло в Смоленске, самым важным является анализ в сакральном времени, в котором это всё происходило... Эта трагедия осветила нам миссию, которую для Польши приготовило Провидение», — пишет Томаш Треликовский. «Поляки — хотят они этого или нет — призваны для миссии, которая решит, являемся ли мы народом, который удовлетворяется только самим своим существованием. ... Поляки постоянно приносят огромную кровную жертву. ... Польская жертва по-прежнему осуществляется. ... Смыслом истории Польши является участие в единой жертве Христа»²³. Так, даже в публицистике молодых поляков консервативной направленности можно встретить яркие проявления старых мессианских идей о «Христе народов» и

²² Ołdakowski K. Powracający mesjanizm // Przegląd Powszechny, 2010, nr 9.

²³ См. статью Т.Треликовского в журнале Fronda, 2010, № 55. Цитата по: Lisicki P. Mesjanizm spod Smoleńska // <http://blog.rp.pl/lisicki/2010/07/16/mesjanizm-spod-smolenska/> .

польской жертвенности, которые прекрасно актуализируются в связи с произошедшей трагедией.

Очень важно отметить, что традиция польского мессианизма, жёстко ориентируя Польшу на «Восток», одновременно фактически блокирует адекватное восприятие России в польской культуре. Россия для поляков — это антипод Польши, это выражение всего того, что осознаётся негативно и осуждается. В каком-то смысле жители отдалённых от России стран (возьмём, к примеру, Францию) знают её культуру и чувствуют её своеобразие гораздо лучше, нежели поляки, для которых реальная Россия всегда закрыта Россией собственной, то есть той Россией, которая существует в польской культуре как негативный образ себя. Этот образ имеет основания только в польском самосознании и с реальностью никак не соотносён. Зато именно такой образ России как анти-Польши Варшава транслирует на Запад, претендуя на роль «эксперта по России». На самом деле в Польше Россию знают гораздо хуже, чем в других странах Европы, и причиной этому — сложный культурный комплекс понимания России как «Востока» в польской культуре.

Для российской политики всегда будет оставаться проблемой, кто России выгоднее в качестве партнёра в Польше. С одной стороны, есть те, которые хотят «мирного взаимодействия», но чей оптимизм в отношении России основан на надежде, что со временем она лишится «своей российской сущности». Они проводят политику активного ценностного воздействия на Россию, давления на неё, под которое по мере возможности организуют всё евроатлантическое сообщество.

С другой стороны, есть те, кто готов воспринимать Россию «такой, какая она есть», но делают из этого вывод о необходимости вечного противостояния с ней и жёсткого ограничения её контактов с Европой. В любом случае, надо понимать, что между этими двумя польскими позициями нет никакого расхождения в исходном образе России: радикальном отказе ей в европейском статусе и восприятии её как «Востока» со всеми теми атрибутами, которые привычны для него в европейской культуре. И кто бы ни был у власти в Варшаве, Россия для Польши всегда была и будет важнейшим «Другим», на задачи взаимоотношения с которым так или иначе направлена вся польская политика — и восточная, и западная.

Наталья Нарочницкая

Россия — Польша: сотрудничество лучше соперничества

Ох, как непросто русскому, да еще с бабушкой польских кровей — Марией Владиславовной Закшевской (Zakrzewska), рассуждать о польско-русских отношениях, переживающих не лучшие времена. Тем более, что по-настоящему их анализировать можно только во всей честной полноте — в межрелигиозной, исторической, геополитической ретроспективе и на фоне передела мира. Так что придется посягнуть на политкорректность.

Польско-русские отношения подтверждают, что не только современные процессы, но даже и противоборство коммунистического и либерального проектов мировой истории вобрали в себя геополитическое соперничество и стереотипы, рожденные предыдущим спором внутри христианской цивилизации. Дилемма «Россия и Европа» органично вошла в новую «великую схизму» эпохи постмодерна. Она не замедлила обнажиться, как только Россия на время утратила роль равновеликого совокупному Западу геополитического и духовного противовеса. Начавшаяся реструктуризация Восточной Европы проявляет знакомые геополитические и духовные устремления Старого света. Разве Венгрия и Чехия, становясь членами НАТО, бегут лишь от коммунизма? Скорее они возвращаются в «постгабсбургский» ареал.

Зря в России изумлялись тому, что в католической Польше сочувствуют чеченским бандитам, которые режут головы христиан, ведь историки знают, что кумир польского сознания

Адам Мицкевич, по выражению А. Герцена, «угас» где-то в Константинополе, куда он отправился «устраивать польский казацкий легион», чтобы в Крымской войне воевать на стороне «цивилизованной» Оттоманской Турции против «варварской» России.

Одна из главных целей сегодняшнего передела мира, в который, так или иначе, втянуты все региональные узлы, — контроль над природными ресурсами и геостратегическими и военно-морскими путями к ним — за это ведутся войны современности. В этом процессе важнейшую роль играет оттеснение России на северо-восток Евразии от Средиземного, Черного и Каспийского морей. Это северная граница мирового энергетического или углеводородного эллипса, обнимающего Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, российское Предкавказье, замыкаясь в Афганистане. И эта линия примыкает к Украине, Молдове и Кавказу, что объясняет стратегию втягивания в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря, истерическую травлю Белоруссии — недостающей части выкладываемой мозаики, борьбу за окончательное вытеснение России из Крыма, придание чеченскому уголовному мятежу ореола национально-освободительного движения и, наконец, вовлечение Грузии в американскую орбиту.

На этом фоне, наверное, есть в Польше политики, усматривающие в ситуации некий исторический шанс. Польша — это та самая «новая Европа», на которую якобы делают ставку США в своей евразийской стратегии, так выпукло объясненной Збигневом Бжезинским. Насколько мним этот шанс и на-

сколько рационально это желание «реванша» — это и покажет ближайшее будущее.

Историк не имеет права делать вид, что не знает о тысячелетнем грузе. И в Москве, и в Варшаве наготове списки взаимных обид и упреков — и у каждого своя правда. Поляки предъявят нам разделы, подавление польского восстания, пакт Молотова — Риббентропа, убийство в Катыни... Русские припомнят письмо епископа Краковского Матфея, призывавшего в 1146—1148 годах Бернарда Клервосского к крестовому походу против русских варваров, поход на Кремль в 1612 году, Пилсудского, мечтавшего о походе на Москву, убийство тысяч красноармейцев, Ю. Бека, предлагавшего Гитлеру за три месяца до пресловутого пакта услуги по завоеванию Украины.

Разница в обстоятельствах: для русских сегодняшняя ситуация явно неблагоприятна. Русских сегодня не хотят слышать, наоборот, со вкусом толкуют даже грехи интернационального большевизма как имманентно присущее русским варварство — мол, «марш Буденного — это реализация Философеева Третьего Рима — империалистического завещания царизму!», сталинский деспотизм — это не западный марксизм, а не что иное, как русский империализм, варварство варягов и диких скифов!

Иная ситуация для поляков: маятник повернул и сегодня, как писал Ф. Энгельс Вере Засулич, снова «мнение Польши о России стало мнением Запада». Вот, например, Павел Вечоркович в «Rzeczpospolita» сетует о несостоявшемся союзе с Гитлером и мечтает о параде «победоносных польско-германских войск на Красной площади». Еще 20 лет назад такие

слова ужаснули бы мир больше, чем слова Ахмадинежада об Израиле. Но сегодня ненависть к России — не просто политкорректна — это индульгенция, искупающая любые грехи. Так что идея реванша над Россией — этот навязчивый исторический соблазн вполне может на время одурманить некоторые польские головы, конечно не умы. Вечоркович не постеснялся помечтать о «Польше от моря до моря», которой благодарный Гитлер, ему представляется, отдал бы Украину, Литву, Чехию и Словакию.⁹ И польский историк полагает, что «отнятие Западной Белоруссии и части Украины у советских республик, Вильнюса у Литвы, Тешинской Силезии у Чехословакии были актами исторической справедливости», даже «безусловного торжества справедливости».

Профессор Ягеллонского университета в Кракове фон Стражевски считал именно Польшу щитом Запада от восточного варварства: «Своей тысячелетней принадлежностью к западноевропейской христианской культуре во всех областях общественной жизни Польша стоит неизмеримо выше, чем Россия, которая со своим византийско-азиатским характером является наиглавнейшим врагом всей европейской культуры».

Обратимся к региональным эскизам в сегодняшних геополитических реальностях. Соперничество за лидерство в славянском мире, неприязнь к православному славянству — все это было задолго до всяких разделов Польши и наполняло в равной мере умы магнатов и шляхты XVI века, либералов XIX века и было ядром «антикоммунизма» Ю. Пилсудского и лидеров польской «Солидарности». Какими бы ни были исторические реминисценции, очевидно, что Польша при-

меряет на себя роль организатора региона и лидера его «демократизации», которая сменила культуртрегерский импульс католичества. Амбициозный проект имеет геополитические очертания, напоминающие Балто-Черноморскую унию, которая весьма вписывается в геополитический проект Вашингтона. Вопрос только в том, насколько может Польша рассчитывать на США, предлагая нести за него «ответственность» перед Вашингтоном.

К сожалению, приходится напомнить, что Запад всегда Польшу предавал, причем это делали и марксисты, и монархи, и лидеры демократий.

Казалось бы, Ф. Энгельс, оставивший неприличные для классика интернационализма уничижительные суждения о славянах, делал исключение для поляков. Но мысль о возвращении германизированных славянских земель — той же Силезии, что Польше вернула Русская армия значительно позже, уже в 1945-м, была Ф. Энгельсу невыносима. Поляков он поддерживал единственно ради того, чтобы польское восстание ввергло в революцию Россию: «Неужели уступить целые области народу, который до сих пор не дал ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма?» Да и на Восток поляков он подталкивал, чтобы решить западные польские границы в пользу Германии. Не Розенберг, а Энгельс дает впечатляющие рекомендации: «Взять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, пожирать их продукты, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков на уступки».

Похоже, ни А. Мицкевичу, благоговевшему перед Наполеоном и Францией, ни сегодняшним польским политикам неизвестна подлинная цена польского вопроса для Запада. Наполеон Бонапарт не любил Польши, он любил поляков, проливавших за него кровь (Герцен) и считал Польшу разменной картой против России, о чем свидетельствуют его предложения Александру по Тильзитскому миру.

Что же XX век — век англосаксов, которые осуществили все, что не удалось немцам за два «дранг нах Остен»? Антанта заверяла, что ей нужна «сильная» Польша, в годы Второй мировой войны то же обещали США и Британия, сегодня США всячески демонстрируют предпочтение «новой Европе» — прежде всего «атлантической» Польше. Но вся история за более чем два века от Наполеона до наших дней говорит о том, что ставка эта возникает лишь в моменты слабости России и немедленно сбрасывается как ненужная карта в моменты восстановления российской мощи.

Беседа Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года показывает, как мало поляки и Польша стоят в глазах англосаксов, а «столп демократии» предстает не менее циничным, чем «демон революции», от которого никто и не ждет скрупул. Черчилль докладывает Сталину, что «он упорно работал с поляками все утро. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, он продолжит нажимать, и они не особенно далеки от того, чтобы принять». Черчилль добивался от поляков согласия на все те условия их послевоенного статуса и границ, что были решены без них. Черчилль без смущения сдавал Польшу и только хотел скрыть это от общественности: «Если

сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред президенту на выборах». «Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете». Беседа закончилась заверением Черчилля в том, что «британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши»¹. Грустно, но поучительно.

Итак, наши народы волей судьбы помещены на стыке соперничающих геополитических и цивилизационных систем. Польско-русские отношения есть яркое воплощение этого сложного феномена. На всем протяжении превращения православной Московии в Российскую империю, а затем в XX веке — в коммунистический СССР этот феномен независимо от наличия реальных противоречий вызывал заинтересованную ревность особого характера, присущую лишь разошедшимся членам одной семьи. Я имею в виду апостольско-христианскую семью, к которой мы все принадлежим, ведь нас в одну цивилизацию объединяют не демократические клише, наполняющие конституции Африки и Индии, а «Отче наш» и Нагорная проповедь.

Однако есть еще один дискурс — он уже давно неполиткорректный на «свободном» либеральном Западе, однако представляется одинаково важным для католической Польши и православных России и Украины.

¹ Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем. 14 октября 1944 г. // Вестник Архива Президента Российской Федерации. Источник. Документы русской истории. 1995. №4(17). С. 145.

Куда же движется «Европа апостола Петра», да и сохранилась ли еще таковая? Перекодированная в либеральные клише, троцкистская идея одномерного мира под глобальным управлением бросает вызов всем великим духовным и культурным традициям человечества, и прежде всего великой европейской культуре, основанной на апостольско-христианском культуртрегерском импульсе. Панический страх перед физическим несовершенством, содомиты и транссексуалы, как апофеоз свободы, эвтаназия и торговля органами, и над всем этим центральная новая идеологема — «права человека» и земная жизнь как высшая ценность — вот новый «коммунистический манифест» апостасии XXI века. Это логическое завершение идеи автономности человека от Бога, итог антихристианского Просвещения. Воинствующе либертарное толкование «прав человека» грозит полной бестиялизацией человека, ибо человек только там, где дух выше плоти. Вера, Отечество, долг, честь, любовь — метафизические ценности были для человека выше жизни, и для христиан вдохновляющим образом была Крестная Жертва Спасителя.

Философия либертаризма уже полностью извращается в ценностный нигилизм, который проявляет знакомые черты тоталитарной нетерпимости и все более дерзко наступает на основу демократии — свободу совести и слова. Хотя Польша сегодня настроена, прямо сказать, не слишком доброжелательно к России, мы — русские консерваторы — рукоплещем полякам, не побоявшимся отстаивать христианские ценности в «единой Европе», в которой под раскаты вольтерьянского хохота освистывают Рокко Буттильоне, осмелившегося открыто заявить, что различает грех и добродетель.

Идеалом такого общества является гражданин мира, живущий «хлебом единым» в гедонистическом рабстве плоти и гордыни, исповедуя: «ubi bene ibi patria». Первыми жертвами культурной стерилизации падут малые нации, наивно усматривающие врага в России. Разве не пора искать конкурентоспособную идеологию сотрудничества? Только она обеспечит необходимую и русским, и полякам, и украинцам задачу сделать славянство полноправной частью мира, вместо унижительного экзамена на «цивилизованность». Ведь Европа рассматривает не только православную ойкумену, но и латинских славян, и в целом восточноевропейцев как духовную бесприданницу, им в объединенной Европе уготована роль экспоната в этнографическом музее Европы. Вот где можно использовать весь наш исторический потенциал для повышения роли региона в целом. Вот цель, которая не разделяет, не ущемляет нас, вот в чем не стыдно соревноваться.

Вот где лежит подлинный шанс сыграть поистине великую роль нашим народам, все еще сохранившим тягу к христианским ответам на великие вопросы человека и человечества. Вот поле, на котором можно быть равновеликим игроком европейской истории, ибо для утверждения истины бессилён ВВП и не нужно вечно догонять Запад. Нужно всего лишь сохранить умение и желание различать красоту и уродство, истину и ложь, добро и зло.

Альбина Носкова

Советское военное присутствие в Польше. 1944–1956 гг. (в контексте «исторической политики»)

XX век для граждан России и Польши — это век войн и революций. Они оказали прямое влияние на национальное сознание и отразились в исторической памяти народов. В ходе столь масштабных событий совершалась неоднократная смена правивших элитных групп. Возникала потребность и победителей и побежденных в анализе итогов этих событий, происходило и происходит переформулирование национально-государственных интересов.

В условиях послевоенного или послереволюционного развития, когда массы еще помнят прошлое, а будущее составляют надежды народа и обещания власти, и победители, и побежденные обращаются к исторической памяти, как оружию в борьбе «за» или «против». И каждый находит и извлекает из нее нужные факты и аргументы, работающие на национальную консолидацию в заданном направлении.

Особую роль в сплочении нации играет интеллигенция, в первую очередь, творческая, научная. В зависимости от места, занятого в новом обществе, она создает концепции национальных приоритетов страны, артикулирует оценки событий, не забывая собственные интересы. В случае политического краха, это нередко та социальная группа общества, которая испытывает долгие фантомные боли, поддерживает недовольных переменами, привносит в массы «ностальгию по прошлому», напоминает о былом единении нации, ретуширует реально су-

ществовавшие социальные и политические противоречия. Настает время, когда она, в лице следующих поколений, побеждая, берет реванш, опираясь на подготовленное в разной мере общественное мнение.

На крутых переломах в развитии общества уникальной является функция, прежде всего гуманитарной интеллигенции, в особенности интеллектуальной элиты, оппозиционность которой опасна, а поддержка необходима власти, нуждающейся в национальной консолидации. Притом, элита сама «обновляется» вместе с властью и, как правило, в силу разных причин, по убеждению ли, из стремлений ли сохраниться или сделать карьеру, многие ее представители демонстрируют готовность помочь политической группировке, пришедшей к управлению страной. Часть сообщества профессиональных историков, одного из «отрядов» этой элиты, оказывается тесно связанной с властью. Она участвует в переформировании исторической памяти народа, что позволяет превратить историю — науку, несомненно, политическую — непосредственно в «историческую политику».

В XX веке «историческая политика» выступает как явление международное. Этим эффективным инструментом воздействия на национальное сознание пользовалась каждая власть, как в России/СССР, так и в Польше, подправляя прошлое в соответствии со своими внутривнутриполитическими или геополитическими интересами. Общеизвестно, до какой степени «корректировалась» история Российской империи при советской власти. Тогда на десятилетия были забыты великие имена, например, А.В. Суворова (вспомнили, когда вермахт

стоял под Москвой) или П.А. Столыпина (вспомнили перед неизбежностью коренных перемен в стране). Другой пример. Многие годы советской исторической наукой славилась лишь борцы с царизмом, сегодня их уже не жалуют, именуя террористами своей эпохи. Еще пример. Прежде, как у нас считалось, жили в СССР только партийные и беспартийные коммунисты. Теперь, в новой России, число заявляющих себя диссидентами советского времени растет стремительно, и ненароком случится, что сравняется со всем взрослым населением.

Те же тенденции имели место и в послевоенной Польше. Пропаганда ППР/ПОРП действовала по законам «исторической политики». Так, национальная история межвоенного периода рисовалась с преобладанием темных и разоблачительных «тонов». В лучшем случае, ограничивался, в худшем — искажался вклад в борьбу с гитлеровскими оккупантами партизанских отрядов массовой патриотической Армии Крайовой (АК), идеологизировалась интерпретация таких фактов польской истории, как вторжение Красной Армии на государственную территорию Польши 17 сентября 1939 г., разрыв в 1943 г. Москвой дипломатических отношений с польским правительством в эмиграции. Были запретными проблемы Катыни и участия войск НКВД СССР в подавлении польского подполья в 1944—1945 гг.

К чести польской научной школы, уже в 60—70-е годы, по историческим меркам быстро, обозначились существенные перемены в оценках ряда важных сюжетов национальной истории. Так, заметно уменьшилась «дань» политическим интересам при определении характера режима, установленного

в 1926 г. Ю. Пилсудским, объективизировались оценки АК. В 80-ые годы был поставлен вопрос о судьбе польских граждан, «исчезнувших» на территории СССР в 1940 г. Вместе с тем, сохранялось явное преувеличение общественного влияния компартии Польши в 20–30-е годы, поддержки поляками Польской рабочей партии (ППР) в период гитлеровской оккупации и сразу после освобождения. Ячейки ППР польские историки, бывало, находили, чуть ли не в каждой деревне. Теперь другие историки записали всех поляков в ряды антикоммунистов и непреклонных борцов за независимость от СССР в период существования Народной Польши.

Таким образом, «историческая политика», как один из инструментов управления массовым сознанием, не является изобретением политиков нашего времени. Фактом современности в бывших европейских странах «реального социализма» является плотное сцепление исторической науки в лице большинства историков с политической конъюнктурой. Налицо тенденция политизации с обратным идеологическим знаком политических итогов войны для Польши и всего послевоенного исторического процесса, его тенденциозная интерпретация под непосредственным влиянием или давлением власти на историков.

Профессор г. Слабек, один из тех представителей целого ряда известных ученых времени Народной Польши, кто в силу высокого профессионализма не утратил достойного места и влияния в современной польской науке, с большой точностью отразил цель тех, кто сегодня в Польше заказывает «историческую политику» и предлагает методологию ее исполнителям:

«В период политических переломов побеждающие формации стараются представить ситуацию страны и правившие до сих пор группировки в максимально неблагоприятном свете, чтобы таким способом по принципу контраста с прошлой властью и сравнения со своими собственными обещаниями возбудить надежды и получить общественную поддержку. Логика политической борьбы велит победителям задавать вопрос, кто уничтожал и вредил, чтобы ответить самому себе и убедить общество: виновна, конечно, уходящая власть и все те, кто ее поддерживал своим согласием или пассивностью»¹.

Благодатное поле для политической эксплуатации — события, глубоко затронувшие судьбы миллионов. Наиболее крупное из них — Вторая мировая война, для СССР и современной России — Великая Отечественная, ее глобальные геополитические последствия. Как объект «исторической политики», именно война и первое послевоенное десятилетие весьма подходящая для новой интерпретации страница истории Польши. Подходящая как с точки зрения временной дистанции, когда произошла смена двух-трех поколений людей и поблекла яркость события, так и с точки зрения великого соблазна властей в условиях обновления ценностных ориентиров получить выгодное на сегодня прочтение истории. Это возможно лишь ценой нарушения точности и полноты воспроизведения историками всего героического и трагического, из чего складывалось многообразие того времени. Примеров сознательной корректировки исторических событий под воздействием «историче-

¹ Słabek H. *Intelektualistów obraz własny. 1944-1'989*. Warszawa. 1997. S.191.

ской политики» предостаточно. Приведем лишь отдельные из них, наиболее крупные и значительные.

Самое заметное историческое событие для Польши — это роль СССР в изменении общественного устройства соседней страны. Отсюда — особое внимание современных историков к трактовке причин, целей и последствий прихода Красной Армии в Польшу в 1944–1945 гг.

Уже в 80-ые годы эта проблема применительно ко всем странам советского блока стала в СССР\России предметом острых научных дискуссий. Широко распространенная формулировка «освободительная миссия Красной Армии в Европе», десятилетиями определявшаяся как идеологическая, наполненная социалистическим содержанием, теперь ставилась под сомнение. В ходе дискуссий с привлечением все новых, ранее секретных архивных документов смысловое наполнение слов «освободительная миссия» углублялось и расширялось. По сути дела, российские историки единодушны в том, что приход Красной Армии в Восточную Европу, как и вся внешняя политика Сталина, имел целью, разгромив фашизм, обеспечить послевоенную безопасность советского государства и усилить личную власть вождя².

² В связи с этим приведем мнение известного американского дипломата Дж. Кеннана о советских руководителях: «Для них международная жизнь имеет значение лишь постольку, поскольку она связана с безопасностью России или ее внутренними проблемами». И далее: «Прекращение войны в Европе означало вместе с тем и поворотный пункт в истории советской дипломатии. Положение Советского Союза заметно изменилось благодаря продвижению Советской армии в центральную Европу. Сбылась мечта Сталина о создании защитной зоны вдоль западных границ России». (Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М.2002. С. 148, 160)

По большому счету, ни в позднее советское, ни в постсоветское время, при всех порой существенных отличиях и нюансах в позициях российских историков, принципиальных разногласий здесь не просматривалось. Не отрицалось и то, что во внешнеполитические задачи советского руководства были заложены как геополитическая, включая территориальный фактор, так и идеологическая составляющие³.

Такой подход к проблеме целеполагания во внешней политике СССР свидетельствовал об освобождении большинства российских историков от «уз» идеологии, об отказе от идеализации замыслов советского руководства в отношении стран Восточной Европы. Он же позволил обозначить практическое наполнение формулы «освободительная миссия Красной Армии» и на основании крупных блоков новых документов выделить качественно разные периоды в замыслах и целях советского руководства.

Большинство российских специалистов полагает, что применительно к Польше на этапе перехода от войны к миру первоочередной для СССР была геополитическая задача, решаемая в соответствии с интересами страны. А именно: разместив польское государство на территориях, продвинутых существенно на запад, удержать Польшу в сфере советского влияния, во-первых, и, связав в единое целое проблему безопасности двух стран на германском направлении, обеспечить долгосрочную зависимость Варшавы от Москвы, во-вторых⁴. Соккрытие в

³ См. например, работы В. Печатнова, М.Ю. Мягкова, В.Л. Малькова, О.А. Ржешевского, А.И. Филитова и др.

⁴ Под. см. «Белые пятна — Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях». М. 2010 С. 394 -431

советской исторической науке задачи установления советского контроля над внутренней и внешней политикой Польши было одним из проявлений «исторической политики» Москвы.

Признавая сегодня отсутствие даже намеков на политический альтруизм в действиях Москвы, российские специалисты полагают, что откровенные формы, сроки и масштаб советского военного присутствия в Польше определялись остротой решения ряда вопросов, принципиально важных, прежде всего, для Польши. Речь шла о создании польской государственности и обеспечении безопасности ее границ, о территориальном приращении за счет Германии с передачей Польше промышленно развитых, богатых полезными ископаемыми районов, о 10-кратном увеличении протяженности польского побережья на Балтике, и тем самым о закреплении геополитического «места» Польши в Европе. Документально подтверждается, что партнеры Сталина по антигитлеровской коалиции в конце войны проявляли большие колебания по вопросу столь существенного ущемления Германии в пользу Польши.

Советскому руководству имело смысл отстаивать на конференциях в Ялте и Потсдаме создание на западных границах СССР государства с уникальной геополитической ситуацией только при условии существования в Варшаве невраждебной власти. Как считал посол США в Москве А. Гарриман, «непримиримый, густо замешанный на русофобии антисоветизм» польской политической элиты делал для Сталина невозможным «вести дела с лондонским правительством»⁵, так же как,

⁵ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Перевод с нем. яз. М., 1995. С. 297, а также 187, 218, 222, и др.

добавим, его представителями в военно-политическом подполье в стране. Невраждебными Советскому Союзу были немногочисленные радикально левые политические силы, они были готовы взять власть на весьма выгодных для Польши условиях, гарантированных международным влиянием и военной силой СССР. Прежде всего, это были коммунисты, располагавшие незначительным влиянием в обществе. По причине объективно невеликих тогда военно-политических возможностей западных держав на континенте и непримиримости в отношении СССР польского правительства, эти надежные партнеры Москвы и стали участниками власти в Польше⁶.

Таким образом, именно геополитические соображения, обусловленные генеральной целью (разгром Германии), являлись основными причинами вступления на территорию Польши Красной Армии, в рядах которой служило более 19 тыс. советских офицеров и генералов. Такими соображениями, усложненными все более отчетливой и обострявшейся в первые послевоенные годы задачей решения германского вопроса, чтобы не допустить повторения германской агрессии и гарантировать исполняемость антигерманского советско-польского Договора 1945 г., мотивировалось непосредственное размещение 300 тыс. военнослужащих Северной группы советских войск на западных и северо-западных территориях Польши.

⁶ Еще раз сошлемся на мнение Дж. Кеннана, который считал, что «не так уж важно, будут ли советские руководители насаждать коммунизм в странах, занятых советскими войсками. Для них важно получить власть как таковую, а форма этой власти может быть определена тактическими соображениями». (Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Дж. Кеннана. М.2002. С. 148)

Причины силового подавления войсками НКВД СССР польского вооруженного и политического подполья, подчиненного правительству, отмеченному, по словам Дж. Кеннана, «истеричным антисоветизмом», оказывались не менее сложными. Вооруженная борьба польских партизанских отрядов разной политической ориентации нарушала тылы Красной Армии, действовавшей против общего врага, и тем давала законные основания для подавления этих отрядов и ареста их командиров и руководителей. Курс Польши на борьбу за геополитический отрыв от СССР и переход в сферу интересов западных союзников означал покушение на долгосрочную безопасность СССР от быстрого, как тогда считалось, возрождения агрессивной Германии. Военная мощь и политический вес в антигитлеровской коалиции позволили Сталину решать в Польше масштабные геополитические задачи, фактически «выведа за скобки» представления польской элиты о национальных интересах государства Польша.

Однако было бы упрощением — как это сегодня делают «историки от политики» в Польше, а порой и в России — возлагать исключительно на Сталина ответственность за несвободу в Польше. Сыграли весьма ощутимую роль «сознательно упущенные возможности» давления на Сталина со стороны союзных Польше западных держав, а также неспособность польского правительства «поступиться национальными принципами», во имя максимально возможного удовлетворения интересов государства. Польское правительство — по характеристике Дж. Кеннана, «обреченные представители обре-

ченного режима»⁷ — потерпело сокрушительное поражение на магистральных направлениях своей политики: национальном (независимость от СССР) и геополитическом (Польша — барьер от большевизма) и сошло с исторической сцены.

А польский народ остался, и жизнь ему сохранил советский солдат, который — и это исторический факт — не имея политической свободы сам, не мог принести ее другим⁸. Ограничение советской стороной суверенности Польши поляки приняли как тяжелую плату за великий дар — спасение этими солдатами польской нации от физического уничтожения.

Опубликованные в России документы высшего советского руководства свидетельствуют, что соотношение геополитики и идеологии во внешней политике СССР, в том числе в отношении Польши, менялось в пользу идеологии по мере размывания, а затем разрыва сотрудничества великих держав. Неизбежными становились усиление идеологических мотивов в действиях польских коммунистов, переход на рубеже 1948—1949 г. к монополющей власти ПОРП и модернизация общественного устройства страны по советской модели. В связи с этими переменами видоизменялся характер советских задач в Польше. Снижалась потребность в масштабной и прямой охранной функции, которую выполняли расквартированные здесь советские военные подразделения.

Кроме того, в Москве и Варшаве учитывали субъективный фактор: советское военное присутствие поддерживало в польском обществе устойчивое ощущение зависимости госу-

⁷ Дипломатия Второй мировой войны... С. 134.

⁸ «Белые пятна — черные пятна»... С.495.

дарства и власти от восточного соседа. Случаи мародерства и насилия со стороны советских солдат вызывали возмущение рядовых поляков. Осуществлявшийся, согласно международным решениям 1945 г., советскими трофейными командами демонтаж и вывоз в СССР оборудования немецких заводов из Польши, транзит через Польшу продовольствия и особенно гуртов скота, наконец, угольная проблема — все это обрастало достоверными и недостоверными слухами, расценивалось как ограбление, оборачивалось нападениями подпольных отрядов на советскую охрану, убийствами советских солдат, вооруженными столкновениями. Общественно-политическая атмосфера в стране и климат двусторонних отношений осложнились. В силу разных причин требовалось постепенное, но постоянное ограничение масштаба присутствия силовых структур СССР в Польше.

Сегодня, благодаря архивному направлению «исторической политики» в России, ученым доступен значительный блок документальных материалов, которые позволяют раскрыть не только причины советского военного присутствия в Польше, о чем речь шла выше. Документы свидетельствуют, что в Москве не считали это присутствие величиной постоянной на все времена, соотносили наличие этого инструмента контроля и охраны от покушений, как на власть, так и на границы Польши, с международными обстоятельствами, осознавали его негативное воздействие на социально-психологическую ситуацию в стране.

Поэтому Сталин поддержал просьбу В. Гомулки о постепенном сокращении советского военного присутствия в

Польше. Так, к 1948 году из рядов Войска Польского было откомандировано в Союз более 17 тыс. советских офицеров и генералов; в 1946 г. были выведены войска МВД по охране тыла СГВ, в 1947 г. расформирована и покинула пределы Польши Сводная дивизия внутренних войск НКВД СССР. Численность СГВ сократилась с 300 тыс. чел. в 1945 г. до 100 тыс. чел. в 1946 г. К 1949 г. польской стороне было передано около 70% занимаемых этой группой объектов недвижимости. Советники и инструкторы НКВД-МВД СССР \МВД\ МГБ СССР отзывались из низшего и в значительной мере (до 1950 г.) среднего звена польской госбезопасности.

Баланс между прямым нахождением советских военнослужащих на территории союзного государства и партийно-политическим и экономическим взаимодействием Москвы и Варшавы смещался в пользу названного взаимодействия, включая военно-оперативную подготовку территории к обороне от агрессии с Запада. Формы советского присутствия в Польше трансформировались, уровни военно-политической и экономической зависимости от СССР изменялись. В этом отношении решительные перемены состоялись в 1956 г. В. Гомулка — и это отражают опубликованные в России документальные материалы советско-польских переговоров в 1956—1957 гг. и решений высших советских властей — добился существенного понижения уровня зависимости Польши от СССР. Польский лидер настоял на откомандировании в Союз всех советских офицеров из Войска Польского (по просьбе польской стороны оставались единицы), всех советников госбезопасности, на праве польского руководства самостоятельно принимать вну-

трение партийно-политические решения. Он же, заключив в 1970 г. договор с ФРГ о признании западной границы Польши, максимально снизил (СГВ насчитывала тогда 64 тыс. чел.) потребность страны в советском военном прикрытии западной границы Польши

Таким образом, сегодня российская историческая наука, сообразуясь с национально-государственными интересами России, в результате, в том числе, «исторической политики» государства в архивном деле и общественных настроений в стране, существенно, порой принципиально, пересмотрела свое понимание хода и содержания советско-польских отношений в первое послевоенное десятилетие, во многом отказавшись от упрощений и идеологических императивов. Возросла тяга к углублению знаний и способность историков к дискуссиям, не было утрачено присутствие в науке различающихся, порой существенно, подходов и оценок роли СССР, его интересов в возникновении послевоенной Польши.

Что касается ситуации в польской исторической науке, то изменения общественного строя Польши в 80-90-е годы XX века определили собственный сценарий ее современного развития. Он был следствием разрыва новым политическим классом страны с концепциями национально-государственных интересов и путей обеспечения безопасности Польши, вызванных в свое время к жизни объективными конкретно-историческими условиями середины XX века, установлением и сохранением советского военного присутствия и политического контроля, принципиальным переломом в характере власти в Польше, происшедшим в 1947–1948 гг.,

Взамен прошлому новой политической элитой был предложен, по сути дела, возврат к тем созданным от имени Польши польским правительством в эмиграции концепциям национально-государственных интересов, которые, напомним, в 1943–1945 гг. потерпели политическое поражение. Тогда эти концепции состояли из ряда незыблемых постулатов: сохранение преемственности довоенной и послевоенной власти, восстановление (с допустимой корректировкой) общественных порядков II Республики; западная внешнеполитическая ориентация с постепенным выдвиганием США на роль главного послевоенного союзника; Польша, территориально восстановленная на Востоке и раздвинутая на Запад, — барьер против наступления большевизма. В геополитическом плане польское правительство не отводило места для союза с СССР, во время войны вынужденно считая его лишь «союзником наших союзников». СССР — главный победитель в войне с Германией, не рассматривался польскими политиками гарантом безопасности послевоенной Польши на германском направлении, компромиссы и договоренности с советским руководством допускались лишь на польских условиях, предъявляемых Москве.

Между тем, освобождение от гитлеровской оккупации пришло не с Запада, из чего, как из аксиомы, исходили все польские политические группировки, представленные в правительстве в эмиграции, а с Востока. Красная Армия вступила на польскую землю вопреки намерениям, планам и расчетам этого правительства и подчиненных ему военно-политических структур «подпольного государства». Планы автоматического восстановления власти, предусматривавшего и западноевро-

пейское геополитическое местоположение страны, рухнули в 1945 г. Советское военное присутствие в Польше, будучи результатом прямых договоренностей лидеров СССР, США и Великобритании, стало фактом истории. Возникла зависимая от Москвы, но со всеми атрибутами суверенности, включая международное признание, послевоенная Польша, именовавшаяся с 1952 г. Польской народной республикой.

История первого десятилетия послевоенной Польши, ее отношений с СССР, в первую очередь, оказалась в высшей степени «пригодным» объектом для «исторической политики» нового политического класса, который избрал метод уничтожающей критики «коммунистического» прошлого страны без какого-либо учета конкретно-исторических условий, определявших тогда границы возможного как для Польши, так и для СССР. Усилиями большого отряда польских историков, в распоряжение которых были предоставлены ранее недоступные, в том числе, и советские архивные материалы, энергично был освоен конкретно-исторический материал, и политической элите была представлена концепция, обличающая историю ПНР. Причем «историческая политика» служила и служит инструментом выполнения двух задач: внутренней (перевоспитание, или «индоктринация», избавление национального сознания поляков от той системы ценностей, которая действовала в социалистической Польше, принятие новых принципов общественной организации) и внешнеполитической.

На рубеже 80-90-х годов XX века национальная история поляков совершила некий «обратный ход». Концепция национально-государственных интересов, созданная в годы

войны правительством в эмиграции, оценки тех или иных событий не просто возрождены. Они модифицированы с учетом новых объективных реальностей в самой Польше, на Западе (Евросоюз, НАТО, США — главный союзник) и на Востоке Европы, где геополитическая ситуация Польши принципиально изменилась. Общее для всех стран Восточной Европы и бывших союзных республик недавнее историческое прошлое вплетено «исторической политикой» Варшавы во внешнюю политику современной Польши. Оно используется польским политическим классом как рычаг давления в двусторонних отношениях, прежде всего с Россией. На эту правопреемницу СССР возложена главная ответственность за судьбу Польши в военные и первые послевоенные годы⁹.

Геополитические усилия польской элиты подчинены обеспечению стабильности новых внутренних социально-политических порядков. Вот здесь для убеждения общества в необратимости пути, избранного в конце 80-х годов, в полной мере задействована «историческая политика». Учитывая особую, исторически обусловленную чувствительность поляков к вопросу национальной государственности, независимой от восточного соседа, понятно, что роль СССР в послевоенной истории страны, проблема советского политического влияния

⁹ В связи с этим заметим. Послевоенная Польша возникла как мононациональное и, что не менее важно, одноконфессиональное государство. Тогда это расценивалось польским обществом как положительный факт национальной истории XX века. В наше время в современной этнологии существует мнение ученых о том, что мононациональные государства нередко склонны возлагать на внешний фактор главную долю вины и ответственности за внутренние неурядицы, объяснять собственные трудности и ошибки негативным влиянием этого фактора, предлагать его своему обществу как основную или одну из основных причин внутренних проблем.

и особенно военного присутствия, избраны в качестве «мишеней», выигрышных для низвержения истории ПНР.

С этой целью из целостного исторического контекста того времени вычленяется ряд особых эпизодов, на раскрытие которых и их интерпретацию направлены многие силы большого коллектива польских историков. Внимание сфокусировано на раскрытии действий советского руководства в Польше, продиктованных задачами обеспечения советских геополитических интересов, а вовсе не исключительными принципами морали. Принципы морали, как известно, в мировой политике явление, вообще, чрезвычайно редко встречающееся. Такими примерами, как пакт Сталин-Гитлер от 17 сентября 1939 г., депортация поляков в глубь СССР, Катынь, подавление Армии Крайовой внутренними войсками НКВД СССР, арест и судебный процесс 16-ти ведущих деятелей «подпольного государства», неравноправные политические и экономические отношения двух стран, и создан в современной польской историографии враждебный образ СССР, подчинившего, ограбившего, превратившего Польшу в вассала.

Несмотря на то, что сатисфакцию за советские грехи Польша получила и неоднократно (в России даны научно-политические и нравственные оценки пакта 1939 г. и Катынского преступления), столь неприглядный образ восточного соседа воспроизводится польскими историками и непрерывно тиражируется. Массового польского читателя, прежде всего, молодое поколение поляков сотнями книг и тысячами статей убеждают, что Польша — лишь жертва насилия агрессивного восточного соседа.

Этому обличительному направлению «исторической политики» польского правящего класса противопоставляется направление этой политики качественно иного порядка. Не меньшими тиражами воспроизводится история военно-политического подполья, самоотверженная борьба поляков с гитлеровскими оккупантами и за независимость от СССР, героическое Варшавское восстание, участие Польских вооруженных сил в боях на западном фронте, доказывается самостоятельность внешнеполитического курса польского правительства, его твердость в отстаивании восточной довоенной границы, противостояние давлению СССР и западных держав.

Советский фактор, постоянно воспроизводимый как зло и лишенный сознательно «забытого» добра, уже в 80-е годы был в арсенале инструментов политической борьбы оппозиции за свержение власти ПОРП. В 90-ые годы он стал магистралью официальной исторической науки, «прививавшей» польскому обществу иммунитет к иному пониманию истории народной Польши. Приведем отдельные примеры того, как и какое содержание вкладывается многими, хотя вовсе не всеми польскими историками в наиболее крупные проявления советского фактора в Польше на рубеже войны и мира.

В общественном мнении и массовом сознании россиян преобладает понимание, что советские солдаты принесли в Польшу освобождение от гитлеровских оккупантов, избавление от физической гибели. Это объяснение, как правило, не вызывает дальнейших вопросов у абсолютного большинства граждан России, ибо освобождение советских территорий от гитлеровцев не сопровождалось сменой общественных порядков.

Для поляков все было сложнее, на чем и построена «историческая политика». Рассуждая о событиях 1944–1945 гг., полагают ее адепты, термин «освобождение»¹⁰ не применим к содержанию этого времени. Аргументация такова. Во-первых, следствием прихода Красной Армии в Польшу стал разрыв политического развития страны, так как были отстранены от власти легитимное правительство в эмиграции и «подпольное государство», представлявшие прежний политический класс. Во-вторых, произошла «новая аннексия восточных земель II Речи Посполитой»¹¹, где правили «советские оккупационные власти» и был установлен «оккупационный режим». В-третьих, послевоенная Польша не рассматривалась советской стороной «в качестве суверенного союзника», а советский аппарат превратился «не в освободителя, а в оккупанта»¹².

В этой аргументации отсутствует постановка ряда принципиально важных вопросов, которые обнажают ее недостаточность и некорректность. Существовал ли реальный шанс возвращения польского правительства в страну в условиях острого советско-польского конфликта? Была ли в силах Польша самостоятельно избавиться от гитлеровских оккупантов, и тем исключить приход Красной Армии? Собирались ли западные союзники воевать за освобождение Польши, на что поляки делали ставку? И еще: что ожидало бы поляков и Польшу при отрицательных ответах на эти жизненно важные для поляков вопросы?

¹⁰ Этимология слова «освобождение» («wyzwolenie») связана со словом «свобода» («wolności»).

¹¹ Имеются в виду территории Западной Украины и Западной Белоруссии, с августа 1939 г. находившиеся в составе СССР.

¹² Белые пятна — черные пятна... С.379, 436

Суждения о том, что Польша проиграла Вторую мировую войну, потому что потерпело политическое поражение законное польское правительство, не были восстановлены довоенные восточные границы, и к власти пришли польские коммунисты, бытовали и в социалистические времена. Уже тогда твердый ответ на эти вопросы дал примас Польской католической церкви, кардинал С. Вышинский. Беседуя в январе 1960 г. с лидером ПОРП В. Гомулкой о военной судьбе Польши, он напомнил о проектах «германского освоения жизненного пространства» и «Генеральном плане Ост». Примас признавал физическое спасение польского народа главным итогом выигранной войны: «Немцы во время войны думали так: войну мы выиграем, остальное сделают крематории, ведь нам не нужны поляки, нужна только их земля... они бы это сделали, если бы мы проиграли войну...»¹³

«Мы» — это в первую очередь Красная Армия и СССР, ибо победить фашизм можно было лишь вместе с СССР и ценой миллионов солдатских жизней, поэтому Польша могла возродиться на карте Европы такой, какой она и возникла.

По сравнению с 80-ми — началом 90-х годов в современной польской историографии произошли заметные изменения. Сторонников дословного повторения тезиса о наступлении второй, или «советской оккупации» не так много. Идут дискуссии по магистральной проблеме, чем считать вступление Красной Армии в Польшу, как в условиях советского присут-

¹³ Rozmowa I sekretarza KC PZPR Władysława Gomułki z prymasem Polski ks. kard. Stefanem Wyszyńskim w dniu 11 stycznia 1960 roku \ \ Władysław Gomułka i jego epoka. W. 2005. S. 284

ствия квалифицировать положение страны? Многие крупные польские историки (К. Керстен, А. Пачковский, А. Фришке, А. Верблян и др.) термин «освобождение» замещают понятиями «спасение», «избавление» поляков от нацизма и тем самым исключают из него социально-политическую составляющую. Они единодушны в констатации зависимости послевоенной Польши от СССР, что бесспорно. Так, А. Пачковский полагает, что в 1945 г. началась новая эпоха, когда страна «только являлась субъектом международных отношений. Фактически она стала многосторонне и необыкновенно глубоко зависимым фрагментом большой идеологической империи»¹⁴.

Еще в 80-е годы К. Керстен, которая внесла неоспоримый вклад в понимание и научные оценки истории послевоенной Польши, подметила некую внутреннюю двойственность в том, чем был приход Красной Армии для поляков: и победой, и поражением одновременно. При этом она подчеркивала, что в стране отсутствовало массовое восприятие власти во главе с коммунистами как инационального режима. Это, по сути дела, можно прочесть как отрицание тезиса о советской оккупации Польши. Во многом согласен с Керстен историк среднего поколения В. Бородзей, который считает весну 1945 г. воплощением «одновременности освобождения и нового закабаления» поляков. Глубоко проницательный аналитик А. Фришке исходит из неоспоримой для него советской оккупации польских территорий в 1939 г., но пишет о «несуверенности государства», зависимости от СССР в 1944–1945 гг., изменениях меры и проявлений этой несuverенности в дальней-

¹⁴ A Paczkowski *Pół wieku dziejōPolski. 1939-1989*. W.1995. S.157, также S. 143.

шем, и делает нечастый для польских историков вывод: «Если бы судьбы войны сложились иначе, гитлеровская Германия многие годы господствовала на польской земле, то нависла бы угроза над существованием польского народа, а польский этнический ареал превратился бы в небольшую территорию»¹⁵.

А. Верблян, историк и крупный политический деятель ПОРП, размышляя о прошлом, признает, что «политический, международный и внутренний суверенитет [Польши] был ограничен и значительно». Вместе с тем, он видит эту проблему дважды мифологизированной, как сторонниками ПНР, настаивавшими на полном суверенитете этого государства, так и ее противниками, для которых народная Польша «была вообще лишена суверенитета, подчинена, порабощена и просто оккупирована Советским Союзом». А. Верблян констатирует, что в годы войны, безусловно, была проиграна официальная концепция внешней политики Польши. В связи с этим, в обществе существовали две ориентации: «те, кто отрицал компромисс по вопросу суверенитета, тот ставил знак равенства между зависимостью и оккупацией», и другие, для которых «собственная государственность, хотя и не суверенная, или не полностью суверенная, составляла великое и ценное благо...» Подчеркнем не менее важное замечание Вербляна, которое разделяют многие историки в России, а именно его отстаивание «принципиального факта»: «основополагающие решения о территории Польши и ее зависимости от СССР после II ми-

¹⁵ Kersten K. Społeczństwo polskie i władza ludowa w 1.1944-1948 \\ Dzieje Najnowsze. 1982. No 1-4. S.83; Белье пятна — Черные пятна... С. 437 ; Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939-1989. W.2003. S. 10, 25, 469

ровой войны имели геополитические основания, в тогдашних условиях были неотменимы и не зависели от поляков»¹⁶.

В современной польской исторической науке, в активных политических кругах общества, в массовом сознании живы и по-разному проявляются те две ориентации, о которых пишет А. Верблян. Значительно более активны сторонники первой ориентации, те, кто сегодня прилагает немалые усилия, чтобы снизить усилия Красной Армии в сохранении жизни многих миллионов поляков, умалить вклад советских солдат в разгром вермахта вообще и на польской территории конкретно. Героические действия советских солдат «обволакиваются» целым рядом негативных, порой подлинных событий, но нередко и лживых фактов. Примером тому может быть емкое по приводимым «аргументам» и одновременно с элементами фантазии предисловие Е. Щляского, одного из офицеров Армии Крайовой, к монографии, раскрывающей историю возникновения и борьбы польского подполья, подчиненного правительству в Лондоне¹⁷.

Щляский уверен, что с середины 1942 г. в оккупированной Польше существовал «польский фронт», в который входили АК и другие подпольные военные организации. Этот «фронт», пишет Щляский, был важен для союзников. Он «связывал» в Польше от 600 тыс. до 1 млн. солдат вермахта, «в высшей мере отвлекал от Красной Армии [силы вермахта]», чего «требовали от [поляков] союзники». И далее:

¹⁶ Werblan A. Stalinizm w Polsce. W. 2009. S.107

¹⁷ Salmanoicz St. Ney-Krwawicz M. Górski G. Polskie Państwo Podziemne. Warszawa. 1999

«армия Подпольного польского государства выполнила до конца свои обязательства перед союзниками», «сосредоточив свыше 100 тыс. солдат АК в ходе акции «Бужа», «тесно взаимодействовала [с Красной Армией] в изгнании немцев из Польши»¹⁸.

Здесь не место оспаривать фактическую сторону утверждений Щляского, но, на мой взгляд, необходимо ознакомить с ними российского читателя. В чем, по утверждению Щляского, состояло взаимодействие АК с Красной Армией: отряды АК шли впереди наступающих советских войск, обеспечивали им тылы и фланги, корректировали направление их марша, указывали узловые пункты немецкой обороны, вместе с Красной Армией их захватывали и уничтожали, блокировали пути отступления немцев и вместе с Красной Армией освободили десятки населенных пунктов. Этим поляки, делает вывод участник АК, «значительно ускорили темп советского наступления» и сохранили жизни и кровь многих граждан Польши и солдат Красной Армии, «...на союзника наших союзников мы не подняли оружия, хотя имели много поводов это сделать»¹⁹.

Такое доведенное до абсурда искажение роли Красной Армии и усилий советских солдат при освобождении Польши от гитлеровских оккупантов рассчитано на формирование со-

¹⁸ Имеется в виду развертывание в 1944 году партизанских отрядов, главным образом АК, для борьбы в тылах регулярных частей вермахта на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы. Политический замысел операции «Бужа» состоял в том, чтобы боевыми усилиями польских партизан подтверждать государственную принадлежность этих территорий Польше и устанавливать здесь власть польского правительства.

¹⁹ Предисловие к указанной монографии. С. 12-14.

ответствующей исторической памяти молодого поколения поляков, не знающих всей правды о войне.

подавляющая часть утверждений бывшего аковца не подтверждается или опровергается опубликованными в России документальными материалами и может быть «списана» на изношенную память автора. Однако некоторые «идеи» в тексте Щляского имеют другой, откровенно политический адресат. Автор их убежден, что «сегодня, много лет спустя, такая позиция должна вызывать уважение, особенно среди руководящего состава НАТО», полагает, что «мы занимаем в НАТО то место, которое должны были бы занять в 1949 г.», и настаивает, что такую информацию надо передать нашим союзникам²⁰.

Приводя этот пример «исторической политики» в действии, следует оговориться, что такие откровенные фальсификации истории встречаются в польской историографии «не каждый день». Как правило, используется метод корректировки, исправления хода того или иного события или умолчания факта.

Судя по текстам моих польских коллег проф. Матерского и проф. Бородзея, опубликованным в книге «Белые пятна-черные пятна», работающими остаются тезисы: «советы» предали, ограбили, подчинили Польшу. Вершина предательства — это Варшавское восстание, когда Сталин «приказал остановить наступление на подступах к столице Польши», но, «не желая вызывать упреки, что он пассивно наблюдает за уничтожением города, он распорядился продолжать ограниченные наступательные

²⁰ Предисловие к указанной монографии. С. 14 -15

действия», которые создавали «впечатление продолжения наступления», а сбросы оружия и продовольствия были «мнимыми действиями» И авторский вывод: «Задержав у ворот Варшавы наступление 1-го Белорусского фронта, Сталин, без сомнения, руководствовался политическими соображениями, ставя их выше военных, оперативных, а также моральных. Он позволил немцам подавить восстание...»²¹ Остается написать: Сталин погубил антигитлеровское восстание, поэтому ответственен за гибель 150 тыс. варшавян, и обвинительное заключение готово.

Тщательный разбор позиции В. Матерского в данном случае неуместен, но вкратце напомним, что на самом деле на подступах к Варшаве боевые действия 1 БФ не останавливались ни на один день. Свидетельством тому являются потери фронта. За август 1944 г. они превысили 110 тыс. чел., за сентябрь более 57 тыс. К ним следует прибавить потери и 1-го Украинского фронта, заходившего к Варшаве с юга. К этому времени положение советских войск было крайне тяжелым: личный состав дивизий был выбит в ходе заканчивавшейся на польской земле Белорусской операции, техника уничтожена, горючее использовано. Не удивительно, что большинство польских историков не пользуются документами серии «Русский архив» и совместной публикацией документов российских и польских спецслужб. Эти документы воссоздают действительную военно-оперативную ситуацию Красной Армии под Варшавой, военно-стратегические и геополитические планы советского командования на вторую половину 1944 г., подлинный образ восстания, замыслы его организаторов, настроения повстанцев и

²¹ Белые пятна — черные пятна... С. 382-383

населения города²². Эти документы опрокидывают концепцию тех, кто сегодня стремится перекладывать ответственность за гибель повстанцев и гражданского населения Варшавы на нас с вами.

Между тем, документально подтверждено, что задача взять город в «лоб» в ходе завершившейся Белорусской операции изначально не ставилась. Брать Варшаву штурмом в 1944 г. было некому и нечем, но помогли повстанцам всеми возможными силами и средствами. Следует напомнить известные польским коллегам факты. За период восстания, август-сентябрь 1944г., потери 1-го Белорусского Фронта в непрерывных боях на подступах к Варшаве превысили 176 тыс. советских солдат. Начиная с 13 сентября по 1 октября 1944 г., советская авиация провела на Варшаву 4821 самолетовылет, в том числе на сбросы грузов — 2435, на подавление ПВО противника — 100, бомбометание по просьбе повстанцев — 1361, на прикрытие районов, занятых повстанцами и разведку — 925 самолетовылетов. Это — неинтересные факты для тех в Польше, кто, действуя в русле «исторической политики», стремится выгородить польское правительство в эмиграции за поспешное и непродуманное политическое решение о восстании в Варшаве.

Историческая правда состоит в том, что заложенная польским правительством в восстание антисоветская цель, действительно, затенялась реальной героической борьбой поляков в Варшаве с гитлеровцами, что и позволяло главе этого пра-

²² Русский архив. 14. 3(1). Великая Отечественная. СССР и Польша 1941-1945. К истории военного союза Документы и материалы. М. ,1994; Варшавское восстание 1944 г. в документах из архивов спецслужб. Варшава-Москва 2007

вительства С. Миколайчику просить у Сталина помощи восстановшим. Если антисоветский замысел восстания признают в сегодняшней Польше, рухнет интерпретация восстания как исключительно антигитлеровской акции в помощь Красной Армии, встанут вопросы уже об ответственности польского правительства за гибель города и варшавян. Это вряд ли произойдет скоро: так, заглохло прозвучавшее недавно предложение одного из участников восстания извиниться перед памятью погибших варшавян.

Замысел создания группы по трудным вопросам и «Черно-белой книги» состоял в том, чтобы содействовать взаимопониманию и доверию народов. Вряд ли наш народ примет одностороннюю обвинительную оценку боевых усилий советских солдат, в том числе под Варшавой. Неприемлем и тезис об ограблении Польши советской стороной, особенно в 1945-1946 гг., который является «общим местом» в исторической памяти многих поляков. Речь идет и о мародерстве солдат и офицеров, что было, и о стране в целом, а именно — репарации с Германии, демонтаж и вывоз немецких предприятий с территорий, которые до решений в Потсдаме официально Польше ведь не принадлежали. Как только это решение в середине июля 1944 г. было принято, последовал приказ Сталина прекратить демонтаж и вывоз оборудования²³. Как известно, приказы тогда выполнялись. Забыта та немалая помощь, в том числе безвозмездная, которую из продовольственных резер-

²³ Архивы Кремля. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Постановления. 1954-1958. М.2006. С.670-671.

вов фронтов немедленно оказывала польскому населению наступающая Красная Армия.

Тезис об ограблении упорно проводит проф. Варшавского университета В. Бородзей. Следует признать, что, действительно, никакие подсчеты не отразят реального положения дел там, где сразу после боев располагались части действующей армии, и в массовом сознании населения легко перемешивались правда и вымысел. Одно можно утверждать: что СССР имел уж, во всяком случае, не меньше, чем Польша, прав на репарации с Германии, включая демонтаж и вывоз немецких предприятий.

Проф. Бородзей пишет, что СССР передавал бывшие германские порты на Балтике польской стороне «с ярко выраженным нежеланием и с большим опозданием». Конкретно речь идет о Щецине. Посмотрим на документы. В 1945 г. Сталин получил от ВМФ СССР 2 доклада «о состоянии морских баз на побережье» и «о мерах по оказанию помощи созданию ВМФ Польши». Телеграфно их содержание таково: порты Гданьск и Гдыня разрушены, входы закрыты затопленными кораблями, для восстановления требуется длительный срок. Гдыня — военной гаванью пользоваться нельзя. Другие гавани разрушены на 90 %. Порт Щецин разрушен и не может быть использован для базирования кораблей. Все осмотренные заводы и верфи Побережья в настоящее время использовать нельзя. После расчистки и подъема затопленных кораблей Гдыня может использоваться как база ВМФ Польши²⁴.

²⁴ Архив Президента РФ. Ф.3. Оп. 66. Д. 72. Л. 1 – 8.

Вскоре последовали Постановления ГКО СССР: передать к 1 сентября 1945 г. в состав ВМФ Польши 23 корабля, 1 миноносец, всю материальную часть для обороны побережья; направить на обучение в СССР 120 чел.; для организации центральных органов ВМФ Польши командировать в августе-сентябре группу, состоящую из 1 контр-адмирала и 25 старших советских офицеров. По просьбе Б. Берута, СССР взял на себя судоподъемные и дноуглубительные работы в польских портах. 27 октября 1945 г. Совет министров СССР утвердил соответствующее соглашение²⁵. Перечислять такие сведения можно долго. Предостаточно документов, свидетельствующих, что советская сторона удовлетворяла все или практически все просьбы поляков. Конкретно порт Щецин передан Польше 17 сентября 1945 г. Одновременно стороны договорились, что часть порта (Фрейгафен) будет использоваться Советской стороной на правах бесплатной аренды до окончания оккупации Германии²⁶. Бороздей пишет, что «последний порт в Щецине перешел под контроль Польши в сентябре 1947 г.» . Это означает, что аренда Фрейгафена закончилась задолго до прекращения оккупации Германии, если её считать возникновение ФРГ и ГДР.

Так выглядит историческая правда без «исторической политики».

²⁵ Там же. С. 21-24.

²⁶ Там же. С. 81-84.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ ДИАЛОГ

Лариса Лыкошина

Российско-польские отношения в 90-е годы XX в.

90-е годы XX в. занимают особое место в истории российско-польских отношений. Именно тогда в совершенно новых условиях происходил поиск иного, отличного от прежних формата и вместе с тем обозначились некоторые моменты, определившие суть отношений между странами и в последующий период.

Первый некоммунистический премьер польского правительства Т. Мазовецкий подтвердил все обязательства Польши, связанные с членством в Варшавском договоре и СЭВ. В экспозе К. Скубишевского (министра иностранных дел в правительстве Т. Мазовецкого) сотрудничество с СССР и Германией обозначено среди приоритетных направлений польской внешней политики раньше, чем «расширение связей со странами западной цивилизации, США и Европой»¹.

Вместе с тем Т. Мазовецкий достаточно четко определил польские приоритеты, основывающиеся, прежде всего, на обеспечении суверенитета. Именно суверенитет рассматривался как «исходный пункт» выстраивания новых взаимоотношений. «Новая глава» (по выражению Мазовецкого) в российско-польских отношениях, по мнению польского премьера, пред-

¹ Polityka zagraniczna RP 1989-2002.-W-wa, 2002.-S.21

полагала «нормальность», отказ от идеологии, как фактора, определяющего эти отношения².

Политика правительства Мазовецкого, тем не менее, была достаточно осторожной, и хотя свой первый визит он нанес не в Москву, а в Рим, но уже в конце 1989 г. польская делегация оказалась в Москве. Заметим, что первым иностранным гостем Мазовецкого был председатель КГБ Крючков.

Осторожность Мазовецкого проявилась и в вызвавшей массу упреков польской стороны его позиции в отношении вывода советских войск. И премьер, и министр иностранных дел напрямую связывали эту проблему с решением германского вопроса и созданием новой системы европейской безопасности.

В 1989 и 1990 годах польское руководство испытывало определенные опасения по поводу своей западной границы и не форсировало вопроса о выводе советского воинского контингента.

Однако после подписания польско-немецкого договора о незыблемости границы в ноябре 1990 г. опасения рассеялись. Более того, когда в апреле 1990 г. на встрече министров иностранных дел в Праге решался вопрос о статусе объединенного немецкого государства, Польша не поддержала позицию Шеварнадзе о придании ему статуса неприсоединившегося государства, настаивая на том, чтобы Германия входила в состав НАТО.

² Примечательно, что слово «нормальность» применительно к российско-польским отношениям нередко использует нынешний польский президент Б. Коморовский, считающий Т. Мазовецкого своим учителем.

К. Скубишевский в апреле 1990 г. в первую очередь вел речь о создании системы европейской безопасности в рамках Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Еще в конце 1990 г. он заявлял, что вопрос о вступлении Польши в НАТО не стоит.

Крушение социалистической системы и ее оплота, СССР, позволило Польше решительно изменить свою внешнеполитическую ориентацию, придав ей совершенно определенное евроатлантическое направление. В Польше стремительно разворачивается процесс формирования новой идентичности, основанной на безусловном принятии постулата о принадлежности страны к европейской цивилизации, о необходимости и правомерности возвращения в Европу. Политика по отношению к России стала, по сути, лишь производной западной политики Польши. Для России взаимоотношения с РП также утратили прежнюю значимость.

Польско-российские отношения в 90-е годы правомерно рассматривать в широком контексте «восточной политики» Польши, т.е. ее взаимоотношений с Украиной, Белоруссией, Литвой. В этой связи необходимо отметить то серьезное влияние, которое оказала на восточное направление польской внешней политики в целом и ее российскую составляющую концепция Гедройца-Мерошевского. Именно в среде польской эмиграции, в Париже, в кругах, близких к журналу «Культура», в годы расцвета «развитого социализма» формировались принципы взаимоотношений демократических стран — России и Польши — в то время еще не существовавших. Как известно, по мысли идеологов «Культуры», принципиально важным

для польской восточной политики является выстраивание отношений не только с Россией, но с Украиной, Белоруссией, Литвой, являющихся непосредственными соседями Польши. При этом необходимо признать, что польско-российские отношения всегда были, как писал Мерошевский, «...лишь функцией той ситуации, которая складывалась на этих территориях в данный исторический период»³. Успех предполагался возможным при одном условии: отказе от имперских амбиций не только со стороны России, но и со стороны Польши. Мерошевский считал совершенно неправомерным, осуждая российский империализм, не признавать империализма польского, расценивая последний как благородную ягеллонскую идею.

Парижская «Культура» была достаточно хорошо известна в Польше и при социализме, но после 1989 г. идеи, увидевшие свет на страницах этого издания, приобрели особую популярность: многие польские политики апеллировали к идеям Гедройца-Мерошевского. К числу сторонников этих идей относится и А. Квасьневский, дважды исполнявший функции президента Польши. Он был лично знаком с Гедройцем, переписывался с ним и признавался, что его видение отношений Польши с Украиной, Литвой, Белоруссией формировалось под влиянием идей Гедройца⁴.

Своеобразным свидетельством влияния этих идей на формирование новой ориентации польской внешней политики может служить принцип «двухколейности», принятый польской

³ Mieroszewski J. Rosyjski «komplex polski» I obszar ULB// Mieroszewski J. Final klasycznej Europy. -Lublin, 1997. -S.352.

⁴ Kwaśniewski A. Dom wszystkich Polska. -W-wa, 2000. -S.200. Идеи Гедройца близки и Б.Коморовскому, что он неоднократно подчеркивал .

дипломатией после 1989 г. и означавший параллельное выстраивание отношений с СССР и отдельными республиками. Именно такая политика рассматривалась как наиболее адекватная в контексте провозглашенных летом 1990 г. союзными республиками деклараций о суверенитете. Нельзя не отметить, что не сразу польская сторона выработала твердые принципы в данном вопросе. Так, известно, что Валенса в свое время поддерживал ГКЧП, а в декабре 1991 г. говорил о своей поддержке идеи реформы СССР, рассматривая его распад как катастрофу, что не совсем сочеталось с курсом на поддержку независимости Украины и вызвало недоумение украинской стороны.

Политика «двухколейности» имела некоторые ограничения. Так, Скубишевский, встречаясь с представителями Украины и Белоруссии, не проявлял подобной активности по отношению к прибалтийским государствам.

Период «двухколейности» закончился вместе с распадом СССР и признанием Польшей независимости бывших советских республик. С окончанием этого этапа начался этап двусторонних польско-российских отношений.

В этих отношениях изначально совершенно особую роль играл исторический фактор. Примечательно, что уже в октябре 1989 г. польская сторона обратилась к руководству тогда еще существовавшего СССР с просьбой о расследовании факта гибели польских офицеров в 1940 г., а Скубишевский в апреле 1990 г. оценивал выяснение исторических споров как одну из важнейших задач польской восточной политики.

Уже во время подготовки польско-российского договора 1992 г. возникли серьезные разногласия сторон по поводу

компенсаций жертвам сталинского режима. Польская сторона стремилась внести в документ положение о жертвах и, соответственно, компенсациях, российская — отказывалась это сделать, ссылаясь на то, что эти проблемы решаются в рамках внутреннего российского законодательства.

Именно на 90-е годы пришлась передача Горбачевым документов НКВД Ярузельскому, обнародование в 1992 г. по инициативе Ельцина важных документов по этой проблеме. В конце 90-х появились кладбища в Харькове, Катыни и Медном, проводилась эксгумация.

Первые годы взаимоотношений демократической России и демократической Польши можно оценить как достаточно благоприятные. Россия неоднократно подчеркивала свое стремление выстраивать отношения с РП на основе принципов равенства, партнерства и исключения какого-либо диктата. Между странами было заключено несколько десятков соглашений в разных сферах, подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, Декларация о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, Договор о торговом и экономическом сотрудничестве. Москва передала Варшаве большой массив архивных документов, в 1991 г. был подписан договор о выводе советских войск с территории Польши. Последние части советской армии покинули Польшу осенью 1993 г.

Но в этом же 1993 г. в принципе поступательное развитие российско-польских отношений столкнулось с серьезнейшими проблемами, обнаружившими всю глубину расхождения стратегических интересов России и Польши. Проблемы были

связаны со стремлением Польши вступить в НАТО, что расценивалось польской стороной как вполне закономерный шаг суверенного государства. Однако российская сторона усматривала в этом намерении угрозу своим национально-государственным интересам. Принципиальные различия в подходе к данной проблеме серьезно отражались на отношениях двух стран на протяжении всей декады 90-х годов. Россия не оставляла попыток убедить Польшу в необходимости отказаться от намерения вступить в НАТО, польская сторона твердо придерживалась линии на вступление в Альянс, не принимая никаких российских аргументов. Твердая решимость стать членом НАТО демонстрировалась всеми польскими лидерами, независимо от их политической ориентации. Это был воистину «надпартийный консенсус», «успех, имеющий много отцов» (по выражению А. Квасьневского). Заметим, что в дифференцированном и далеком от единства польском обществе 90-х годов за вступление в НАТО высказывалось более 80% поляков, и даже вполне осознаваемые опасения по поводу возможного ухудшения отношений с Россией не являлись сдерживающим фактором.

Реализация этой цели в 1999 г. была расценена в Польше как огромный успех, а в России — как безусловный проигрыш.

Интересы России и Польши сталкивались и в выстраивании отношений с бывшими советскими республиками. Россия, исходя из концепции «ближнего зарубежья», возникшей в 1992 г., настаивала на своей особой роли на постсоветском пространстве; Польша же, акцентируя принцип суверенитета, стремилась не допустить проявлений со стороны России «постимперского синдрома».

Относительно благоприятный период начала 90-х сменился обострением двусторонних отношений в 1994–1996 гг. Именно в этот период происходит ряд неприятных инцидентов, в частности, нападение на российских пассажиров на варшавском вокзале, открытие в Кракове чеченского информационного центра, обвинения Валенсой премьера Ю. Олексы в сотрудничестве с российскими спецслужбами.

Российская и польская стороны в этот период подчас отказываются от, казалось бы, бесспорно необходимых контактов: так, в 1994 г. Ельцин не приехал на празднование 50-летия варшавского восстания, а в 1995 г. — на празднование годовщины освобождения лагеря Аушвиц. Правда, российская сторона была представлена, но персонами более низкого статуса. В 1995 г. Ельцин не присутствовал на открытии памятника польским военнопленным в Катыни.

Смена политических лидеров обеих стран несколько меняла тональность российско-польских отношений, однако сущностное содержание их принципиальным изменениям не подвергалось. Вряд ли можно было ожидать иного, так как несовпадение стратегических интересов оставалось актуальным. Так, и прозападно настроенный российский министр иностранных дел А.В. Козырев, и его преемник «державник», и «государственник» С.М. Примаков стремились удержать Польшу от вступления в Альянс. Козырев выступил в 1994 г. с предложением превращения Северного совета атлантического сотрудничества в самостоятельную организацию, призванную заменить НАТО, Примаков в 1996 г. предлагал Польше гарантии безопасности в обмен за отказ от вступления в

Альянс. Но в обоих случаях со стороны Польши последовал категорический отказ.

Правда, иногда возникали надежды на улучшение отношений в связи со сменой политической элиты. Именно такая ситуация сложилась, когда в 1995 г. президентом Польши стал А. Квасьневский. Если отношения между президентами Валенсой и Ельциным складывались явно неблагоприятно, то с приходом к власти Квасьневского, казалось, обозначилось некоторое потепление. Однако социал-демократы, так же, как и их предшественники, во главу угла ставили евроатлантический вектор развития Польши, подчеркивая вместе с тем то обстоятельство, что позиция Польши на Западе во многом зависит от ее позиции на Востоке. Здесь роль Польши отнюдь не должна сводиться к роли «моста» или «связующего звена» между Востоком и Западом. Эта роль должна быть вполне самостоятельной и основываться на прагматических интересах Польши⁵.

При левых Польша сделала решительные шаги в сторону европейской интеграции, хотя тезис необходимости поддержания хороших отношений с Россией неизменно присутствовал во всех внешнеполитических документах этой политической формации.

Приход к власти в польском парламенте правых сил негативно отразился на российско-польских отношениях. В политической сфере последние были сведены до некоего минимально необходимого уровня. Ситуация была настолько неблагоприятной, что польский премьер, приезжающий в Россию на открытие мемориальных кладбищ в Катыни и Медном, не был

⁵ Nasz program dla Polski. Trzy lata pracy parlamentu SLD.-W-wa, 1996.-S.101-103.

приглашен в Москву, а в период 1994—2001 гг. не состоялось ни одного официального визита главы российского государства в Польшу. При этом польский президент Квасньевский, совершив в 1996 г. официальный визит в Россию, всегда использовал возможность для неофициальных визитов⁶.

Одной из наиболее болезненных проблем в российско-польских отношениях в 90-е годы явилась проблема Чечни. Варшава пыталась установить прямые контакты с Грозным, представители польского МИДа встречались с Басаевым. В Польше действовало несколько информационных центров, наибольшим влиянием пользовались комитеты «Свободный Кавказ» и «Польша — Чечня», одной из площадей в Варшаве было присвоено имя Д. Дудаева; неоднократно организовывались антироссийские акции, наиболее резонансной была акция перед российским консульством в Познани (2000г.), когда был осквернен российский флаг. Все требования российского правительства прекратить деятельность на территории Польши сепаратистских чеченских организаций наталкивались на ссылки польского правительства на общественный характер последних и непричастность к их деятельности официальной Варшавы. При всей непопулярности в России чеченской войны, оскорбления России были болезненно восприняты российским обществом и вызвали волну антипольских настроений.

В новое тысячелетие Россия и Польша вступили в состоянии явного кризиса в отношениях, разворачивающегося на фоне взаимных упреков и обид

⁶ Бухарин Н. Российско-польские отношения: 90-е годы XX — начало XXI века». — М., 2007. — С.73-74.

Итак, политические отношения между двумя странами развивались в 90-е годы не самым благоприятным образом. Серьезные проблемы существовали и в сфере экономических отношений. Развал мировой социалистической системы сопровождался и крахом экономических связей, прекращением деятельности СЭВ. Польский экспорт в СССР, главным образом в РСФСР, сократился в начале 90-х на 48%, а импорт — на 46%⁷.

Восстановлению торгово-экономических отношений не способствовал своеобразный диссонанс в протекании трансформационных процессов в обеих странах: Польша гораздо успешнее и быстрее, чем Россия, шла по этому пути, и периоды экономического подъема в Польше не соответствовали стадиям развития российской трансформации. Несомненно, не способствовало развитию двусторонних экономических отношений и стремление Польши как можно скорее войти в европейские структуры, евроатлантический вектор ее развития. Экономическая роль России все более сводилась к роли источника сырья.

Однако со временем объем экономических связей понемногу стал восстанавливаться, что связано со стабилизацией политического развития и динамикой процессов приватизации. Применительно к 1994—1997 гг. можно говорить о тенденции роста товарооборота. В 1997 г. Россия становится вторым по масштабам (после Германии) потребителем польских товаров, Польша же занимает 10-е место в российском импорте. Поступательное развитие торговых отношений было прервано кризисом 1998 г., но в последующие годы вновь обрело по-

⁷ Polska-Rosja. Wczoraj, dzisiaj, jutro. - Krakow, 2006. - S. 52.

ложительную динамику. Преобладающая в экономических связях двух стран торговля в 90-е годы развивалась в целом относительно независимо от политических отношений.

Этот тезис совершенно неприменим к сфере экономических отношений, связанных с энергоресурсами, с проблемой энергетической безопасности. В Польше различные аспекты этой проблемы страны вызывают повышенный интерес общественности и политического истеблишмента, имея при этом явно выраженную политическую составляющую.

Именно Польша является главным адептом идеи энергетической безопасности в Европе. В продвижении этой идеи Польшу активно поддерживают страны Вышеградской группы, Прибалтика и — неофициально — США. Однако идея диверсификации источников энергии не столь уж очевидно экономически выгодна для Польши, хотя бы потому, что российские нефть, газ и уголь обходятся полякам дешевле, чем энергетическое сырье из других стран. При этом, необходимо учитывать и наличие уже существующей инфраструктуры для их транспортировки.

В 90-е годы, когда формировалась евроатлантическая ориентация Польши, руководство страны стремилось уменьшить зависимость Польши от российских источников энергии. В самом начале 90-х был построен нефтяной терминал в Гданьске, несколько позднее велись переговоры с Норвегией, Швецией, Данией, странами Южной Европы с целью достижения диверсификации источников энергии.

В этой сфере интересы России и Польши, в общем, отнюдь не совпадают: если Польша старается, что вполне есте-

ственно, как можно более выгодно использовать свою роль посредника в транспортировке энергоресурсов, то Россия не менее естественно стремится как можно меньше прибегать к услугам посредников, реализуя проекты, позволяющие этого достичь.

Польские аналитики нередко подчеркивают особую роль Польши как посредника в развитии экономических связей между Россией и Европой, уповая на глубокое знание России, но представляется, что в условиях глобализации эту посредническую миссию не стоит преувеличивать. Как выразилась одна варшавская журналистка, «неправомерно особенно гордиться ролью моста, когда все уже давно летают самолетом».

Российско-польские экономические отношения явно несимметричны: Польша значительно больше зависит от России, чем Россия от Польши. Рычагов влияния на Россию у Польши не так уж и много. Особенно четко эта ситуация обозначилась именно в 90-е годы. Сейчас ситуация несколько иная, что обусловлено членством РП в Евросоюзе. Хотя и по сей день о совместной восточной политике ЕС, которая более эффективно, чем в случае двусторонних отношений, обеспечивала бы интересы Польши, говорить не приходится, хотя бы в силу того, что интересы сторон далеко не всегда совпадают, и то, что выгодно Польше, не всегда бывает выгодно странам «старой Европы».

Таким образом, 90-е годы XX в. отнюдь не стали временем благоприятного и успешного развития отношений двух стран, вступивших на путь демократического развития. Слишком разными были представления о демократии, слишком се-

ррезным было несовпадение стратегических интересов, слишком тяжел был груз исторических обид.

Каковы перспективы российско-польских отношений в свете политической ситуации в современной Польше?

Атмосфера в значительной степени определяется событием, случившимся 10 апреля 2010 г., когда под Смоленском потерпел катастрофу президентский самолет. Погибли Лех Качиньский с супругой и все остальные находившиеся на борту 89 пассажиров и 7 членов экипажа, направлявшиеся на траурные мероприятия по случаю годовщины расстрела польских офицеров в Катыни. Катастрофа, случившаяся за несколько месяцев до выборов президента страны и унесшая жизнь практически всего военного руководства, многих депутатов сейма и сената, создала в высшей степени напряженную ситуацию в стране.

Обязанности президента были до выборов возложены на спикера сейма Бронислава Коморовского. В соответствии с действующим законодательством, на 20 июня 2010 были назначены новые выборы.

Претендентов на президентский пост было немало, но основная борьба развернулась между кандидатом от правящей партии «Гражданская платформа» (ГП), Б. Коморовским и главой оппозиционной партии «Право и справедливость» (ПиС) Я. Качиньским. Оба кандидата изначально не планировали бороться за президентский пост. От ПиС кандидатом был Л. Качиньский, но после его гибели Ярослав принял решение баллотироваться. Кандидатура же Коморовского

появилась после того, как в январе 2010 г. достаточно неожиданно от борьбы за президентский пост отказался глава ГП Д.Туск. Причины своего отказа стать президентом (а он бы наверняка стал президентом, ибо рейтинг здравствующего тогда Леха Качиньского составлял всего несколько процентов, а рейтинг Туска был очень высок), Туск объяснил достаточно откровенно, заявив, что атрибуты президента Польши, к каковым относятся «престиж, почет, президентский дворец, люстра и право наложения вето», его не очень привлекают, ибо он видит свою задачу в модернизации страны, для чего нужны реальные рычаги управления. Известно, что Польша — парламентско-президентская республика, и основная роль в управлении страной принадлежит скорее премьеру, чем президенту.

На предварительных выборах («правыборах»), прошедших в ГП с целью выдвижения кандидата от партии, Б. Коморовский, получив 68,5%, победил министра иностранных дел Р. Сикорского, также претендующего на пост президента от ГП, но набравшего 31,5%.

Б. Коморовский значительно старше Р. Сикорского (1963 г.р.). Он родился в 1952 г. в Оборниках Шленских, недалеко от Вроцлава. Биография президента многое определяет в его мировоззрении, поэтому представляется правомерным остановиться на ней более подробно. Род Коморовских издавна, с 18 в., владел землями в Литве. Там и было их родовое имение Ковалишки. На западных землях семья оказалась после войны, в результате переселенческой политики, проводимой в ПНР.

Семья была очень «польской», ценящей национальные традиции и культуру. Коморовский вспоминает, что его бабушка всегда поправляла его, если он употреблял не польские слова, заменяя их иностранными. Даже слово «Вестерплатте» она считала неоправданным германизмом и поправляла внука, уже бывшего крупным государственным чиновником, указывая на наличие польского аналога. И вместе с тем, семья Коморовских была очень «кресовой»⁸, даже по крови: по собственному признанию Коморовского, в его жилах течет немецкая, русская, татарская, литовская, испанская, итальянская кровь. В доме Коморовских всегда господствовало убеждение, что сосуществование многих культурных традиций на территории кресов — это богатство. Многонациональная Речь Посполитая с ее сложной и славной историей была частью семейной традиции.

Польский президент принадлежит к старинному роду графов Коморовских, является дальним родственником знаменитого генерала Бура-Коморовского — руководителя Варшавского восстания. Свое имя — Бронислав, он получил в честь дяди, расстрелянного немцами, а вернее литовцами по приказу немцев в шестнадцатилетнем возрасте за участие в деятельности антифашистского подполья в Вильно.

После войны семья Коморовских страшно бедствовала, пребывала буквально на грани нищеты, т.к. родители в силу своего «подозрительного» социального происхождения не могли найти постоянную работу в Народной Польше. Детство Коморовского прошло в окрестностях Варшавы, а с 1966 г.

⁸ Кресы — принятое в Польше название восточных окраин Речи Посполитой: Литвы, Украины, Белоруссии

семья переселилась в столицу. Их материальное положение поправилось, мать, окончив Варшавский университет, стала сотрудницей Института философии и социологии, защитила диссертацию. Отец, долго живший под чужим именем, тоже сумел преодолеть жизненные трудности, получил высшее образование, нашел работу и даже стал профессором Варшавского университета. Коморовский-старший прекрасно знал несколько иностранных языков, был специалистом по странам Магриба, поэтом и романтиком.

Мать более твердо стояла на земле, что во многом объясняется, по мнению Б. Коморовского, ее познанскими корнями. Коморовский считает, что в формировании его как личности сыграли роль восточный (кресовый) романтизм и познанский (западный) прагматизм.

Коморовский считал, что политическая деятельность — это борьба за всеобщее благо. Он знал, что настанет час, и он должен будет участвовать в восстании или в партизанской борьбе, или попасть в тюрьму, т.е. сделать то, что делали все предшествующие поколения Коморовских.

Случай представился очень скоро. В 1968 г. Бронислав получил боевое крещение милицейской дубинкой, пытаясь поддержать варшавских студентов, протестующих против запрета на постановку пьесы Мицкевича «Дзяды», содержащей в постановке режиссера К. Деймека некоторые антисоветские выпады. Впервые будущего президента арестовали в 1971 г. за участие в демонстрации в годовщину рабочих протестов на Побережье. Когда друг Бронислава позвонил Коморовскому-старшему и сообщил об аресте сына, то услышал следующее:

«Арестовали Бронека? Прекрасно, большое, огромное спасибо за это известие. Наконец вы стали что-то делать»⁹. Такова была эта семья.

Подобную семью создал и сам Б. Коморовский. В конце 70-х он женился, закончил исторический факультет Варшавского университета. Осознание миссии борца за свободу Польши до определенного момента предполагало и, естественно, включало в себя антироссийскость и антинемецкост. Хотя, при этом, и сам Коморовский, и члены его семьи четко различали российское и немецкое государство и культуру российского и немецкого народов. Антинемецкие настроения удалось преодолеть достаточно легко, в силу того, что немцы сами покаялись в развязывании Второй мировой войны. С преодолением антироссийских настроений дело обстояло сложнее.

«Россия, — замечает Коморовский, — с одной стороны представлялась чем-то притягательным, великим и интересным, а с другой — страной тупых чинуш, людей низкой культуры, которые представляли угрозу для нас, не давали нам быть самими собой, лишали нас имущества и свободы. В 1944 г. мой отец был схвачен на виленщине с оружием в руках, он сражался против русских в партизанском отряде и только чудом не заплатил за это жизнью. Благодаря бабушкиному колечку ему удалось оказаться в камере, где содержались желающие вступить в армию Берлинга- и вместо или Сибири, или Калуги, или расстрела, он пошел к Берлингу. Трудно рассчитывать на то, чтобы я с молоком матери впитал симпатии к России»¹⁰.

⁹ Komorowski B. Prawa strona. Zycie, polityka, anekdota. -W-wa, 2005.-S.8.

¹⁰ Komorowski B. Prawa strona. Zycie, polityka, anekdota. -W-wa, 2005.-S.13

Отсутствие симпатий к России естественно сочеталось с антикоммунизмом и отсутствием симпатий к народной Польше. Пребывание в оппозиции к власти воспринималось как нечто нормальное, естественное.

До 1989 г. он был радикалом, отрицал любые возможности компромисса с властью, не принял соглашения «круглого стола», даже не пошел на выборы в 1989 г., чего сейчас, по собственному признанию, стыдится.

Однако в 1989 г. в судьбе Коморовского произошел серьезный перелом. В сентябре этого года его разыскал А. Халль, давний знакомый по оппозиции, который стал министром по особым поручениям в правительстве Мазовецкого, и предложил должность заведующего аппаратом министра.

Предложение Халля застало Коморовского в подпольной типографии, где он печатал очередную листовку, направленную против предложений «круглого стола». Он согласился пойти работать в правительство, и с этого момента, замечает президент, началось его превращение из революционера в государственного чиновника.

Это не всегда было легко. Он вспоминает, как в октябре 1989 г. ему было поручено уладить конфликт в Радоме, где местное отделение крайне антикоммунистической и националистической партии «Конфедерация независимой Польши» оккупировало ряд публичных зданий, требуя вывода российских войск. «А я, — замечает Коморовский, — всю жизнь больше всего мечтал о выводе этих войск... Именно в этот момент до меня дошло, что это конец революции. Господин

приказал, слуга должен исполнить. С этого момента государство — мой господин. А я должен ему подчиняться»¹¹.

В те же годы антикоммунисту Коморовскому пришлось спасать музей Ленина в Поронино, который хотели уничтожить местные жители. Причем, их гнев против Ленина готов был излиться в не самый подходящий момент, когда Мазовецкий собирался в Москву с визитом к Горбачеву.

Если в юности Коморовскому и был свойствен некий радикализм, то, став зрелым политиком, он, несомненно, стал отдавать предпочтение компромиссу, особенно высоко ценя роль Мазовецкого в своем становлении как политика. Став президентом, именно его и В. Бартошевского Коморовский назвал своими политическими патронами.

Коморовский считает, что его жизнь удалась, как личная, так и политическая. Относя себя к поколению «Солидарности», он называет его «поколением счастливых». Ведь надо быть счастливым, очень счастливым, чтобы на протяжении жизни одного поколения достичь столь многого: добиться независимости, создать демократию, ликвидировать социалистическую экономику и заменить ее нормальным рынком. Удалось «убежать с востока» (имеется в виду, прежде всего, освобождение от российской зависимости) и установить контакты с западным миром и его структурами безопасности. При этом, отмечает Коморовский, особенно ценно, что в ходе перемен не исчезли традиционные польские ценности, верность католической церкви.

¹¹ Ibid.-S.77.

Размышления о «бегстве с востока» и, вообще, о востоке занимают важное место в мировоззрении президента. Он очень часто обращается к сюжетам, связанным с Россией.

«...Мое поколение, — замечает Коморовский, — очень хотело бы единения с русскими — несмотря на трагедии выселений, Сибири, даже Катыни. Но для этого нужны серьезные усилия со стороны России, верификации взглядов на собственную историю, нужно назвать преступления преступлениями, несмотря на боль и удар по национальной гордости...»¹²

Полякам же, по мнению Коморовского, в установлении нормальных отношений с Россией мешает сервизм по отношению к ней, зачарованность ее пространством и силой.

«Наша вечная проблема, — пишет он, — состоит в том, что по отношению к России мы чувствуем свое преимущество в цивилизационном и культурном отношении, и вместе с тем отсутствие силы...Пренебрежения ко всему «русскому» и одновременно боязни, смешанной с неприятием... Это тоже мешает польско-российскому единению»¹³.

В своей статье, опубликованной на страницах «Речисполитой» в ноябре 2010 года Коморовский подчеркнул, что наследие Гедройца надо сохранять и заново осмысливать». По мысли президента, важно показать восточным соседям Польши, что их сотрудничество с РП и ЕС отнюдь не ведет автоматически к ухудшению отношений с Россией. Ни в коем случае не должно складываться впечатление, что Украина должна сделать выбор между стремлением в ЕС и хороши-

¹² Komorowski B. Prawa strona. Zycie, polityka, anekdota.-W-wa, 2005.-S.

¹³ Komorowski B. Prawa strona. Zycie, polityka, anekdota.-W-wa, 2005.-S.21

ми отношениями с Россией. Это не соответствует польским интересам.

Истоки же идей Гедройца-Мерошевского следует искать в политических представлениях Ю. Пилсудского, в его идеях федерализма с государствами, некогда входившими в состав Речи Посполитой. Как и большинство польских политиков, Коморовский с интересом и почтением относится к личности и деятельности Пилсудского. В какой-то мере, это предопределено уже самим происхождением рода Коморовских, корни которого, как выше упоминалось, в Литве, там же, где издавна жил и род Пилсудских.

Интересно, что Коморовский, еще будучи студентом истфака варшавского университета, писал работу о политике Пилсудского, в частности, об эпизоде, связанном с т.н. бунтом Желиговского. После окончания Первой мировой войны Пилсудский, не признав решения Лиги наций, согласно которому Вильнюс отходил к Литве, организовал вооруженный мятеж под руководством генерала Желиговского, в результате чего возникла т.н. Срединная Литва со столицей в Вильнюсе, и столь дорогой сердцу Пилсудского город отошел к Польше.

Коморовский тоже неравнодушен к Литве, своей малой родине. Той земле, где были счастливы многие поколения его предков. При этом он признается, что испытывает сложные чувства к литовцам, расстрелявшим, между прочим, его дядю. Ему легко понять немцев: ведь их тоже лишили малой родины.

Для Коморовского укорененность, «могилы предков» значат многое. Будучи ребенком и живя в Варшаве, он очень остро переживал свою судьбу «пришельца». Особенно тя-

жело было в дни поминовения усопших: все семьи ходили на могилы, а могилы предков Коморовских остались далеко на востоке. Правда, Зыгмунд Коморовский нашел выход: все семейство стало ходить на Варшавское кладбище Повонзки, где были могилы солдат Армии Крайовой¹⁴ и участников Варшавского восстания. Это были тоже родственники, если не по крови, то по духу.

Восточная политика Польши, обычно включающая в себя отношения РП с Украиной, Белоруссией, Литвой и Россией, особенно близка Коморовскому.

Он активно участвовал в «оранжевой революции», выступал на Майдане, привез туда своих детей, чтобы они ощутили атмосферу революции, пережили нечто подобное тому, что пережил их отец в годы «Солидарности».

Президент с особой симпатией и интересом относится к Центральной и Восточной Европе. Недаром, в 70-80-е годы он был одним из редакторов журнала «АВС — Адриатика, Балтика, Черное море», посвященного проблемам Центрально-Восточной Европы. Коморовский относит себя к числу людей, которым всегда было легко общаться с жителями этого региона, которые являются носителями опыта польского бытия на Востоке, а также польского знания о восточном мире.

В этом особом знании Польши Коморовский твердо уверен и поэтому считает, что именно Польша должна стать ре-

¹⁴ Армия Крайова — вооруженные формирования, действовавшие в Польше в годы Второй мировой войны и подчинявшиеся лондонскому эмигрантскому правительству.

гиональным лидером. У нее особая миссия в интеграции Европы, т.к. поляки имеют богатый исторический опыт совместного бытия с другими народами в период I Речи Посполитой. Этот опыт, глубокое понимание Польшей менталитета и проблем восточноевропейских народов, должен быть в полной мере использован. В этом Коморовский усматривает историческую миссию Польши.

Однако главное направление внешней политики Польши Коморовский всегда связывал с евроатлантической ориентацией страны, со вступлением Польши в ЕС и НАТО.

Причастность Польши к Западу является для Коморовского чем-то естественным и бесспорным. Неестественно было другое: принадлежность к советскому блоку. Президент вспоминает, что его отец после окончания Второй мировой войны не один год спорил со своим братом на бутылку, что скоро будет 3-я мировая война и генерал Андерс¹⁵ въедет в страну на белом коне. Зыгмунд Коморовский проигрывал, но об Андерсе на белом коне мечтал не только он.

Поэтому, когда появилась возможность «убежать с востока», поляки попытались бежать как можно быстрее. Коморовский считает вступление в НАТО большим успехом Польши и отмечает заслуги всех политиков, этому способствовавших, в том числе и А. Квасьневского, несмотря на «коммунистическое» происхождение последнего.

В выстраивании отношений с политическими противниками Коморовский считает необходимым исходить из стремле-

¹⁵ Андерс — генерал, возглавивший польские вооруженные формирования, создаваемые на территории СССР в годы Второй мировой войны.

ния к компромиссу, поиску возможностей договориться. Конечно, названные качества не всегда помогали Коморовскому в борьбе за президентский пост.

Президентская кампания 2010 г. была печальной, ведь она проходила под знаком апрельской трагедии. Ко всем бедам добавилось еще и сильнейшее наводнение, вызванное дождями и разливом рек.

Как выше упоминалось, основными соперниками в президентской гонке стали два кандидата: Б. Коморовский, выдвинутый ГП, и Я. Качиньский от ПиС.

Избирательная кампания Коморовского проходила довольно вяло. Он не очень хорошо держался на публике, не всегда находил нужные слова, не разрешал гримировать себя перед телеэфиром, не желал работать над дикцией — словом, не очень соответствовал представлениям о харизматическом лидере.

Коморовский, и по натуре не склонный к агрессии и резкости, был связан трауром: трудно быть жестким перед лицом такой трагедии. Тем более в Польше, где уважение к умершим свято, как нигде. Тень трагически погибшего Леха Качиньского незримо присутствовала в сознании поляков, а бороться с тенью было трудно. Если при жизни Лех Качиньский вызывал достаточно резкую критику со стороны ГП, а нередко и подвергался насмешкам, то теперь все это было почти недопустимо, и найти верный тон в соревновании с продолжателем дела Леха — Ярославом было непросто. Главное оружие ГП в борьбе с ПиС — постоянная критика этой партии и ее лидеров было выбито из рук ГП смоленской трагедией.

Но и ПиС проводила свою кампанию не так как, как ожидалось. Ярослав Качиньский долгое время вообще молчал, когда же стал появляться на предвыборных собраниях, то был печален, сдержан и говорил больше о необходимости помощи пострадавшим от наводнения, чем о своей программе.

Ярослав, потерявший любимого брата, да еще имевший на руках очень пожилую и больную мать, невольно вызывал сочувствие.

Отношение общества, как к ПиС, так и к братьям стремительно менялось: если накануне своей гибели Лех Качиньский имел 75% негативных оценок, то после трагедии ровно наоборот.

Если сравнивать кампании Коморовского и Качиньского, то совершенно бесспорно, что последняя прошла более динамично и успешно.

Миролюбивый и несколько отрешенный тон Я. Качиньского как нельзя лучше соответствовал настроениям значительной части общества. Неожиданно для многих Качиньский обратился даже к «братьям-россиянам», выдержав все тот же печально-примирительный тон.

На каждой встрече Качиньского с избирателями звучали призывы к солидарности и развевались стяги той самой легендарной первой «Солидарности» 80-х. Кандидата от ПиС почти откровенно поддерживала католическая церковь. Усилия оказались успешными, и рейтинги Качиньского пошли вверх, хотя он и уступал Коморовскому.

В первом туре Б. Коморовский набрал 41,2%, Я. Качиньский — 36,7 %. Разрыв между результатами Коморовского и

Качиньского был большим, но не катастрофическим. На выборах 2005 г. Туск опережал Леха Качиньского на 9 пунктов, однако во втором туре проиграл. Но на этот раз чуда не произошло, и во втором туре с результатом 53,1% Коморовский победил Качиньского, набравшего 46,99%.

За Коморовского голосовала, в основном, западная Польша, жители крупных городов, наиболее образованные и молодые жители страны. Интересно, что его, по большей части, поддержали представители национальных меньшинств. Как правило, в Польше они отдают предпочтения более либеральным и левым кандидатам, опасаясь политиков, слишком явно акцентирующих свою «польскость» и католицизм.

Еще раз подтвердился тезис о существовании «Польши А» и «Польши В» — то есть, более развитых и модернистски настроенных западных регионов и относительно менее развитых и консервативных — восточных. Именно в Малой Польше, в Подкарпатье, в Люблинском воеводстве до 80% людей живут и умирают, не меняя места жительства. На западе и севере Польши таких людей не более 50%.

Известно, что в ходе выборов католическая церковь поддержала скорее Качиньского. Причем наиболее очевидно это было именно на востоке страны. Здесь само духовенство более консервативно, более склонно выражать свое мнение по вопросам политики, чем на западе.

В «Польше Коморовского» тоже живут верующие католики, но их больше коснулся протестантский дух рационализма, ведь это те земли, которые после разделов отошли к Пруссии. Вся страна разделилась на сторонников Коморовского и Ка-

чиньского. В общественном мнении сложился некий стереотип (далеко не всегда отражающий истинное положение вещей), согласно которому поляки, поддерживающие Качиньского (и подчас стесняющиеся в этом признаться), воспринимались как воплощение отсталости, «деревенскости», «польскости». Сторонники же Коморовского, скорее, олицетворяли европейскость, просвещенность, молодость.

Противостояние ГП и ПиС — это не просто борьба двух партий, но и борьба двух концепций развития современной Польши — преимущественно модернистской и рациональной в видении ГП и преимущественно консервативно-национальной в видении ПиС (при всей условности этого деления).

Инаугурация нового президента Польши была организована в соответствии с католической традицией, хотя отношение церкви было сдержанным. Выбор поляков показал, что, несмотря на авторитет церкви, они ценят в политиках умеренность и склонность к компромиссу, т.е. именно те качества, которые свойственны Коморовскому. Ведь избранный президент — типичный центрист. Польский премьер Д. Туск именно так и характеризует его: «Коморовский — лидер центра, а в нем самой середины. По моим оценкам, он олицетворяет все лучшее, что может быть присуще личности, осуществляющей высшие функции... Коморовский просто относится к людям с большим уважением, а ко всему, что он делает, относится очень ответственно...»

— Я всегда, — констатирует премьер, — был скептически настроен по отношению к так называемым великим целям,

мессианским ожиданиям и романтическим представлениям о политике¹⁶.

Вступив в должность, Коморовский обозначил приоритетные направления своего президентства. В качестве одного из них было названо достижение национального согласия.

Последнее оказалось непростой задачей. После победы Коморовского польско-польская война, казалось немного утихшая, вспыхнула с новой силой. Стало ясно, что «топор войны» был зарыт ПиС лишь временно.

Члены ПИС пришли на инаугурацию Коморовского с траурными лентами в петлицах. Бесспорно, это было выражением скорби по погибшему Л. Качиньскому, но легко было догадаться, что это еще и скорбь по поводу «неправильного» выбора поляков. Качиньский вообще не явился на инаугурацию Коморовского, пришел в сейм через несколько часов после окончания церемонии и лихорадочно стал собирать еще не успевших разойтись депутатов, для того чтобы организовать заседание неправительственной комиссии под председательством А. Мачеревича по расследованию смоленской катастрофы.

Конечно, именно смоленская трагедия стала основным полем битвы между Качиньским и ГП. Лидер ПиС называл правительство Туска не иначе как «польско-российский кондоминиум», он ни на минуту не допускал возможности объективного расследования обстоятельств катастрофы и почти напрямую говорил о том, что это дьявольски тонко разработанный план устранения Леха Качиньского, в котором участвовал «пан Коморовский» (Качиньский ни разу не назвал

¹⁶ Tusk D. Tam gdzie starch, tam PiS // Polityka.- W-wa, 2010. — N27.- S.18.

его президентом) и «пан Туск», давно известный своим сервизмом по отношению к России и Германии¹⁷.

Я. Качиньский всеми способами пытается создать в Польше едва ли не культ погибшего президента, что не всегда однозначно способствует сохранению доброй памяти о погибшем. Сам факт погребения президентской четы в крипте собора на Вавеле, где не удостоился быть похороненным даже последний польский король Станислав Понятовский, вызвало недоумение у части польского общества.

Свидетельством полного недоверия Качиньского к официально избранной власти стало обращение Качиньского в Конгресс США, для передачи которого в Америку летали представители Пис — А. Фотыга и А. Мачеревич. В своем обращении Качиньский просил у американского Конгресса создать специальную международную комиссию для расследования смоленской катастрофы. Качиньский не одинок в своем болезненно-подозрительном отношении к смоленской трагедии.

В декабре 2010 г. в Европарламенте прошли слушания по вопросу о катастрофе под Смоленском. Выступая на них, дочь погибшего президента Леха Качиньского Марта обратилась с просьбой о создании международной комиссии для расследования причин катастрофы. Международного расследования требуют и многие другие поляки: под соответствующей петицией подписались 300 тысяч человек.

¹⁷ Я. Качиньский неоднократно ссылался на действительно не очень удачное высказывание Коморовского, который, выступая по радио в марте 2010 г. и комментируя вопрос о задержке президентом Л. Качиньским подписания верительных грамот сказал: «Придут выборы, а президент куда-нибудь, улетит и это все изменит».

В Польше действует «Движение 10 апреля», участники которого не верят в официальную версию крушения самолета. Их объединяет отношение к смоленской трагедии, а не общее мировоззрение. Во главе движения, включающего в себя образованных, молодых людей, многие из которых имеют опыт работы в госструктурах, преуспевающий юрист П. Виплер. «Движение 10 апреля» объединяет около 3-х тысяч единомышленников и поддерживается несколькими организациями и фондами право-консервативного направления. Десятого числа каждого месяца «Движение 10 апреля» проводит демонстрации у президентского дворца. Когда жена Коморовского летала в Смоленск, чтобы почтить память погибших, демонстранты позволяли себе выкрики типа «Чтобы ты там и осталась», «Чтобы ты упала».

Материальным объектом сосредоточения страстей стал крест, установленный сразу после катастрофы перед президентским дворцом в Варшаве. Вокруг него собирались многотысячные толпы, что было вполне естественно в первые дни после катастрофы, но впоследствии приобрело несколько болезненный оттенок. Цветы и поминальные свечи, которые поляки приносили к кресту, — неотъемлемые атрибуты траура, но звучащие у креста речи, содержащие ни на чем не основанные обвинения избранного президента и действующего премьера, трудно было считать нормальным явлением.

Власти попытались перенести крест в часовню президентского дворца. Активисты защитников креста не давали этого сделать, у креста день и ночь стояли пикеты, некоторые самые горячие головы пытались приковать себя к кресту, по ночам

крест превращался в место собраний варшавских бездомных и бродяг. Качиньский произносил гневные филиппики в адрес Коморовского, изображая его едва ли не антихристом, борющимся с христианскими символами.

В конце концов, только в ноябре, согласовав решение этой проблемы со всеми заинтересованными лицами, власти сумели перенести крест в костел св. Анны, находящийся неподалеку от президентского дворца.

Католическая церковь, которая, казалось бы, могла способствовать примирению сторон, воздержалась от выражения своего отношения к этому конфликту.

Позицию Качиньского, по сути подвергающего сомнению легитимность законной власти, осудили многие видные польские политики. Т. Мазовецкий квалифицировал ее как рокош. Только во времена классических шляхетских рокошей Польшу губили магнаты, а теперь политические олигархи.

Советник президента высказал мнение, что политика ПиС направлена на уничтожение государственного сознания и государства как такового. Она подвергает сомнению саму возможность доверия институтам государства: и правительству, и прокуратуре, и суду. Это уже борьба с системой.

Польская политика, замечает Мазовецкий, основана на ненависти. Люди часто не могут спокойно разговаривать друг с другом, настолько велико эмоциональное напряжение. Нужно действительное, реальное единство, не великие реформы, а продолжение и сохранение того, что есть. Вполне соответствовали призывам Мазовецкого первые шаги Коморовского на президентском посту. Коморовский обратился к Качиньскому

с предложением о подписании документа «Согласие создает, а Польша превыше всего». Эта фраза является соединением предвыборных лозунгов Коморовского и Качиньского. Но Качиньский отказался подписывать это обращение. Еще когда Коморовский был исполняющим обязанности президента, он пригласил Качиньского принять участие в работе Совета национальной безопасности, но получил отказ.

11 ноября 2010 г. в День независимости, выступая на могиле неизвестного солдата, Коморовский призвал поляков «быть как Пилсудский и Дмовский» в первые годы после обретения независимости (известно, что эти извечные политические противники в ответственный момент, когда решалась судьба Польши, забыли о своих разногласиях).

Коморовский апеллировал и к более близкой исторической традиции: к наследию «Солидарности», этос которой близок и ГП, и ПиС. Президент призывал хранить наследие «Солидарности», не «бросать огромный успех нашего поколения, поколения «Солидарности» в огонь домашних свар и ссор». Как полагает Коморовский, разногласия и споры нормальны, но они не должны превращаться в «ад польско-польской войны, которая ничего не создаст, но очень многое может разрушить»

Однако проникновенную речь Коморовского представителя ПиС не слышали: их на церемонии не было. Уже после ее окончания они самостоятельно и отдельно от всех возложили цветы.

Ожесточенная польско-польская война не обошлась и без крови.

В конце октября 2010 года в отделение партии «Право и справедливость» в Лодзи вошел человек средних лет, неожиданно для присутствующих достал оружие и с криком: «Я убью Качиньского!» — выстрелил в одного из присутствующих в офисе активистов партии. Выстрел оказался смертельным. Не удовлетворившись этим, мужчина ранил еще одного сотрудника представительства и только потом был остановлен охраной. Прибывший на место происшествия один из «отцов города» в отчаянии восклицал: «Не убивайте нас, у нас семьи!» Вскоре оказавшийся на месте преступления глава партии «Право и справедливость» Ярослав Качиньский прямо обвинил в случившемся своих политических противников, правящую партию «Гражданская платформа», ее лидера — премьера польского правительства Дональда Туска и президента Коморовского.

Выяснилось, что убийца невменяем, и его жертвой мог стать любой польский политик, но сам факт кровопролития стал для ПиС прецедентом для обвинения ГП и президента в организации «кампании ненависти» в стране.

Одной из наиболее болезненных проблем в конфронтации Коморовского и Качиньского является проблема польско-российских отношений. Трудно заподозрить президента и премьера в особой любви к России, но стремление выстраивать взаимоотношения между двумя странами, исходя из принципа нормальности и видения России «такой, какой она есть» (по выражению Туска), несомненно, присутствуют в политике нынешнего польского руководства.

Коморовский относит укрепление связей с Россией к числу приоритетных направлений польской внешней политики. В

своих выступлениях он не раз говорил о необходимости улучшения отношений между двумя странами, замечая, что процесс этого улучшения может быть уподоблен «длительному маршу», простому, но имеющему правильный вектор движения. Коморовский полагает, что со стороны России «ситуация явно созрела до того, чтобы признать Польшу серьезным партнером. Мы хотели бы, чтобы процесс пошел еще дальше в плане создания не только хороших партнерских отношений, но и благоприятной почвы для польско-российского сотрудничества в надежде на, возможно, нелегкий, но необходимый процесс единения в правде, в рамках демократического порядка, в рамках создания государства правды»¹⁸.

Несомненно, значимым событием в развитии российско-польских отношений был визит президента России в Польшу в декабре 2010 г. Это был первый визит такого высокого уровня после почти восьмилетнего перерыва. Коморовский отметил, что визит явился открытием новой главы в российско-польских отношениях и залогом их «решительного улучшения, важным шагом в долгом пути, по которому Россия и Польша должны идти все быстрее»¹⁹.

В ходе визита Россия и Польша заключили 7 соглашений о сотрудничестве в самых разных сферах взаимоотношений двух стран. В том числе была подписана декларация о сотрудничестве в целях модернизации экономики между Министерством экономического развития РФ и Министерством экономики

¹⁸ Komorowski B. Stoimy w obliczu wielkiego-wyzwania // Mode of access: <http://www.prezydent.pl/aktualnosci-krajowe/art,31,stoimy-w-obliczu-wielkiego-wyzwania>

¹⁹ Визит президента Медведева в Польшу. — Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/pmt.html?NewsID=15749343>

Польши, межправительственные соглашения о сотрудничестве в борьбе с загрязнением Балтийского моря; меморандум о сотрудничестве в области почтовой связи и электросвязи; совместное заявление в области энергетики; меморандум о сотрудничестве генеральных прокуратур; декларация об интенсификации сотрудничества и молодежных обменах между РФ и РП; была достигнута договоренность по поводу создания Центра российско-польского диалога и согласия в РФ и Центра польско-российского диалога и согласия в Польше.

Подписание большого пакета документов свидетельствует о намерении сторон строить отношения на началах взаимовыгодного сотрудничества, прагматизма и рационализма.

И во время подготовки визита, и в ходе его, Коморовский подчеркивал удовлетворение Польши в связи с наметившимся сближением России с НАТО, продвижением по пути вступления в ВТО. Польский президент выражал готовность Польши всячески способствовать сближению России с евроатлантическими структурами.

«Мы с удовлетворением отмечаем, — констатировал Коморовский, — чем глубже Польша укореняется в западной системе безопасности, экономики и политики, тем больше растут шансы на хорошее сотрудничество с партнерами, находящимися вне Евросоюза и НАТО. Это нормально и понятно. Польский голос в этих организациях важен... Польский голос в НАТО и ЕС — голос за сотрудничество этих организаций с Москвой»²⁰.

²⁰ Визит президента Медведева в Польшу.- Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/prnt.html?NewsID=15749343>

В выступлениях и российско́го, и польско́го президентов прозвучали слова о стремлении закрыть сложные страницы во взаимоотношениях двух стран, в том числе и страницы, связанные с историей.

Президент РП высоко оценил принятое Думой заявление по Катынской трагедии, отметив, что оно формирует определенный климат в политике.

Однако далеко не все в Польше радовались визиту Медведева. «Право и справедливость» отнеслась к визиту российско́го президента весьма скептически, определив его как «рутинный». Качиньский не усмотрел в этом визите ничего хорошего для Польши. Перед российскими консульствами в польских городах, а также перед посольством России в Варшаве были организованы пикеты, члены которых требовали «правды о Смоленске», всячески выражали свое неприязненное отношение к России.

Профессор Ягеллонского университета (Краков) А. Новак, являющийся известным специалистом по России (что не мешает ему относиться к предмету своего изучения, по меньшей мере, критически), заметил, что визит Медведева напоминает ему приезд царя Николая II в Варшаву в 1897 г. по тому энтузиазму, с которым российский президент был встречен в Варшаве. Энтузиазм, как полагает А. Новак, совершенно беспочвенен, ибо не достигнуто никакого прорыва ни в сфере экономической, ни в сфере идеологической.

Согласно достигнутым договоренностям, Польша попадает в еще большую зависимость от Газпрома. Принятие пред-

ложения России об участии в строительстве Калининградской АС означает сворачивание программы развития собственной атомной энергетики.

В решении исторических споров поляки также, скорее, уступили России. В высказываниях министра иностранных дел Сикорского по поводу признания Польшей факта смерти в польском плену тысяч красноармейцев после советско-польской войны 1920 г. А. Новак усмотрел принятие версии «антикатыни», являющейся «вульгарным тезисом постсоветской антипольской пропаганды»²¹.

Профессор полагает, что ничего не изменилось в решении исторических споров России и Польши, в проблеме получения правдивой информации о смоленской катастрофе. Словом, визит прошел по российским стандартам и никакого повода для ликования нет.

К сожалению, не только оппозиционная ПиС и близкие к ней круги неоправданно политизируют смоленскую катастрофу и ищут в ней повод для подозрительного и недружественного отношения к России. Едва проявившаяся тенденция к потеплению польско-российских отношений опять оказалась под угрозой. Польская сторона в лице премьера Туска в декабре 2010 г. признала неприемлемым доклад российской стороны о причинах крушения президентского самолета под Смоленском. В достаточно резком тоне Туск заявил о том, что отчет Межгосударственного авиационного комитета (МАК) содержит столько недочетов, что можно усомниться в справедливо-

²¹ Nowak A. Powrot Mikolaja // Mode of access : [http:// www.rp.pl/artukul/575462.html?print=tak](http://www.rp.pl/artukul/575462.html?print=tak)

сти выводов комиссии. Возможно, проблеме удастся согласовать и она не примет болезненного и столь характерного для польско-российских отношений политизированного оттенка.

Свидетельством той непростой атмосферы, в которой польский президент пытается погасить огонь польско-польской войны, являются весьма серьезные нападки на Коморовского в связи с тем, что президент пригласил генерала Ярузельского на заседание Совета национальной безопасности. На это заседание были приглашены все президенты и премьеры, действовавшие в Польше после 1989 г. Но факт приглашения Ярузельского вызвал бурю возмущения в стране. Группа журналистов из газеты «Речьпосполита» обратилась с открытым письмом, в котором выражалось недоумение по поводу того, о чем может советоваться президент демократической страны с диктатором. Конечно, фигура Ярузельского ассоциируется у политических оппонентов Коморовского, прежде всего, с Россией, причем в негативном контексте.

В годовщину введения военного положения 13 декабря, в 2010 г., как, впрочем, и в прежние годы, под окнами дома Ярузельского состоялась демонстрация протеста. Против действий Коморовского, направленных, как полагают некоторые политические и общественные круги в Польше, на реабилитацию Ярузельского, решительно высказались руководители нынешней «Солидарности».

Заметим, что проблема отношения к генералу давно занимает общественное мнение поляков. В 1991–1996 гг. действовала специальная парламентская Комиссия конституционной ответственности, которая прекратила расследование, признав,

что введение военного положения было необходимостью. Но судебное расследование, начатое в 2001 г., не прекращено. Вместе с Ярузельским обвиняются бывший первый секретарь ЦК ПОРП С. Каня, глава МВД Ч. Кишак и еще ряд партийных и государственных руководителей того времени. Им грозят, в случае вынесения обвинительного приговора, длительные сроки тюремного заключения.

Не все в Польше согласны с правомерностью сурового и непримиримого отношения к Ярузельскому. Лех Валенса, например, будучи твердо уверен в необходимости разобраться и вынести суждение по проблеме военного положения, тем не менее, полагает, что время для этого еще не пришло, сейчас проблема воспринимается еще слишком эмоционально. С ним полностью согласен Коморовский, заявляющий, что «для нашего поколения эта проблема слишком эмоционально окрашена. Польское государство, между тем, не должно разрываться эмоциями. Я согласен с господином Валенсой в том, что эти эмоции будут, очевидно, угасать вместе с нашим поколением. Но очевидно, что современное польское государство должно руководствоваться рациональностью, а не только эмоциями»²².

Историю, полагает Коморовский, нельзя изменить. Этого не может даже президент. Свои действия он рассматривает как попытку прекращения польско-польской войны, драматическим проявлением которой было и военное положение. Но, в отличие

²² Komorowski B. Nie zmieniam oceny generała Jaruzelskiego// Mode of access:<http://www.prezydent.pl.aktualnosci/wiadomosci/art.,1576,prezydent-nie-zmieniam-oceny-ws-gen-jaruzelskiego,1.html>.

от Ярузельского, принявшего приглашение участвовать в работе СНБ, Я. Качиньский на призыв президента не откликнулся.

Польско-польская война не утихает, а, напротив, набирает обороты, причем одним из основных направлений «военных действий» являются российско-польские отношения. Хотелось бы надеяться, что прагматизм и рационализм нынешнего польского руководства будет способствовать нормализации этих отношений.

Интересно, что многое из вышесказанного: и сложившееся еще в детстве неприятие России, сочетающееся с зачарованностью российской культурой и мощью, и осознание своей миссии, и интерес к идеям Гедройца-Мерошевского, и почитание личности Пилсудского, — применимо и к личности антагониста Коморовского, Качиньского. Но у последнего отсутствует то, что в высшей степени свойственно Коморовскому — стремление к объективности, к тому, чтобы видеть вещи такими, каковыми они являются. К восприятию мира в категориях объективности и прагматизма апеллирует и нынешний польский премьер Д. Гуск. Видимо, можно надеяться, что рационализм и здравый смысл станут основой польско-российских отношений. Хотя совершенно очевидно, что Польша не желает отказываться от своего видения некоторых болезненных, в частности, исторических проблем в польско-российских отношениях и независимо от смены политической элиты упорно идет к цели.

Николай Бухарин

Проблемы энергетической безопасности Польши в контексте российско-польских отношений

Унаследованная от СССР энергетическая зависимость Польши от российского газа и нефти за последние 20 лет не только сохранилась, но и увеличилась. На протяжении всего этого времени польские власти, политики и журналисты практически без остановки говорили и писали о необходимости **уменьшения энергетической зависимости от российских энергоносителей путем диверсификации источников поставок**. Правительством было принято несколько постановлений. Именно в этом ключе, прежде всего, и понималась энергетическая безопасность страны. На самом деле эту безопасность Россия и обеспечивала. Достаточно было иметь с ней хорошие отношения. Однако польские власти априори исходили из точки зрения, что такие отношения невозможны. Идея, по крайней мере, уменьшения и даже освобождения от российской энергетической зависимости стала идеей фикс в польском обществе.

По мнению властей и экспертов, энергетическая безопасность страны, особенно в области газа, является недостаточной. Польский Институт Костюшко подготовил специальный аналитический доклад «Энергетическая безопасность Польши. 2010», в котором рассчитал показатель энергетической безопасности страны. При оптимальном показателе энергетической безопасности, равной 1, показатель безопасности в области нефти и жидкого топлива (бензин

и др.) составляет 0,7117, а в области природного газа — 0,2931¹.

В польском потреблении газа 68-69% приходится на российский газ (около 30% собственная добыча, которая в последние три года упала с 4,3 млрд. куб. м до 4,1 млрд. куб. м). В 2007 г. отбор физических объемов российского газа в Польше составил 7,0 млрд. куб. м, 2008 г. — 7,6 млрд. куб. м, в 2009 г. — 9,03 млрд. куб. м, в 2010 г. — около 9,7 млрд. куб. м.² В 2008 г. его цена за 1 тыс. куб. м составляла 410 долл., в 2009 г. — 300 долл.³.

В 2009 г. 91,2% потребляемой в Польше нефти — это нефть, которая импортировалась из России, 2% — из Алжира, 1,6% — из Великобритании, 1,3% из Норвегии, 0,6% — из ЮАР, 3,2% — это собственная добыча⁴. Объемы поставок российской нефти в 2007 г. составили 17,5 млн. т, в 2008 г. — 17,7 млн. т, в 2009 г. — 17,88 млн. тонн, в 2010 г. — около 19,3 млн. т. В сентябре 2009 г. президент РКН Орлен Я. Кравецз заявил, что отсутствуют причины для отказа от поставок российской нефти⁵.

Россия является для Польши не только ключевым поставщиком нефти и природного газа, но и важным экспортером каменного угля. В 2008—2009 гг. спрос на российский (кузбасский) уголь в Польше был исключительно высоким. В 2005 г. в Польшу из России его было ввезено 2,5 млн. т, 2006 г. — 3

¹ Bezpieczeństwo energetyczne Polski. 2010. Raport otwarcia//www.ik.org.pl

² Динамика поставок российского газа в Европу//Коммерсант. 2010, 16 февраля.

³ Co z ceną za gaz//www.rp.pl (22.03.2010).

⁴ Bezpieczeństwo energetyczne Polski. 2010. Raport otwarcia//www.ik.org.pl

⁵ Polska bezpieczna energetycznie//www.wyborcza.pl (14.09.2009).

млн. т, 2007 г. — 4 млн. т, 2008 г. — около 5 млн. т, в 2009 г. — 6,3 млн. т⁶. В 2009 г. цена польского угля составляла около 270 злотых за тонну (более 9 долл.), а российского — 220 злотых (более 7,3 долл.)⁷. Российский уголь более энергетический и дешевый, чем польский. Российский уголь стал серьезным конкурентом на традиционных внешних рынках сбыта польского каменного угля. Речь идет, в первую очередь, о Скандинавии и Германии, где доля российского угля растет за счет падения спроса на дорожающий польский уголь. Такая ситуация определяется агрессивной политикой российских экспортеров, с одной стороны, и растущими издержками польских шахт, с другой.

Парадокс состоит в том, что в 2010-х годах экспорт российского газа и нефти в физических объемах возрастет и в первой половине десятилетия энергетическая зависимость от России увеличится. Это связано с модернизацией и постепенным переводом польской электроэнергетики с угля на газ (доля угля уменьшится с 94,91% в 2010 г. до 67-70% в 2030 г.), а также с увеличением перерабатывающих мощностей основных польских нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ). К тому же ЕС требует от Польши до 2010 г. на 20% уменьшить выбросы углекислого газа, что и вынуждает польские власти перестраивать свою энергетику. В 2010–2015 гг. предполагается построить на газовой основе или перевести на газ семь блоков электростанций, на которые потребуется около 2 млрд. куб. м (по польским нормам, по российскому ГОСТу — 2,11 млрд.) газа⁸.

⁶ Czy Polskę zasypie węgiel ze Wschodu // www.rp.pl (22.02.2010).

⁷ Rosjanie nie muszą zwiększać dostaw węgla do Polski // www.wnp.pl (28.03.2010).

⁸ Biuletyn 4413/VI. Komisja gospodarki // orka.sejm.gov.pl (25.11.2010).

В связи с тем, что компания «Росукрэнерго» по вине тогдашнего премьер-министра Украины Ю. Тимошенко прекратила в 2009 г. поставки газа в Польшу, которые составляли 2,35 млрд. куб. м в год, а также в связи с увеличивающимися потребностями польской экономики, польская сторона предложила российской заключить новый газовый контракт. 27 января 2010 г. Газпром и PGNiG (Польская государственная газово-нефтяная компания) подписали протокол о внесении изменений в дополнительный протокол к соглашению между РФ и Польшей о транзите и поставках газа от 25 августа 1993 г., в соответствии с которым поставки газа должны быть продлены на 15 лет до 2037 г. Газпром будет поставлять, начиная с 2010 г., до 11 млрд. куб. м газа в год (по польским нормам — 10,3 млрд. куб. м) плюс или минус 15% поставок газа в год. Предыдущий протокол предусматривал в 2010—2015 гг. поставки на 8 млрд. долл., т.е. они возрастут на 3 млрд. куб. м. По польским оценкам, потребление газа до 2015 г. возрастет с 14 млрд. куб. м. до 18-20 млрд. куб. м, а до 2020 г. — до 26-28 млрд куб. м. Это означает, что с середины 2010-х годов доля российского газа в польском потреблении этого энергоносителя может начать падать.

В соответствии с новым протоколом Россия должна была бы гарантировать транзит газа на Запад по польскому участку газопровода «Ямал-Европа» на нынешних условиях до 2045 г. 11 февраля 2010 г. польское правительство утвердило этот договор.

Однако под давлением американских компаний, которые активно лоббируют идею поиска и добычи в Польше сланцевого

газа, немецких акционеров газопровода «Северный поток», Европейского союза, а также русофобствующих польских политиков, которые настраивали польское общественное мнение против этого соглашения, Варшава вынуждена была пойти на сокращение срока действия соглашений на поставки газа с 2037 г. до 2022 г. и транзита российского газа с 2045 г. до 2019 г.

К тому же, в апреле Европейская комиссия потребовала, чтобы в соответствии со Вторым энергопакетом ЕС, функции собственника газа и газопровода должны быть разделены, и чтобы оператором газопровода стала независимая компания. В соответствии с Третьим энергопакетом, к поставкам по газопроводу Ямал — Европа должны быть допущены третьи стороны. Газпром вынужден был пойти на уступки, правда, с оговорками. «Договор об обязанностях оператора проекта устанавливает процедуру доступа третьих сторон, но только к свободным мощностям в трубопроводе», — сразу же подчеркнули в Газпроме⁹. Следует сразу же отметить, что существенные свободные мощности в трубе в ближайшие девять лет могут возникнуть, только если «Газпром» не будет использовать этот маршрут поставок в полной мере. Как написала польская газета «Речпосполита», «ямальский газопровод будет доступен только на бумаге»¹⁰. С Брюсселем удалось договориться о том, что функции технического оператора по транзиту газа будет выполнять польская государственная компания Gaz-System, которой переданы в управление все газопроводы PGNiG. 17

⁹ Свободный доступ к свободным мощностям//Время новостей. 2010, 19 октября.

¹⁰ Gazociąg jamalski nie dla wszystkich//Rzeczpospolita. 8.11.2010.

ноября 2010 г. Управление по регулированию энергии РП издало распоряжение, в соответствии с которым компания Gaz-System становится независимым оператором польского участка ямальского газопровода на период с 1 января 2011 г. по 31 декабря 2025 г. Соответственно, между ЕвРоПолГазом и Gaz-System было заключено операторское соглашение по технической эксплуатации газопровода Ямал — Европа, которое учитывает теоретический доступ третьих лиц к этой газотранспортной системе. Gaz-System уже подсчитал, что одноразовое использование этого газопровода в обратном направлении — из Германии в Польшу — будет стоить клиенту 20 млн. евро¹¹.

Переговоры о внесении изменений в газовое соглашение велись с мая 2010 г. и завершились 17 октября. 29 октября 2010 г. в Варшаве были подписаны вице-премьерами И. Сечиным и В. Павляком два межправительственных протокола к соглашениям от 25 августа 1993 и 12 февраля 2003 гг., а заместителем председателя правления ОАО «Газпром» Александром Медведевым и председателем правления компании PGNiG Михалом Шубским — ряд межкорпоративных документов, в том числе контракт между Газпром-экспортом и PGNiG на поставки газа в Польшу до 2022 г. Они позволили урегулировать все спорные вопросы по предыдущим периодам, — пакетно: механизмы тарифообразования, взаиморасчёты за транспортировку газа — а также закрепить базовые принципы функционирования совместных предприятий «Газпрома» и польских партнёров. Как заявил Сечин, «подписанные доку-

¹¹ MG: za ok. 20 mln euro możliwy tzw. rewers na gazociągu jamalskim//PAP. 26.11.2010.

менты соответствуют новым требованиям, в них учтены все условия, которые регулируются европейским законодательством, речь не идет о сговоре между российскими и польскими компаниями, все достигнутые договоренности являются рыночными и соответствуют российскому и польскому законодательствам»¹².

В 2011 г. поставки газа должны составить 10,5 млрд. куб. м, в 2012—2022 гг. — 11 млрд. куб. м. По мнению экспертов, цена газа составляет несколько более 300 долл. за 1 тыс. куб. м. На 2010—2014 гг. предусмотрена гибкая система скидок сверхминимальных контрактных объемов (выше установленного контрактного минимума) — 3-10%. Скидка начинается, когда выбирается сверх 75% объемов газа от контракта, и составляет 3%. Если польская сторона будет выбирать все законтрактованные объемы газа, то скидка может составить до 10% на 25% объема¹³. Польша получила такие же скидки, что и немецкий концерн E.ON Ruhrgas, хотя он покупает газа в четыре раза больше, чем PGNiG. К тому же, E.ON Ruhrgas получил скидку на три года, а PGNiG — на пять лет. По оценкам, экономия PGNiG в эти годы может достигнуть 200-250 млн долл. По требованию Еврокомиссии было отменено положение о запрете реэкспорта природного газа в третьи страны без согласия поставщика.

Ставку тарифа на транзит газа будет определять ЕвроПолГаз (совместное российско-польское предприятие, владеющее польским участком газопровода «Ямал — Европа»), а согласо-

¹² Подписанные РФ и Польшей документы по газу ничего не нарушают — Сечин // www.gian.ru (2010, 29 октября).

¹³ «Газпром» скупает Польшу // www.gazeta.ru (2010, 3 ноября); Газпром лишился негибкости // *Власть*. 2010, 8 ноября.

вывать — польский регулятор. Как отметили в Газпроме, «теперь это четко прописанная формула образования тарифа, а не описательный характер образования формулы тарифа, как было ранее»¹⁴. При этом ЕвРоПолГаз и «Газпром экспорт» урегулировали вопросы платежей за транзит в 2006 — 2009 годах, а с PGNiG был согласован процесс приведения структуры долевого участия в ЕвРоПолГаз к соотношению 50:50 (сейчас российской и польской госкомпания принадлежит по 48% акций, а 4% у польской компании Gas Trading, которая фактически подконтрольна PGNiG) и условия паритетного управления. Тем самым напряженность, существовавшая в отношениях между Газпромом и PGNiG многие годы, сошла на нет. Польская сторона высказалась за умеренный рост тарифов за транзит газа, так как высокие тарифы могут привести к уменьшению транзита газа через польскую территорию после вступления в строй Северного потока. Чистая прибыль ЕвРоПольГаза была определена на уровне 21 млн. злотых (7 млн. долл.). По польским данным, доходы польской стороны от транзита газа по польскому участку газопровода «Ямал — Европа» составляют около 1 млрд злотых (около 330 млн долл.) в год¹⁵.

В. Путин назвал достигнутые соглашения «хорошим знаком», говорящим об улучшении межгосударственных связей и о росте торгово-экономического взаимодействия¹⁶.

Одновременно в 2010—2014 гг. Польша вкладывает большие средства — 8 млрд злотых (около 2,7 млрд долл.) — в дивер-

¹⁴ Новости//www.oilru.com (2010, 10 ноября).

¹⁵ W Jamale na razie moze wyczerpane//www/wpn.pl (8.11.2010).

¹⁶ Стенограмма начала встречи//www.premier.gov.ru (2010, 29 октября).

сификацию поставок газа в Польшу. Предполагается строительство более 1 тыс. км газопроводов, расширение интерконекторов с соседними странами — Германией и Чехией, создание в порту Свиноустье морского терминала по приемке сжиженного природного газа в объеме 5,0-7,5 млрд. куб.м. Одновременно в последние годы 0,8-1 млрд. злотых (270-330 млн. долл.) в год инвестируется в поиск и добычу отечественного газа¹⁷.

Начать основное строительство морского терминала планируется в 2011 г. Первая очередь (5,0 млрд куб. м) терминала должна вступить в строй в середине 2014 г. Инвестиции в проект составят 997, 69 млн евро (1,1 млрд долл.). Вторую очередь (будет ли она?) предполагается окончить в 2020 г. Если этот терминал будет построен, то диверсификация поставок газа станет реальностью. Газпром утратит монополию на экспорт газа в Польшу.

В конце июня 2009 г. PGNiG подписала с компанией Qatargas двадцатилетний контракт (до 2034 г.) на поставки сжиженного природного газа из Катара в Польшу. Среднегодовая стоимость контракта оценивается в 550 млн долл. Импорт сжиженного газа в объеме до 1 млн т/год (1,5 млрд куб. м) обеспечит немногим более 10% потребностей Польши в голубом топливе. Цена катарского газа увязана с ценой нефти и будет на 30% выше, чем цена российского газа¹⁸. По всей вероятности, остальные необходимые объемы сжиженного газа польская сторона будет покупать по спотовым контрактам. Как заявил в интервью польскому телевидению А. Медведев,

¹⁷ Wydamy miliardy na gazowe inwestycje // www.tvn24.pl (19.11.2010).

¹⁸ Pawlak: możliwe przedłużenie tranzytu i niższa cena gazu // www.pb.pl (29.10.2010).

«сжиженный природный газ продается в Европе как по спотовой цене, так и по цене, определяемой на основе паритета нефти. Эта цена сейчас составляет более 450 долл. Если Польша решится купить сжиженный газ по такой цене, то это будет означать, что цена газа из газопровода пойдет вверх и сравняется с этой ценой. Поэтому считаю, что польское правительство должно семь раз подумать, перед тем как согласиться на цену диверсификации»¹⁹.

В связи с тем, что катарский газ будет на 30% дороже, чем российский, польские предприятия химической промышленности уже заранее заявляют, что не будут его покупать. По мнению независимого аналитика топливного рынка А. Щеньсняка, в связи с тем, что мощности терминала в Свиноустье будут использоваться не полностью, то цена катарского газа может быть даже на 50% дороже российского²⁰. Поэтому предприятия требуют продажи им дешевого отечественного газа (80-100 долл. за 1000 куб. м) или газа из Германии.

В итоге польские власти стремятся к тому, чтобы одна треть потребляемого в стране газа была бы собственного производства, одна треть импортировалась из России и еще одна треть ввозилась в Польшу через морской терминал. Однако в 2010-х годах такой пропорции достичь не удастся. Российский газ во второй половине 2010-х годов будет составлять более половины всего потребляемого в стране газа и будет основой энергетической безопасности Польши. По мнению директора департамента нефти и газа министерства

¹⁹ «Nord Stream nie jest alternatywą dla Jamału»//www.tvn24.pl (30.10.2010).

²⁰ Polska chemia nie chce LPG//Dziennik Gazeta Prawna (8.12.2010).

экономики РП М. Калиского, «сжиженный природный газ будет существенным элементом безопасности, но не основным. На нем мы не можем строить нашу безопасность, можем ее только укрепить»²¹.

Достижение газовой независимости все больше увязывается с началом добычи сланцевого газа. В случае подтверждения его большого запаса и рентабельности его добычи, Польша, как пишут польские газеты, может превратиться во вторую Россию, Кувейт или Норвегию. По предварительным данным, полученным американскими специалистами, эти запасы могут составить 1,5-2,0-3,0 трл. куб. м. Правда, в мае 2010 г. геолог Государственного геологического института Х. Керсновский заявил, что залежи сланцевого газа в Польше могут составить только 150 млрд. куб.м. Польские СМИ утверждают, что достоверные данные появятся уже во второй половине 2011 г. Промышленная добыча сланцевого газа может начаться через 7-10-12 лет. Однако огромные запасы этого газа уже открыты в Германии, есть они и на Украине. Поэтому сланцевый газ Польша будет (если будет) добывать скорее для своих собственных нужд. По мнению польских экспертов, он может использоваться в электроэнергетике, в домашних хозяйствах (в настоящее время только половина домашних хозяйств использует голубое топливо) и экспортироваться в Белоруссию и Литву.

В последнее время Польша уделяет большее внимание строительству интерконекторов, соединяющих польские газопроводы с немецкими и чешскими трубопроводами. Прежде всего к концу 2011 г. будет увеличена пропускная способность

²¹ Biuletyn 4413/VI. Komisja gospodarki//orka.sejm.gov.pl (25.11.2010).

трубопроводного соединения с газотранспортной системой Германии в Лясове с 0,9 до 1,6 млрд куб. м (стоимость инвестиции 28,81 млн евро). В этом же году будет осуществлена состыковка газотранспортной инфраструктуры Польши и Чехии в районе Тешина (проект «Моравия»). Пропускная способность соединительного трубопровода составит 0,5 млрд м³ газа (затраты на инвестицию 28 млн евро). Предполагается строительство также еще двух интерконекторов. В целях стабилизации национального газоснабжения предусматривается наращивание при финансовом содействии ЕС емкости подземных газохранилищ с нынешних 1,66 млрд куб.м до 2,36 млрд куб. м в 2012 г. В 2015 г. предполагается довести емкость газохранилищ до 3,95 млрд куб. м.

Однако на практике интерконекторы понадобятся для продажи излишков газа, которые могут возникнуть после вступления в строй в 2014 г. морского терминала для приемки сжиженного природного газа и начала добычи сланцевого газа. По оценкам экспертов, излишки могут составить даже до 10 млрд куб. м газа²².

Проблема энергетической безопасности в области нефти считается польской стороной решенной. В начале 1990-х годов в Гданьске был построен морской терминал для приемки нефтяных танкеров. Однако во второй половине 1990-х годов он стал использоваться российскими компаниями, а с 2007 г. — и казахстанскими концернами в обратном направлении, т.е. для перевалки нефти на танкеры. Польские власти периодически напоминают, что в случае прекращения российской стороной

²² Polska odrywa się od gazu z Rosji // Dziennik Gazeta Prawna. 27.12.2010.

поставок нефти гданьский терминал сразу же станет использоваться по назначению.

В последнее время были расширены перерабатывающие мощности польских нефтеперерабатывающих заводов, как группы «Лотос», так и нефтяного концерна «Орлен». В результате поставки российской нефти в Польшу могут увеличиться с 17-18 млн т до 20-21 млн т. Как уже отмечалось, в 2010 г. они уже увеличились до 19,3 млн т.

Вторым элементом польской концепции энергетической безопасности до самого последнего времени было недопущение российских нефтегазовых концернов в польскую экономику. С одной стороны, нефтепереработка была отнесена к стратегической отрасли народного хозяйства. С другой, в переходе НПЗ в руки российских предприятий польские власти видели политическую опасность. Такой «российский» нефтеперерабатывающий завод мог бы оказывать влияние на политическую жизнь страны, прежде всего на финансирование избирательных компаний. Поэтому в 2000 г. ЛУКОЙЛу со скандалом было отказано в приобретении Гданьского НПЗ.

Однако теперь польская сторона, похоже, может отказаться от прежней дискриминационной политики и допустить российские нефтяные компании к приватизации польской нефтяной группы «Лотос». На тендер выставлены 53,19% акций этой группы, которые принадлежат министерству финансов РП (5% акций — негосударственному пенсионному фонду ING OFE, 42% — миниритарным акционерам). Они могут быть проданы одному стратегическому инвестору. Группа

«Лотос» состоит из четырех НПЗ, из которых самым крупным является Гданьский НПЗ, перерабатывающие мощности которого после недавней модернизации были увеличены на 75% и составляют теперь более 10 млн. тонн в год, добывающей компанией в Норвегии Petrobaltic и сети 317 АЭС. Капитализация группы составляет 1,4 млрд долл. Это третья по выручке компания Польши. По данным российских СМИ, стоимость 53,19% акций оценивается в 735 млн долл²³. Лотос, по мнению польских властей, должен сохранить характер региональной компании. Окончательное решение о выборе инвестора будет принадлежать польскому правительству. Как заявил Д. Туск, перед возможными покупателями будут поставлены требования, «трудные для выполнения». Они должны «гарантировать экономическую безопасность Польши»²⁴. По сообщениям СМИ, интерес к Лотосу проявляют российские компании «Газпром нефть» и «Роснефть», которые могут создать вместе с одной из западных компаний консорциум для приобретения стратегического пакета акций польской нефтяной группы.

Третьим элементом своей концепции энергетической безопасности польская сторона считает активное использование транзитной роли Польши — увеличение количества проходящих через польскую территорию трубопроводов с Востока на Запад. Для поляков эта роль — важный показатель общеевропейского значения, престижа страны, укрепления значения

²³ Безопасный маршрут // Время новостей. 2010, 8 ноября.

²⁴ Premier: na kupno Lotosu wszystkie oferty będą brane pod uwagę // www.wnp.pl (7.12.2010).

Польша во внешней политике России. На уменьшение транзитной роли РП они реагируют отрицательно. В настоящее время через Польшу и на Польшу идет до 30% экспорта российской нефти и 16,2% экспорта природного газа. Уменьшение этого экспорта может привести к отрицательным экономическим последствиям: сократит поступления в бюджет.

В конце 1990-х годов правоцентристское правительство Е. Бузeka в знак солидарности с Украиной отказалось от предложения российской стороны построить вторую очередь газопровода «Ямал — Европа» как ответвление в сторону Словакии. Тогда Россия пришла к выводу о необходимости строительства газопровода в обход Польши, через Балтийское море из РФ в Германию.

В сентябре 2005 г. было подписано российско-немецкое соглашение о строительстве газопровода «Северный поток». Оно было воспринято в Польше как угроза энергетической безопасности страны. Польские власти резко выступили против строительства этого газопровода. Было даже принято специальное постановление правительства РП, признающее Северный поток противоречащим польским государственным интересам. В 2009 г. Польша заблокировала кредит Европейского банка реконструкции и развития на строительство Северного потока.

В последние годы Польша активно и последовательно выступала за переход Евросоюза к единой энергетической политике, составными частями которой станут энергетическая взаимопомощь стран-членов и снижение зависимости Европы от поставок российского газа. Следует признать, что эти идеи постепенно получили поддержку среди европейских полити-

ков. Одновременно Польша способствовала распространению в Евросоюзе мифа о непредсказуемости действий России как поставщика энергоносителей, ссылаясь в этой связи на газовые и нефтяные конфликты в отношениях РФ с Украиной и Беларусью. При активном участии польских евродепутатов в Европарламенте было подготовлено распоряжение о безопасности поставок газа в ЕС. Это распоряжение предусматривает необходимость строительства интерконекторов и соединений между системами распределения газа, что позволит перераспределять газ не только с Востока на Запад, но и по остальным направлениям. Если поставки газа в любую страну-член ЕС уменьшатся в день на 20% (Польша настаивала на 10%), то остальные страны должны проявить энергетическую солидарность.

Польская сторона серьезно побаивалась, что после строительства газопровода «Северный поток» россияне могут отказаться от использования газопровода «Ямал-Европа», проходящего по польской территории. Его пропускная способность составляет 32-33 млрд. куб. м. газа, в том числе 2,8 млрд. куб. м поставляется для польских нужд. Однако в 29 октября 2010 г. В. Путин заявил, что необходимо заключить с Польшей соглашение о транзите газа в 2020–2045 гг. в объеме 28 куб. м. газа (в газовом соглашении, подписанном 29 октября 2010 г., транзит действителен до конца 2019 г.). Такое соглашение должны подписать между собой «Газ-экспорт» и PGNiG. Это означает, что транзит газа по польскому участку газопровода «Ямал-Европа» возможен еще в течение 35 лет. По мнению государственного секретаря в министерстве экономики РПЙ Стшелец-Лободзиньской, соглашение о транзите газа до 2045 г. необходимо

Польше, так как препятствует закрытию ямальского газопровода, иначе страна вынуждена будет покупать газ с запада — из Германии, а он будет значительно дороже²⁵.

Значительно сложнее обстоит дело с транзитом нефти по нефтепроводу «Дружба» через территорию Польши. Эта роль Польши в экспорте нефти может измениться. Она может как уменьшиться, так и увеличиться. Завершается строительство нефтепровода БТС-2, который свяжет нефтеперекачивающую станцию «Дружбы» Унеча в Брянской области с балтийским портом Усть-Луга в Ленинградской области. Используя БТС-2, Россия сможет экспортировать нефть танкерами через Балтийское море, ограничив поставки нефти по нефтепроводу «Дружба» в Польшу, Германию и другие центральноевропейские страны через Белоруссию. А первой жертвой нового трубопровода может стать нефтяной порт в Гданьске, через который отправляются на экспорт танкеры с российской нефтью марки Urals, поступающей по нефтепроводу «Дружба». Польским НПЗ тогда придется покупать нефть с танкеров.

В результате в 2013—2014 гг. для России значение Польши как транзитера российской нефти может уменьшиться. Однако в связи с покупкой Россией нефтяной компании в Венесуэле, которой принадлежат четыре НПЗ в Германии, польская сторона предложила продлить нефтепровод «Дружба» от немецкого города Шведт, где он кончается, до северного побережья Германии. Это позволит обеспечить снабжение этих НПЗ дешевой российской нефтью. В конце 2010 г. мнение российской стороны по этому вопросу было еще не из-

²⁵ Biuletyn 4413/VI. Komisja gospodarki//orka.sejm.gov.pl (25.11.2010).

вестно. Необходимо добавить, что НПЗ «Шведт» продает в Польшу 1 млн. т жидкого топлива в год.

Возможная диверсификация поставок нефти увязывается польской стороной с продлением украинского нефтепровода Одесса — Броды до Плоцка, который соединен нефтепроводом с Гданьском. Идея создания нового транспортного маршрута Одесса — Броды — Плоцк — Гданьск для поставок каспийской нефти на НПЗ Восточной и Центральной Европы и далее в Западную Европу через порт возникла в середине 1990-х годов. Начало конкретным действиям, связанным со строительством газопровода «Броды-Плоцк», положила Совместная декларация Совета министров Республики Польша, Кабинета министров Украины и Европейской комиссии об оказании поддержки проекту, подписанная в мае 2003 г. в Брюсселе. Годом позже было создано совместное польско-украинское предприятие «Сарматия», которое при финансовой поддержке ЕС, выделившего на эти цели 2 млн евро, разработало и представило в 2006 г. технико-экономическое обоснование для проекта продления украинского нефтепровода до Плоцка. Однако привлечь инвесторов к реализации проекта на этом этапе не удалось.

В 2008 г. к «Сарматии» присоединились нефтяные и нефтегазовые компании Азербайджана, Грузии и Литвы. На средства, выделенные новыми участниками, было подготовлено и 24 апреля 2009 г. утверждено на общем собрании акционеров СП новое ТЭО проекта. Согласно последнему, стоимость реализации проекта составит 2-8 млрд долл. в зависимости от объемов транспортировки нефти.

Строительство нефтепровода «Броды — Плоцк» включено в список ключевых энергетических проектов Польши, которые софинансируются Евросоюзом в рамках программы «Инфраструктура и окружающая среда» до 2013 г. Однако поскольку новый нефтетранспортный маршрут Одесса — Гданьск не имеет на сегодняшний день гарантированной ресурсной базы, польская сторона заявляет, что не начнет строительства своего участка до тех пор, пока Украина не заключит контракты с Азербайджаном и Казахстаном на поставки нефти, обеспечивающие заполнение нового трубопровода. На наш взгляд, в контексте отсутствия свободной каспийской нефти возможность реализации проекта нефтепровода «Броды — Плоцк» в ближайшие годы выглядит маловероятной. В последние годы Роснефть использовала нефтепровод «Одесса — Броды» для прокачки нефти в обратном направлении, т.е. в сторону порта Одесса. С сентября 2010 г. эта компания отказалась от прокачки нефти по этому нефтепроводу. Дело в том, что с 2011 г. начнет действовать новый нефтепровод Восточная Сибирь — Тихий океан с ответвлением в сторону Китая, и нефть необходима для этого нефтепровода. В результате это препятствие на пути его использования из Одессы в сторону Польши теперь устранено. В конце 2010 г. в Польше вновь была поднята шумиха вокруг продления нефтепровода до Полоцка в связи с возможным прекращением транзита российской нефти по нефтепроводу «Дружба». Этот нефтепровод мог бы использоваться для транзита каспийской нефти далее на Запад. К тому же в Полоцке от нефтепровода «Одесса — Броды-Полоцк» можно было бы построить ответвление в сторону Литвы, где

в Мажейкяе польский нефтяной концерн «Орлен» является собственником НПЗ «Орлен-Летува». Однако проработка рентабельности такого проекта отсутствует.

Более 15 лет польские власти отказывались от сотрудничества в области электроэнергетики, прежде всего, от экспорта российской электроэнергии через территорию Польши на Запад. И лишь в 2010 г. этот вопрос вновь встал на повестку дня. В ходе визита И. Сечина в Польшу в конце октября 2010 г. вице-премьер РФ предложил польским властям принять участие в строительстве Балтийской АЭС в Калининградской области (как в составе акционеров, так и в другой форме) — по совместному сбыту, участию в подрядных работах. Первый блок этой электростанции должен вступить в строй в 2016 г., т.е. на пять-шесть лет раньше, чем первая польская АЭС. Российский проект дешевле европейских аналогов, тем более что большую часть расходов должна взять на себя Россия. В случае участия в строительстве АЭС Польша могла бы получить несколько дополнительных сотен мВт электроэнергии. Это могло бы уменьшить ее дефицит в трех воеводствах — поморском, варминско-мазурском и подляском, в которых нехватка электроэнергии составляет 1000 мВт.

Однако, скорее всего, польская сторона откажется от участия в строительстве АЭС из-за отсутствия средств и обещания участия в строительстве атомной электростанции в Литве (ЕС прикажет). Вместе с тем, после окончания строительства АЭС Польша может согласиться на закупку электроэнергии для собственных нужд и транзит ее через польскую территорию на Запад. Дело в том, что в результате модернизации

электроэнергетики стоимость тока может вырасти на 90% и понадобится более дешевая российская энергия. Поэтому начинается прорабатываться вопрос о создании экспортной инфраструктуры для передачи электроэнергии. На эту проработку уйдет один год, а на возможную реализацию — семь лет. Речь идет о создании энергетического моста Калининград-Ольштын. Стали сотрудничать между собой Польская энергетическая группа и Интер РАО и операторы энергетических систем. Маловероятно, что Росатом будет приглашен для участия в строительстве польских атомных электростанций (в 2020-х годах предполагается их построить две). Предпочтения будут отданы американским или французским инвесторам.

Рассматривается вопрос о возможности строительства Газпромом вместе с PGNiG нескольких газовых электростанций в Польше, в том числе крупной газовой электростанции мощностью 200-1000 МВт в Центральной Польше. Взамен PGNiG может получить возможность добывать газ в России. Поляки хотели бы участвовать в разведке газа и подготовке залежей к эксплуатации. Позже они могли бы выступить и в роли инвесторов. Как считает газовый эксперт М. Коссовский, такое решение было бы переломом в отношениях между PGNiG и Газпромом²⁶. Для проработки этого вопроса созданы рабочие группы, которые будут работать около года. Председатель PGNiG М. Шубский отмечает, что газовые электростанции строятся значительно быстрее, чем обычные станции²⁷. Как утверждают российские эксперты, если поляки станут добывать

²⁶ Gaz może łączyć, a dzielić // Dziennik Gazeta Prawna. 9.12.2010.

²⁷ Gaz może łączyć, a dzielić // Dziennik Gazeta Prawna. 9.12.2010.

газ в России, то они будут получать его по цене значительно ниже рыночной — примерно на 100 долл. дешевле, чем другие контрагенты Газпрома²⁸. Тем самым могут открыться перспективы сотрудничества между российским газовым концерном и PGNiG. Реализуются ли эти планы, покажет время.

В заключение необходимо отметить, что в 2010-х годах Россия будет присутствовать в Польше как активный поставщик газа, нефти, угля, а, возможно, к концу десятилетия, и электроэнергии. Возможно, российские компании будут собственниками польских нефтеперерабатывающих, химических предприятий, электростанций. Вместе с тем, к середине десятилетия XXI в. произойдет диверсификация поставок газа в Польшу. Польские потребители газа уже не будут полностью зависимы от Газпрома. Российский газ до начала промышленной разработки сланцевого газа в Польше (в середине 2020-х годов) будет оставаться основой газового потребления в стране. В итоге это, скорее всего, приведет к улучшению российско-польских отношений. Если польские НПЗ не перейдут в течение ближайших 20 лет в руки российских нефтяных концернов, то через 20-30 лет на эти нефтеперерабатывающие заводы вряд ли будет поставляться в необходимых количествах российская нефть, так как будет сокращаться ее добыча. Конфликты во взаимных отношениях на этой основе вполне возможны.

²⁸ Польша довела «Газпром» до лампочки//www.gazeta.ru (2010, 9 декабря).

ПЕРСПЕКТИВЫ

Николай Бухарин

**Перспективы российско-польских отношений
в 2010-х годах**

Во время визита Президента Российской Федерации Д.А. Медведева в Польшу 6-7 декабря 2010 г. в третий раз в истории современных российско-польских отношений обеими сторонами было заявлено об открытии нового этапа в этих отношениях, об их переходе в ближайшей перспективе на качественно новый уровень развития. И Россия, и Польша пытаются сформулировать новую стратегию взаимодействия, создать в ближайшем десятилетии новую модель взаимного сотрудничества.

Теперь политику России в отношении Польши и политику Польши в отношении России объединяет прагматизм. Республика Польша (РП) в своей восточной стратегии постепенно отходит, как пишет директор Польского института международных вопросов (PISM) М. Заборовский, «от восприятия России как угрозы, а в отношении постсоветского пространства руководствуется все больше прагматизмом (стремлением к достижению конкретных целей), а не идеологией»¹. Ему вторит молодой польский политолог С. Жерко: «Приоритетом польской восточной политики не может быть продвижение западной системы ценностей в Рос-

¹ Zaborowski M. polska polityka zagraniczna bez kompleksów//Rzeczpospolita. 4.01.2011.

сии, Белорусии или Украине вопреки позиции большинства общества этих стран»².

Это отнюдь не означает, что отныне отношения России и Польши будут развиваться быстро, как по маслу, без каких-либо препятствий и проблем. Президент Республики Польши (РП) Б. Коморовский уже подготовил польское общественное мнение к мысли, что процесс нормализации взаимных отношений, польско-российского примирения будет представлять собой «длинный марш». При этом он добавляет: «Марш в хорошем темпе, который бы четко обозначал, что мы движемся вперед — пусть и не парадным шагом»³. Вне всякого сомнения, это процесс, в котором Польша будет проявлять осторожность. 9 декабря 2010 г., выступая с лекцией в Фонде Маршалла в Вашингтоне, Коморовский заявил: «...Кнопку «перезагрузки» (во взаимных отношениях) мы нажмем в конце, а не в начале пути». «На каждом этапе все следует проверять — как говорится в старой русской поговорке «доверяй, но проверяй» — это примерно так же, как в супружеских отношениях», — отметил он⁴.

Часть серьезных польских аналитиков (Б. Сенкевич, В. Марчиняк, А. Новак и др.) вообще считают, что нынешнее улучшение польско-российских контактов будет явлением временным. По мнению этих аналитиков, Россия стремится к нормализации отношений с Польшей, чтобы улучшить отношения с ЕС в целом и тем самым получить от ЕС необходи-

² Pragmatyzm na Wschodzie // Rzeczpospolita. 7.01.2011.

³ Президент Польши Бронислав Коморовский: чувствую себя счастливым // Известия, 2010, 6 декабря.

⁴ Интерфакс. 2010, 9 декабря.

мые инвестиции и технологии для модернизации российской экономики. РФ хочет, чтобы Польша не препятствовала отношениям России с ЕС, Западом в широком смысле. Сама РП также не стремится к этому. М. Заборовский отмечает, что «отвергая предложение Москвы о сотрудничестве, Польша бы была в стороне от общей тенденции, обрекая себя на самоизоляцию и лишаясь реального влияния на отношения Восток-Запад»⁵. Как считают польские аналитики, нынешнее улучшение взаимных отношений необходимо использовать в польских интересах. В ближайшие годы часть польских русофобов превратится в россоскептиков, которые со свойственным им сарказмом будут следить за изменениями в польско-российских отношениях.

Скорее всего, внутренние факторы в России и Польше в ближайшее десятилетие не будут негативно влиять на российско-польские контакты. В этот период у власти в обеих странах будут находиться прагматические политические силы. Д. Туск и Б. Коморовский, несомненно, благоприятное для России сочетание политиков, заинтересованных в постепенной нормализации климата. Вместе с тем пока неясно, как далеко и глубоко они пойдут в сотрудничестве с Россией.

По мнению большинства польских аналитиков, в 2011 г. на осенних парламентских выборах у русофобской политической партии «Право и справедливость» будет мало шансов вернуться к власти. Несмотря на это, в Польше русофобские и россоскептические силы будут сохранять относительно

⁵ Zaborowski M. polska polityka zagraniczna bez kompleksów//Rzeczpospolita. 4.01.2011.

сильные позиции и активно влиять на польское общественное мнение. Именно эти силы будут пытаться провоцировать психологические конфликты между двумя странами, используя, в частности, смоленскую катастрофу президентского самолета ТУ-154. Россия не может этого не учитывать. Серьезным препятствием для развития отношений будет состояние сознания польского общества. В течение 20 лет польские русофобы обрабатывали его через электронные СМИ во враждебном России духе. Преодолеть эти тенденции в общественном сознании быстро не удастся.

Поэтому на состояние российско-польских связей в первую очередь будут влиять внешние факторы. Главный из них — получит ли развитие сближение России с ЕС, с Западом в широком смысле, путем каких-то механизмов соединения РФ с евроатлантическими структурами — прежде всего с НАТО и ЕС. Второй важный фактор — удастся ли России включить в Единое экономическое пространство и Евразийский союз Украину. Если это удастся, то возможности реализации польской восточной политики и восточной политики ЕС, основным инструментом которой в среднесрочной перспективе станет программа «Восточное партнерство», резко сузятся. Противоречия между Россией и ЕС на этой основе ослабнут. Если не удастся, то эта политика рано или поздно превратится в фактор ухудшения отношений России с ЕС и Польшей. РФ придется или подчиняться Западу, или пойти на ограничение с ним отношений. Стабильные российско-польские политические отношения возможны лишь в случае развитых экономических связей, что маловероятно в ближайшие десять лет.

По всей вероятности, в 2010-х годах в развитии российско-польских отношений будут две критические точки. Первая — через два-три года, когда станет очевидно, что прогресс весьма медленный и ожидания не особенно-то оправдываются. В это время будут преобладать в основном намерения и планы, на реализацию которых будут отсутствовать как средства, так и политическая воля. Тогда и будут предприняты шаги по ускорению реализации некоторых из этих планов. Вторая критическая точка возникнет через пять-шесть-семь лет. Или в реализации этих планов будет достигнут серьезный прогресс, или их реализация захлебнется. И первый, и второй результат станут, по всей вероятности, основанием для начала очередного нового этапа в российско-польских отношениях (к этому времени в России уже будет новый президент).

Успеха можно ожидать, прежде всего, в области политического и общественного диалога, в гуманитарно-культурной сфере. Диалог между президентами, премьерами и министрами вполне может стать стабильным, рутинным, а не ажиотажным явлением. На протяжении 1,5-2 лет власти и крупные компании обеих стран будут вести поиск общих знаменателей во взаимных отношениях. Многое будет зависеть от доверия и открытости обеих сторон. Важна доброжелательность в контактах, как это было продемонстрировано во время визита Медведева в Варшаву. Существует шанс сделать взаимные отношения более партнерскими. Естественно, у стран будут проявляться разные интересы. И это несовпадение необходимо обсуждать и тем самым находить сферы, где интересы все

же сближаются. Для Польши НАТО, США и ЕС — главные союзники, а Россия имеет лишь статус соседа.

Уже очевидно несовпадение интересов двух стран в сфере европейской и национальной безопасности. Польша выступает и будет продолжать выступать против предложений Медведева по созданию новой системы европейской безопасности, считая, что для этого достаточно НАТО. РП обеспокоена возможностью создания единой для НАТО и России системы ПРО, где Польша может попасть в сферу ответственности РФ. Раздражителем для России станет размещение на польской территории во второй половине 2011 г. военнотранспортных самолетов «Геркулес», с середины 2013 г. американских истребителей F16, а до 2018 г. — наземных противоракет SM-3.

Правда, Коморовский обещает, что отныне Польша будет способствовать развитию сотрудничества России с НАТО и ЕС⁶. Намекается даже, что Варшава готова отстаивать интересы РФ в этих организациях. Медведев не против такой роли РП: «Я рассчитываю на то, что активизация политических контактов в этой сфере с нашими партнёрами из Польши будет способствовать достижению лучших результатов»⁷. Выполнит ли это обещание польский президент, покажет время. Если Польша перестанет наносить ущерб российским интересам в НАТО и ЕС, как часто случалось в последние годы, это, несомненно, будет большим сдвигом в польской политике.

⁶ Коморовский: мы должны остаться на Востоке // ИТАР-ТАСС. 2010, 11 декабря.

⁷ Совместная пресс-конференция с Президентом Польши Брониславом Коморовским // www.kremlin.ru (2010, 6 декабря).

Центры диалога и согласия, обеспеченные стабильным финансированием (1 млн евро с каждой стороны в год), станут площадкой совместных обсуждений, структурами поддержки проведения научных исследований и публикации их результатов. Эти центры, по всей вероятности, будут поддерживать также молодежные обмены. Очень важно, что президенты решили установить патронат над ними. Тогда российско-польское молодежное сотрудничество может наконец сдвинуться с мертвой точки. Будет продолжать свою работу Форум гражданского диалога между российской и польской общественностью.

По всей вероятности, в течение предстоящего десятилетия удастся закрыть катынскую проблему или ее окончательное решение отойдет на задний план. Во время визита в Варшаву Медведев продемонстрировал свою решимость, заявив: «Я сделал соответствующий выбор, и мы с этого пути не свернём. Мы должны знать правду»⁸. Однако существует опасность, что тем больше российская сторона будет удовлетворять требования поляков, тем больше они этих требований будут выдвигать. Это может превратиться в нечто бесконечное. Скорее всего, поляки не удовлетворятся чисто политическим решением катынской проблемы и будут требовать закрытия ее формально-правовой стороны. Многое будет зависеть от прогресса в других сферах.

Российско-польские экономические отношения, в первую очередь, сотрудничество в сфере экономики, будут склады-

⁸ Совместная пресс-конференция с Президентом Польши Брониславом Коморовским // www.kremlin.ru (2010, 6 декабря).

ваться непросто. В 2010-х годах взаимная торговля останется если не единственной (как сейчас), то ведущей формой. В 2008 г., по данным польской статистики, взаимный товарооборот достиг почти 29,5 млрд долл., в том числе польский экспорт в Россию — 8,9 млрд долл.

По всей вероятности, российский экспорт в Польшу 2008 г. — 20,5 млрд долл. — даже в конце 2010-х гг. не достигнет этого уровня, несмотря на предстоящий рост физических объемов экспорта нефти и газа в Польшу. (Если, конечно, не произойдет чудо, т.е. неожиданный резкий рост мировых цен на энергоносители). Теоретически, в связи с модернизацией российской экономики и вступлением России в ВТО, польский экспорт товаров в РФ должен расти быстрыми темпами. Однако на практике он может в новом десятилетии увеличиться от силы до 11-12-13 млрд долл., т.е. на 2-4 млрд долл. по сравнению с 2008 г. Польский экспорт в Россию основывается на товарах, производимых в Польше международными корпорациями. Эти концерны также инвестируют в Россию, что является угрозой для польского экспорта. В результате, верхний лимит взаимного товарооборота может достигнуть (+ —) 33 млрд. долл. Польская экономика переориентирована на ЕС, подчинена экономике Евросоюза и интересам международных корпораций, и ее экспортные возможности ограничиваются.

Принятую во время визита Медведева в Варшаву Декларацию об экономическом сотрудничестве в целях модернизации, на основе которой была обещана подготовка программы действий, можно отнести к чисто политическим документам. В 2010-х гг. ни финансовых, ни технологических условий для

реализации этой декларации и программы действий не будет. К тому же, Польша — слабый партнер в процессе модернизации российской экономики. Поляки осознают существенную асимметрию между польской и российской экономиками. По оценке польских экономистов, польская экономика составляет около 30% российской экономики. По всей вероятности, в ближайшие 10-20 лет эта асимметрия — в случае успешной модернизации в России — существенно увеличится.

Польша как государство (большой дефицит бюджета и внутренний долг) и бизнес (крупный бизнес не развит) в отличие от России не может финансово потянуть крупные проекты. Поэтому настоящее инвестиционное сотрудничество маловероятно. Польша не является ключевым игроком также в сфере технологий. Правда, польские технологии в области охраны окружающей среды и горнодобывающей техники могут представлять интерес для России, поэтому остается малый и средний бизнес.

Форум регионов России и Польши, организаторами которого являются верхние палаты парламентов, и должен способствовать развитию сотрудничества малого и среднего бизнеса обеих стран. Однако эффективное сотрудничество в этой сфере возможно тогда, когда будет создана зона свободной торговли и единое экономическое пространство между РФ и ЕС. Это позволит малому бизнесу обеих стран существенно уменьшить издержки, связанные с таможенным оформлением грузов и визами. До этого времени имеет смысл, прежде всего, сотрудничество малых и средних предприятий Калининградской области и восточных воеводств Польши. В случае

отмены виз это сотрудничество может принять интенсивный характер.

В 2010-х годах локомотивом российско-польских экономических отношений могут быть только нефтепереработка, электроэнергетика и химическая промышленность. Это означает, что Польша должна пустить крупный российский нефтегазовый бизнес в эти сферы польской экономики. В тендерах по приватизации предприятий этих отраслей объективно должны побеждать российские концерны. Ибо именно эти концерны имеют сырье для работы этих предприятий и средства, что может уменьшить издержки и сделать их более конкурентоспособными на рынке ЕС. Доступ российских концернов на польский рынок был бы настоящим переворотом в экономической политике польского государства. Раньше их боялись и не пускали. И сейчас боятся, боятся экономического диктата. Но большой дефицит госбюджета и государственный долг, серьезные долги этих предприятий, их низкая рентабельность вынуждают польские власти вносить коррективы в экономическую политику. Польские власти намерены сформулировать условия вхождения российского бизнеса на польский рынок.

Одним из возможных условий будет котировка акций некоторых предприятий российских концернов на Варшавской бирже. Польская сторона будет стремиться к привлечению большего числа российских предприятий на эту биржу, чтобы повысить ее капитализацию. Российские и польские банки могут объединяться для финансирования проектов в России и Польше, а также в третьих странах. Польская сторона всячески подчеркивает, что предприятия двух стран должны со-

трудничать на принципах свободного рынка и гарантии полной безопасности предприятий и предпринимателей в их деятельности. Польша явно побаивается политизации бизнеса, что имеет место в России.

Раньше одним из основных направлений энергетической (а также и политической) безопасности страны было недопущение российского капитала в нефтепереработку. В 2010 г. был объявлен тендер на покупку 53,2 % акций нефтяной группы «Лотос», которая является собственником 4 НПЗ. Самым крупным предприятием этой группы является Гданьский НПЗ, который в начале века безуспешно пытался купить «ЛУКОЙЛ». Сейчас польские власти объявили, что к приватизации «Лотоса» будут допущены и российские нефтяные компании. Дело в том, что нефтяная группа обременена долгом в 1,7 млрд. долл., и это резко ограничивает число желающих ее купить. В декабре 2010 г. в СМИ появилась информация о том, что российские нефтяные компании «Газпром нефть» и Роснефть, которая поставляет нефть в Гданьский НПЗ, создадут консорциум для участия в тендере.

Заявки принимаются до 4 февраля 2011 г., но премьер-министр Туск уже заявил, что решение по тендеру будет принято не ранее 2012 г. Польские власти будут в течение года следить за реакцией общественного мнения страны в связи с возможной продажей «Лотоса» российским концернам. Естественно, русофобские силы будут делать все, чтобы воспрепятствовать переходу большинства акций польской нефтяной группы в руки российских инвесторов путем давления на общественное мнение. Возможно, в свою очередь польское правительство предпримет

усилия убедить польское общество в необходимости продажи «Лотоса». Но если большая часть общественности будет против, то власти, несомненно, дадут задний ход. Поэтому нет никакой уверенности, что 53,2% акций польской нефтяной группы будут в конце концов куплены российскими компаниями.

По всей вероятности, нашим инвесторам лишь отчасти удастся прорваться на польский электроэнергетический рынок. Несмотря на приглашение российской стороны участвовать в строительстве Балтийской атомной электростанции, польские власти явно не проявляют желания — даже финансово — участвовать в этой стройке. С одной стороны, у них отсутствуют необходимые средства на строительство АЭС, а с другой — польское правительство уже обещало участвовать в строительстве атомной электростанции в Литве. Вместе с этим, польские власти рассуждают примерно так: Калининградская область в состоянии использовать лишь 25-30% мощностей этой станции, поэтому область никуда не денется и будет вынуждена продавать электроэнергию Польше. Возникла идея создания энергомоста Калининград-Ольштын, который позволил бы осуществлять передачу энергии в польские восточные воеводства, где ощущается ее нехватка. Однако Россия может обойтись и без Польши. Просто рядом с газопроводом «Северный поток» будет проложен электрический кабель — хотя это весьма дорого — и электроэнергия АЭС будет экспортироваться в Германию. Тем самым проблема с избыточными мощностями будет решена.

Во время визита Медведева руководствами Газпрома и Польской государственной нефтегазовой компании (PGNiG)

обсуждалось предложение, в соответствии с которым Газпром построит в Польше несколько газовых электростанций, а PGNiG будет допущен к разработке газовых месторождений в России.

Маловероятно, что Росатом будет участвовать в строительстве польских атомных электростанции: память о Чернобыльской катастрофе все еще жива в польском обществе, и она настраивает его против российских атомных технологий. Поэтому строить АЭС в Польшу будут приглашены американские или французские компании.

Однако существует отрасль экономики, в которую российские компании могут быть допущены без серьезных ограничений. Это химическая промышленность. Заводы этой отрасли — это, прежде всего, предприятия тяжелой химии, производящие в основном химические удобрения. Эти предприятия не являются стратегическими. Речь идет о таких известных предприятиях, как Азотный завод Пулавы (в начале 2011 г. уже объявлено о продаже 50,73% акций), Химический завод Полице, компания «Ciech» и др. Как утверждают польские СМИ, по замыслу польских властей, российские компании должны консолидировать химическую отрасль.

Переход хотя бы одного польского предприятия в сфере нефтепереработки и химии в руки российских концернов означал бы прорыв не только в российско-польских экономических, но и в политических отношениях.

Польша будет делать все возможное, чтобы сохранить свою транзитную роль между Россией и Западной Европой. Поляки боятся, что ее резкое сокращение уменьшит значение

РП для России. В настоящее время через польскую территорию идет 30% российского экспорта нефти и 16,2% газа. В 2006—2007 гг. 10000 польских тиров и только 680 российских большегрузных автомобилей перевозили грузы через польскую территорию между Западной Европой и Россией, а также другими странами СНГ (речь идет о Казахстане и Центральной Азии). Естественно, что в связи с глобальным кризисом, интенсивность перевозок в 2009—2010 гг. уменьшилась, но по мере преодоления глобального кризиса эта интенсивность возрастет.

Существуют и другие возможности сотрудничества в области транспорта. Речь идет об автодорожной и железнодорожной инфраструктуре, прежде всего, о строительстве скоростной железной дороги Москва—Варшава—Берлин, а также об использовании польских и российских портов в перевозке грузов.

В начале века польская сторона отказалась от продления широкой железнодорожной колеи от Славкува до Вены, где будет создан грузовой терминал (в 1970-х годах для снабжения металлургического комбината «Катовице» советской рудой была построена широкая колея от советской границы до Славкува). В настоящее время поляки готовы вновь обсуждать такое продление, что позволит быстро и дешевле, чем по морю, перевозить грузы из Азии через Россию, Украину и Польшу в Западную Европу. Скорее всего, этот проект в 2010-х годах будет реализован.

К концу 2011 г. будет окончательно построен нефтепровод БТС-2 (Балтийская транспортная система) из Уренчи (около белорусской границы) в порт Усть-Луга. Это означает,

что через год-два Россия может в любой момент отказаться от перекачки нефти через нефтепровод «Дружба». В 2010 г. Роснефть купила венесуэльскую компанию, которая является собственником нескольких НПЗ в Германии, в том числе завод в Шведте, где кончается нефтепровод «Дружба». В связи с изменившейся ситуацией, поляки предложили продлить этот нефтепровод до северного побережья Германии, чтобы иметь возможность снабжать российской нефтью остальные немецкие НПЗ, которые принадлежат российскому нефтяному концерну. Поэтому нельзя исключать, что это предложение может быть реализовано.

Казалось, что после окончания строительства газопровода «Северный поток» необходимость использования польского участка газопровода «Ямал — Европа» на полную мощность отпадет. Однако в начале ноября 2010 г. премьер-министр РФ В.В. Путин неожиданно для поляков заявил, что российская сторона готова заключить как можно быстрее соглашение о транзите российского газа через польскую нитку газопровода на 2010—2045 гг. в объеме 28 млрд куб. м в год. Газовое российско-польское соглашение, подписанное в конце октября 2010 г., сохранило транзит газа до 2019 г. Это означает, что Россия, по всей вероятности, намерена не строить пока вторую очередь Северного потока.

В общем, к перспективам развития российско-польских отношений в предстоящем десятилетии с особой эйфорией относиться не стоит, но и недооценивать их также нельзя: продвижение по пути нормализации взаимных отношений и развития сотрудничества вполне возможно.

Наталья Бурлинова

Молодежное направление российско-польских отношений

28 января 2011 г. в Варшаве состоялся семинар молодых экспертов России и Польши на тему «Идентичность России и Польши в новой Европе: взгляд молодого поколения».

Эта встреча была организована по инициативе и силами молодежной общественной организации Общественная инициатива «Креативная дипломатия» (Россия) и Колледжом Цивитас (Польша) под эгидой Российско-польского форума общественности при финансовой поддержке Института им. Адама Мицкевича и Российского федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь).

Семинар проводился в рамках того импульса к развитию молодежных контактов между нашими странами, который был задан президентами России и Польши Дмитрием Медведевым и Брониславом Коморовским в рамках официального визита главы российского государства в Республику Польшу, состоявшегося 6 – 7 декабря 2010 г.

Даешь молодежь

Когда речь заходит о внешней политике, мы подразумеваем, прежде всего, политический диалог стран, военное сотрудничество, сотрудничество в экономической сфере, взаимодействие в области энергетики, развитие туризма, культурное взаимопроникновение. Молодежное направление, как правило, находится в самом конце списка вопросов двустороннего

характера. А между тем, именно сотрудничество в области молодежных контактов способно сыграть локомотивную роль в процессе не только общего обновления отношений (там, где это требуется), но и в выстраивании принципиально нового уровня доверия между будущими элитами государств.

Гуманитарное сотрудничество между государствами по линии молодежи является залогом будущих нормальных отношений между странами завтра. Нормальность в данном случае подразумевает стабильность этих отношений, которые могут быть, если и не отличными, то, во всяком случае, спокойными, нейтральными, взаимовыгодными. У нас, русских, есть пословица: худой мир лучше доброй ссоры. Ссоры, между кем бы они ни происходили (людьми, странами), отнимают слишком много энергии и ресурсов. Стабильные отношения экономят эту энергию, которая может и должна быть направлена на внутреннее развитие, например, в случае России — на модернизацию.

И в этом смысле ставка на молодежь — это ставка на будущее. Ведь нынешние молодые люди — это завтрашние политические, деловые и общественные деятели своих стран. Именно они через какое-то время будут определять политику, влиять на общественные настроения и умы, в том числе в отношении России.

Для России молодежный аспект внешней политики представляется особенно важным. К сожалению, в этой области за последние двадцать лет было многое упущено, а главное — время. В 1991 году был расчленен Советский Союз, Россия потеряла не только многие свои исконные территории, но и значительную часть **культурно-исторического простран-**

ства, где за минувшие десятилетия русское присутствие значительно сократилось, а где-то практически исчезло вовсе. К традиционной проблеме с имиджем России в мире добавилась тема сложного, порой откровенно **враждебного восприятия** нашей страны в странах Восточной Европы и в новых независимых государствах.

Такое положение дел сложилось не только по причине роста местечкового национализма, но и благодаря тому, что Россия свернула свое культурное и мировоззренческое присутствие в этих странах. На протяжении двух десятилетий у нашей страны отсутствовала и, к сожалению, продолжает отсутствовать **комплексная системная работа** по формированию позитивной репутации за рубежом.

Понимание того, что сохранить тесную связь с близкими нам странами и народами можно только через поддержание общего экономического и культурно-гуманитарного пространства, к нашему государству пришло слишком поздно. Но одного понимания не достаточно. Необходима реализация комплексной программы, состоящей из двух компонентов: взаимовыгодной экономической интеграции и проведения современной умной гуманитарной политики, (то, что Хиллари Клинтон назвала *smart soft power*), в том числе в среде молодого поколения.

И если с экономической интеграцией у нас нет-нет да где-то получается (Таможенный союз с Беларусью и Казахстаном), то с умной гуманитарной политикой пока не все в порядке. В этой области работа ведется вахтенным методом. Нет единой комплексной программы, нет структуры, кото-

рая бы осуществляла координацию гуманитарных проектов. Каждое ведомство работает по собственному разумению и с учетом своих сугубо ведомственных интересов. Крупные государственные структуры, как правило, реализуют масштабные проекты под круглые даты (Год России во Франции, Болгарии и т.д.), под визиты первых лиц государства (информационные кампании в СМИ), есть крупный имиджевый проект «Дискуссионный Валдайский форум», вот, пожалуй, и все.

Свято место пусто не бывает. Там, где некогда было гуманитарное доминирование России, сегодня все хуже говорят по-русски, изучают в основном английский язык, работают многочисленные западные фонды, программы и гранты, которые позволяют молодым восточным европейцам осваивать западноевропейские языки, учиться в странах Западной Европы, получать там работу.

На протяжении последних двадцати лет в России понимание этих, казалось бы, простых вещей, все время пробуксовывало: то не хватало денег, то политической воли, то понимания того, что подобные молодежному сотрудничеству вещи не приносят мгновенной денежной прибыли, но являются прекрасными инвестициями и политическими гарантиями стабильных отношений в будущем. И здесь главная наша беда — трудно меняющаяся государственная, деловая и общественная ментальность, которая не позволяет активно реагировать на внешние изменения и соответствовать духу времени. Ярким примером такой ментальности является российский бизнес, который искренне не понимает, зачем ему финансировать какие-то молодежные обмены, семинары, выставки и обреме-

нять себя благотворительной деятельностью, если он и так получает свою прибыль? Большинство отечественных бизнесменов руководствуются сиюминутной выгодой. Нет понимания того, что вложения в гуманитарные программы являются инвестициями в создание благоприятного общественного и делового климата в стране и гарантией ведения успешного бизнеса в будущем. Любая западная компания считает для себя крайне важным выступить спонсором тех или иных общественных проектов, причем на постоянной основе, иное рассматривается как признак дурного тона. У нас главным спонсором общественных программ по-прежнему выступает государство, бизнес предпочитает самоустраниться или отделаться разовыми спонсорскими взносами.

В области публичной общественной дипломатии, особенно на молодежном уровне, в России сегодня приходится действовать практически с нуля. К примеру, в то время, как немцы выделяют огромные средства на молодежное сотрудничество с Польшей в рамках общего курса на историческое примирение, Россия все эти двадцать лет занималась другими, в основном внутренними проблемами. Удивительно, но сегодня между молодыми немцами и поляками есть больше понимания, чем между поляками и русскими, которые друг друга просто не знают. Этому способствует объемная программа контактов, визитов, обменов не только на уровне университетов, но каждой школы.

Не только в Польше, но и в бывших республиках СССР — Украине, Белоруссии, государствах Закавказья, республиках Средней Азии, где в начале 90-х годов у нас были стопроцентные шансы сохранить свое цивилизационное присутствие,

Россия сегодня практически не присутствует в общественно-гуманитарном направлении. Парадоксально, но факт: сегодня молодой поляк и молодой русский, представители двух славянских народов, общаются исключительно на английском языке. В это трудно поверить, но вполне может сложиться так, что через какое-то время украинцы также предпочтут общаться с нами на английском языке. К сожалению, приходится констатировать, что выросло поколение людей, которые уже не хотят жить в едином культурно-политическом пространстве с Россией.

Молодежь России и Польши в действии

Приходится констатировать, что в современной Польше, в силу информационного вакуума объективной информации о России, в последние двадцать лет выросло поколения молодых поляков, которые, в лучшем случае, не знают о России ничего, в худшем — оперируют негативными историческими стереотипами в адрес восточного соседа. Выражаясь образно, можно сказать, что здесь наш поезд ушел, и нам не успеть на него. Теперь, прибегая к новым информационно-гуманитарным резервам, нужно поставить на рельсы новый локомотив и отправиться в путь, выстраивая российскую общественную дипломатию в этой стране заново.

Есть уверенность, что нынешние молодые поколения россиян и поляков должны стать не только свидетелями, но прямыми участниками нормализации и потепления отношений между нашими странами. И на то есть несколько причин.

Во-первых, сегодня и в России, и в Польше подросли и вступают во взрослую жизнь поколения людей, которые явля-

ются ровесниками новой России и новой Польши. Это люди, не отягощенные идеологическим багажом прошлых обид в той степени, в которой это проявляется у старших поколений. Безусловно, разность интерпретаций некоторых исторических событий никуда не исчезнет, однако свойственный молодым более широкий и открытый взгляд на многие вещи позволяет спокойнее и отстраненнее оценивать имевшие место исторические и политические события.

Во-вторых, нынешняя российская и польская молодежь имеет гораздо больше общего, нежели их дедушки и бабушки. Эта общность обусловлена грандиозными политическими сдвигами в Европе, которая с каждым днем все больше становится единой, а также колоссальным технологическим развитием нашего мира, превратившегося в «большую деревню» благодаря Интернету и свободному передвижению. Достаточно посетить один из варшавских ночных клубов, чтобы убедиться в том, что молодые поляки и русские очень схожи и по своим интересам, и даже по манере одеваться.

В-третьих, молодые россияне, так же как их польские сверстники, имеют минимальные шансы оказаться вновь подверженными идеологии, откуда бы она ни исходила. Исторический опыт старших поколений научил молодых стремиться избегать идеологических фантомов. Сегодня 17-летний российский или польский юноша думает, прежде всего, о том, как получить образование, хорошо оплачиваемую работу, как найти себя и иметь возможность для самореализации, как много путешествовать и везде успеть. Мировые идеи и политическая борьба до разрыва аорты уже не интересуют молодежь наших

стран. Возможно, кто-то скажет, что стало скучнее и менее романтично. Возразим: стало прагматично, спокойно и более предсказуемо.

Принято считать, что общая «перезагрузка» отношений между Россией и Польшей началась после смены политического курса в Польше в связи с трагическими событиями под Смоленском в апреле 2010 г. Между тем, нельзя не заметить, что первые признаки потепления отношений были заметны еще до Смоленска. И появились они на общественном уровне, в частности, по линии молодежных контактов.

В сентябре 2009 г. в «Новой газете» было опубликовано обращение польской молодежи в лице общепольского общественного движения молодых поляков «**Поколение-89**» к своим сверстникам в России (№ 102 от 16.09.2009) с призывом наладить диалог. В ответ на это обращение группой российской молодежи при поддержке созданного в 2009 году Российско-польского Форума общественности было принято решение о проведении в Москве первой встречи молодых поляков и россиян.

Встреча состоялась в июле 2010 г. на базе Государственного университета «Высшая школа экономики» при содействии Московской Патриархии и Росмолодежи и при поддержке Посольства Республики Польша в России. В рамках дискуссии со своими российскими сверстниками на тему «Россия и Польша сегодня и завтра: взгляд молодого поколения», молодые поляки имели возможность обсудить будущее традиционных христианских ценностей в динамично меняющейся в культурном и религиозном плане Европе. Семинар посетили

сопредседатель Российско-польского Форума общественности Леонид Драчевский и Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Польша в России Ежи Бар. Учитывая заявленную тему, большое внимание двусторонней встрече уделила Церковь. С обращением к российской и польской молодежи от имени Председателя Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии **Владыки Илариона** выступил **Игумен Филипп**, заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей.

К участию в семинаре были приглашены студенты ведущих гуманитарных вузов Польши — всего делегация в составе 15 человек. Стоит, однако, отметить, что уже на уровне подготовки мероприятия российская сторона столкнулась с недоверием и даже подозрением со стороны ряда общественных польских молодежных организаций, в частности, того самого «Поколения-89», представители которого были приглашены российской стороной в первую очередь (как инициаторы диалога), но так и не откликнулись на предложение приехать в Москву. Несмотря на это, желание принять участие в московской встрече выразили многие молодые поляки, как от лица конкретных организаций, так и в частном порядке.

Серьезным испытанием для участников встречи стала заранее подготовленная и проведенная организаторами ролевая игра на тему политической «перезагрузки» отношений России и Польши. Участникам было предложено составить программу из десяти пунктов, выполнение которых должно способствовать улучшению российско-польских отношений. При этом ребята в прямом смысле поменялись ролями — поляки

«превратились» в русских и предлагали рецепты для «перезагрузки» от имени россиян, и наоборот, русские выступали от лица поляков. Этот опыт дался нелегко, поскольку думать за другую сторону всегда сложно, а тем более сложно вдвойне в ситуации России и Польши. Вместе с тем, подобная смена ролей позволила молодым россиянам и полякам, хотя и с большим трудом, но все-таки взглянуть на общую ситуацию иными глазами — глазами своего соседа — и в какой-то степени понять аргументы другой стороны.

Не осталась без внимания тема, посвященная анализу роли национальных СМИ в формировании стереотипов друг о друге. Поводом к бурному обсуждению методов освещения российско-польских отношений в национальных СМИ стала демонстрация короткометражного фильма о России «Электричка», сделанного молодыми польскими режиссерами.

Московская дискуссия продемонстрировала, что это лишь первый шаг на пути выстраивания двустороннего молодежного диалога. Вторым шагом стал организованный российской молодежной общественной организацией Общественная инициатива «Креативная дипломатия» и польским Колледжом Цивитас российско-польский молодежный семинар, состоявшийся в польской столице в январе 2011 г.

В Варшаве имел место разговор на тему европейской идентичности через призму российско-польских отношений, который показал, что польская сторона даже на уровне молодых поляков не имеет единой позиции по вопросу о том, как следует выстраивать отношения с Россией. Прослеживаются две четких линии. Первая линия, назовем ее либеральной,

ориентируется на полноценное развитие отношений с Россией, при этом сложные исторические вопросы остаются, но выводятся за политическую плоскость. Вторая линия — право-консервативная — хотя и готова к диалогу, но все время выдвигает на первый план вопросы истории (Катынь, советская оккупация и т.д.). Причем если представители старшего поколения консервативной линии стараются оперировать конкретными аргументами, то правая молодежь высказывает свою позицию довольно грубо и неуклюже, даже не вникая в суть проблемы и не вдумываясь в смысл своих слов. Так, например, один из польских участников крайне нетактично сравнил фашистскую свастику с красными звездами на кремлевских башнях и предложил российскому правительству убрать их.

К счастью, после ответного выступления российского представителя и разъяснения, почему сравнение красной звезды и свастики не только не корректно, но и абсолютно недопустимо в присутствии членов российской делегации, у каждого из которых кто-то в семье воевал или погиб на фронте против фашистов, и что для России день 9 Мая — это второй день рождения страны и народа, польский участник принес свои публичные извинения. Стоит также заметить, что большинство присутствовавших молодых поляков не одобрили провокационные высказывания своего коллеги.

Не меньше масла в огонь дискуссии на уровне молодежи подливают участвующие в этой дискуссии взрослые эксперты, переносящие свое стереотипное мышление на молодых и все время возвращающие молодежь к вопросам истории, в то вре-

мя как молодым интереснее обсуждать вопросы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Ярким тому примером стало выступление пана Виктора Росса (Wiktor Ross), некогда служившего по дипломатической линии в России и приглашенного польскими организаторами высказаться в рамках дискуссии на тему европейской идеи в России. Пан Росс, выступавший, кстати говоря, по-русски (что свидетельствует о том, что целью его речи, скорее, были молодые россияне, нежели молодые поляки), повернул дискуссию в область истории и поведал собравшимся, что российской культуры как таковой не сложилось. Интересно, что в полемику с господином Россом вступили не только русские, но и некоторые поляки, которые были явно не согласны с провокационными заявлениями пана Росса.

Не менее провокационно, но уже в положительном смысле, прозвучал вопрос посла Михала Радлицкого (Michał Radlicki), который в самом начале семинара обратился к собравшимся с вопросом о том, а зачем, собственно, России и Польше вообще нужны нормальные отношения? К чему вся эта «перезагрузка». Вопрос посла озадачил молодежь, которая на протяжении всего семинара пыталась найти на него ответ. И каждый, хотя и по-своему, но отвечал, что эти нормальные отношения между нашими странами нужны и важны.

В целом же разговор состоялся в атмосфере взаимного интереса к выступлениям друг друга и попытках разобраться в том, какой же, собственно, интерес Россия и Польша представляют друг для друга, и зачем нашим странам нужна нормализация отношений.

В остатке

Состоявшиеся мероприятия в Москве и в Варшаве продемонстрировали несколько важных моментов:

Первое. Существует огромная нехватка информации друг о друге не только на политическом, а элементарно на бытовом уровне; вместе с тем, существует большой интерес друг к другу, основной на большой схожести наших народов и молодежи, в частности. Например, я с большим удивлением узнала от одного польского знакомого, что аналогичные процессы появления групп радикального националистического толка идут и в польской молодежной среде — в Польше есть свои скинхеды, ненавидящие темнокожих, евреев и русских. А поход в местные клубы в рамках вечерней культурной программы, которые, кстати говоря, имеют названия, аналогичные московским («Рай», «Опера»), убедил молодых россиян в том, что, по крайней мере, варшавская молодежь мало отличается от московской.

Второе. Молодые поляки разные, и, к счастью для нас, большинство из них настроено вполне дружелюбно к россиянам. Общение лучше, чем не общение. Разговаривать можно и нужно даже с самыми жесткими критиками России, особенно с молодыми критиками, позиция которых не всегда тверда и при правильной аргументации российской стороны подвержена изменениям.

Третье. Для того чтобы изжить хотя бы наиболее одиозные представления друг о друге, чтобы в будущем иметь нормальный диалог между элитами и обществами наших стран, общаться надо чаще и больше, причем важнейший уровень —

это школа, студенты, аспиранты. На государственном уровне должна быть продумана комплексная программа школьных и студенческих обменов.

Успешность этой программы во многом будет зависеть от степени развития различных форматов взаимодействия российской и польской молодежи. Обнадёживает, что в декабре 2011 г. в присутствии двух президентов Д. Медведева и Б. Коморовского было подписано специальное соглашение между Министерством спорта, туризма и молодежной политики России и соответствующим польским ведомством, на которые была возложена обязанность разработать совместную программу молодежных обменов. Большое внимание российско-польской молодежной тематике уделяет Российско-польский Форум общественности, в рамках которого создана молодежная секция.

Нет сомнений, что двустороннее сближение на самом высоком уровне между нашими странами должно подкрепляться идентичными тенденциями на уровне гражданских обществ и не может зависеть от переменной как погода политической конъюнктуры.

Только эффективно функционирующий механизм обмена мнениями между российской и польской молодежью позволит услышать голоса перспективных и молодых политиков, дипломатов, экспертов двух стран. Пространство новых и креативных идей, которые есть у обеих сторон, будет способствовать поддержанию состоявшейся «перезагрузки» российско-польских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лариса Лыкошина, модератор круглого стола:

Дорогие друзья, коллеги!

Я думаю, что заседание нашего круглого стола подошло к концу, уже и за окнами темно. Катынскую проблему мы, к сожалению, тут не разрешим, и, наверное, как это ни прискорбно, нам надо закрывать свою дискуссию. Она была очень плодотворной и информативной, интересной. Времени, как всегда, мало: когда собираются полонисты, времени им всегда не хватает, потому что нет такой проблемы в польской действительности и польской истории, которая не вызывала бы споров, разных точек зрения. Мы сегодня провели заседание вполне мирно и конструктивно. И я думаю, что каждый из нас получил какой-то положительный заряд для своей дальнейшей работы, для своих размышлений об отношениях России и Польши, и этот круглый стол был полезным.

К сожалению, так вышло, что обсуждение резолюции по Катыни в Государственной Думе совпало с нашим круглым столом, и поэтому мы не имеем чести видеть среди нас тех представителей Польши, которые собирались выступить. К несчастью — потому что, если бы они были здесь, эта дискуссия была бы, наверное, более полной, более всеобъемлющей, но так уж вышло.

Катынь, действительно, наверное, самая трагическая проблема в наших отношениях. Этот катынский туман, он никак не рассеивается, будем надеяться, что когда-то это произойдет.

И, все-таки, подводя итог нашего круглого стола — потому, что не столько Катынь была предметом обсуждения, сколько вся совокупность российско-польских отношений — я хочу сказать, что такой круглый стол — это еще один шаг в сторону достижения взаимопонимания, причем основанного не на эмоциях, а на здравом рассуждении, на фактах, на компетенции тех людей, которые занимаются Польшей и посвятили этому или всю свою жизнь, или значительную ее часть. Поэтому я думаю, что это будет полезно не только для нас, но и для тех, кто прочтет подготовленный нами материал. Все пришлют тексты своих выступлений, они будут более обширными, чем то, что мы услышали, мы проведем соответствующую работу, подготовим сборник, который, я надеюсь, научная общественность прочтет, и, может быть, это будет способствовать тому, что российское общественное сознание станет более консолидированным.

ДОКУМЕНТЫ

1. Выступления Председателя Правительства РФ В.В. Путина и Премьер-министра Польши Д. Туска на встрече с сопредседателями Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений *7 апреля, 2010:*

В.В. Путин: Уважаемые коллеги, добрый день! Уважаемый Анатолий Васильевич (**А.В. Торкунов**), уважаемый господин Адам Ротфельд. Мне очень приятно встретиться здесь с группой специалистов, которые работают над весьма сложными вопросами нашей общей истории. Эта группа была создана еще в 2002 году, но надо сказать откровенно — работала совсем пассивно, если вообще можно сказать, что она работала.

Благодаря вашим усилиям в последнее время эта работа значительно активизировалась. Особенно важно, что вам удастся абсолютно непредвзято, объективно и без всякого политического налета рассматривать самые сложные вопросы, не обходя никаких острых углов.

Это касается и предвоенных лет, и политики европейских государств в предвоенные годы, перед Второй мировой войной. Это касается военного советско-польского конфликта в 1920-е годы и судьбы военнопленных Красной Армии в Польше. Это касается и трагедии Катыни, расстрела польских офицеров.

На мой взгляд, то, что мы сегодня собрались здесь вместе с господином Премьер-министром в день 70-летия этой ката-

строфы, трагедии, преступления — это, в целом, очень хороший знак. Это знак того, что мы готовы и дальше абсолютно откровенно, открыто анализировать все, что было в прошлом, и смотреть в будущее.

Должен сказать, что на меня сегодня произвело большое впечатление то, что я здесь видел. Я здесь в первый раз. И мне кажется, что ваша работа очень важна, потому что вы нацелены на то, чтобы отбросить все, что мешает увидеть правду.

Правда — она очищает. И она дает нам надежду на то, что мы сможем выстроить хорошие, добрососедские отношения. Нам нужны именно такие отношения. И Польше, и России нужно это новое качество наших отношений.

Я уверен, что подавляющее большинство граждан Польши и россияне ждут от нас именно таких решений и именно такого взаимодействия. Еще раз хочу вас поблагодарить за это.

Д. Туск (как переведено): Господин Премьер-министр, большое спасибо за это сотрудничество, а также за работу нашей группы. Потому что, мне кажется, без нашей политической детерминации, а также без работы этой группы результаты этой работы были бы не такими весомыми.

Когда у меня была возможность в первый раз встретиться с сопредседателями этой группы господами Торкуновым и Ротфельдом в Варшаве, мы уже тогда знали и сказали друг другу, что название этой группы — «Группа по сложным вопросам» — не является случайным.

Без готовности к правде и без смелости не могло бы быть сегодняшней встречи. Через минуту после того, как Председатель Правительства России склонил голову перед могилой

польских офицеров, все уже начали думать, что это нормально. А еще год назад никто не мог бы сказать, что такая встреча, как сегодня, вообще будет возможна. Мало было тех, кто верил, что подобная работа вообще имеет смысл. Мы верили, и Вы тоже верили — и это дало результаты.

Все начинают понимать, что правда не бывает направлена против кого-либо. Сложная правда того времени не направлена ни против россиян, ни против поляков, ни против украинцев или евреев. Потому что правда — это как внезапный свет, показывающий нам дорогу. По этой дороге должны пройти и политики, и целые народы. Даже если не всем нравится, что мы делаем и что мы говорим.

Благодаря работе с вами мы с этой дороги уже никогда не сойдем.

2. Выступления Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина и Премьер-министра Польши Д. Туска во время памятной церемонии в мемориальном комплексе «Катынь»

7 апреля, 2010

В.В. Путин: Уважаемый господин Премьер-министр, дорогие дамы и господа, соотечественники.

Нас собрала сегодня здесь общая память и скорбь, общий исторический долг и вера в будущее.

Мы склоняем головы перед теми, кто мужественно принял здесь смерть, чьи устремления, надежды, таланты были безжалостно растоптаны. Перед теми, кого не дождались, но навсегда сохранили в своих сердцах матери, дети, любимые.

В этой земле лежат советские граждане, сгоревшие в огне сталинских репрессий тридцатых годов; польские офицеры, расстрелянные по тайному приказу; бойцы Красной Армии, казнённые нацистами во время Великой Отечественной войны.

Катынь неразрывно связала их судьбы. Здесь, рядом друг с другом, как в братской могиле, они обрели вечный покой. Они обрели покой, но не забвение, потому что не может быть стёрта из памяти мученическая смерть невинных жертв, не может быть спрятана правда о преступлениях.

России и Польше, как никаким другим странам, русским и полякам, как никаким другим народам Европы, выпало пережить практически все трагедии XX века, заплатить непомерно высокую цену за две мировые войны, за братоубий-

ственные вооруженные конфликты, за жестокость и бесчеловечность тоталитаризма.

Нашему народу, который прошел через ужасы гражданской войны, насильственную коллективизацию, через массовые репрессии 1930-х годов очень хорошо понятно, может быть, лучше, чем кому бы то ни было, что значат для многих польских семей Катынь, Медное, Пятихатка. Потому что в этом скорбном ряду и места массовых расстрелов советских граждан. Это и Бутовский полигон под Москвой, Секирная гора на Соловках, расстрельные рвы Магадана и Воркуты, безымянные могилы Норильска и Беломорканала.

Репрессии крушили людей, не разбирая национальностей, убеждений, религий. Их жертвами становились целые сословия у нас в стране: казачество и священники, простые крестьяне, профессора и офицеры — офицеры, в том числе царской армии, которые пришли на службу советской власти в свое время и их не пощадили, — учителя и рабочие. Логика была одна — посеять страх, пробудить в человеке самые низменные инстинкты, направить людей друг на друга, заставить слепо и бездумно повиноваться.

Этим преступлениям не может быть никаких оправданий. В нашей стране дана ясная политическая, правовая, нравственная оценка злодеяниям тоталитарного режима. И такая оценка не подлежит никаким ревизиям.

Перед этими могилами, перед людьми, которые приходят сюда почтить память своих близких, было бы лицемерно сказать: «Давайте всё забудем». Было бы лицемерно сказать, что всё кануло в Лету.

Нет, мы обязаны хранить память о прошлом, и, конечно, будем это делать, какой бы горькой ни была эта правда. Нам не дано изменить прошлого, но в наших силах — сохранить или восстанавливать правду, а значит, и историческую справедливость.

Этот тяжкий труд, кропотливый труд взяли на себя историки России и Польши, представители общественности, духовенства. Обращаясь к минувшему, они работают ради истины, а значит, ради будущего отношений двух наших стран.

Именно такой совместный путь к осмыслению национальной памяти и исторических ран способен помочь нам избежать тупика непонимания и вечного сведения счетов, примитивных трактовок с делением народов на правых и виноватых, как это стремятся иногда делать безответственные политики.

Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах. Но было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ.

История, написанная злобой и ненавистью, настолько же фальшива и лакирована, как и история, прилизанная во имя интересов конкретных людей или конкретных политических групп. Я уверен, что в России и в Польше это всё больше и больше осознают.

И как бы ни было трудно, мы должны идти навстречу друг к другу, помня обо всем, но понимая, что жить только этим прошлым невозможно.

И потому сегодня мы здесь вместе. Здесь, в Катynie, на этой памятной церемонии, посвященной 70-летию польской

трагедии. Мы были вместе и в Гданьске, в годовщину начала Второй мировой войны. На её фронтах наши народы сражались против общего врага.

Уверен, также вместе будем праздновать юбилей Великой Победы, главную роль, решающую роль в которой сыграли солдаты Красной Армии, и за которую отдали свои жизни сотни, тысячи воинов Войска Польского, Армии Крайовой и Армии Андерса, защитники Москвы и Варшавы, Вестерплатте и Смоленска.

И наши потери, и опыт союзничества должны нас сближать. Мы не имеем морального права оставить будущим поколениям груз недоверия друг к другу. В современном мире в Европе XXI века просто нет другой альтернативы подлинному добрососедству между народами Польши и России. Этот выбор по-настоящему достоин двух наших народов, которым суждено быть рядом, достоин нашей общей трагической, но великой судьбы.

Светлая память и вечный покой всем, кого приняла земля Катыни. Мира, добра и процветания ныне живущим. Спасибо большое.

Д. Туск (как переведено): Уважаемый господин Премьер-министр, уважаемые участники этой трогательной церемонии.

Почему мы собрались здесь сегодня, спустя 70 лет после того злодеяния? Почему ежегодно мы приезжаем сюда, в это место? Прежде всего, потому, что мы помним о преступлении и о жертвах. Мы помним о преступлениях, которые были совершены против людей или же которые могли совершаться против

целого народа. Мы помним о тех, кто отдал свою жизнь здесь и во всей Советской России. Мы приезжаем сюда ежегодно, потому что мы хотим помнить о той сентябрьской трагедии и ее жертвах.

Здесь погибли тысячи людей, однако это никогда не будет статистический сбор данных. Палачи желали бы, чтобы погибшие здесь и во многих других местах остались вне нашей памяти, остались без имен и фамилий, чтобы никто не узнал об обстоятельствах их смерти.

Мы считаем, что каждого здесь расстреляли отдельно. Здесь погиб человек. Один за другим погибали люди. Так, как Янина Левандовская. Я говорил о ней господину Премьер-министру Путину, когда мы шли вдоль памятных таблиц. Это женщина, которая хотела жить нормальной жизнью. Талантливая женщина — она закончила пилотную школу, с отличием музыкальную академию, лыжница, она отлично ездила верхом. Она была первым европейцем, который прыгнул с парашютом с высоты 5 тыс. метров. Дочь генерала Донбур-Мушницкого, нашего национального героя.

Когда началась война, естественно, она пошла в армию. И как раз тогда должен был пройти чемпионат по планерному спорту в Варшаве. Но война уничтожила не только эту простую, обыкновенную мечту. 22 апреля она должна была отметить свой день рождения, но здесь ей выстрелили в затылок — именно здесь, в Катыни.

Я говорю об этом конкретном человеке, так как для нас, поляков, так же как и для хороших солдат, всегда очень важным является на поле брани не оставить павших, чтобы всегда

помнить о павших. И мы будем всегда помнить о погибших в этом месте. И поэтому очень важными являются для нас каждая фамилия, любая информация, любое свидетельство.

Мы также здесь собрались и потому, что Катынь перевоплотился в миф. Катынь должен был быть мифом коммунистического государства, то есть мифом лжи. Однако те, кто на основании этой лжи хотели построить послевоенную Польшу, проиграли в сражении с правдой. Так как родился миф, повторяемый от человека к человеку, из поколения в поколение. И всегда, даже когда мы шепотом говорили, представляли правду о Катыни, мы всегда знали о том, что мы непобедимы. Мы знали о том, что правда о Катыни перевоплотилась в миф, который позволил нам основать независимую Польшу.

Таким образом, мы все, поляки, в каком-то смысле составляем одну большую катынскую семью. Не только те, кто потерял здесь своих близких, а среди нас присутствуют и такие, но мы, как поляки, также желаем помнить (не только здесь, в Катыни) и о других народах. Всегда, когда сюда прибывали с визитом руководители польского государства, мы помнили о россиянах, которые лежат в этой земле, о представителях других народов. Когда первый Премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, который присутствует здесь с нами, впервые посетил польские могилы, он также посетил и российские могилы.

Мы хотим, чтобы этот миф не разделял никого, ведь правда не может разделять. Эта правда должна звучать. Эта правда была оружием для многих поколений в Польше. Благодаря этой правде мы выжили.

Великий россиянин Солженицын, когда получал Нобелевскую премию, сказал слова, которые мы можем адресовать себе. Нельзя забывать о том, что насилие не одиноко, так как насилие само по себе не может остаться в живых. Насилие всегда связано с ложью. Между ними всегда существует связь, связь крови, глубокая связь, естественная связь. Насилие не в состоянии защитить себя без лжи, а ложь не в состоянии выжить без насилия.

Любой, кто когда-либо применил насилие как метод, сразу же обречен на то, чтобы применить ложь как свой принцип. Поэтому мы всегда глубоко верили в то, что правда, особенно здесь, в Катюни, является наилучшим оружием против насилия.

Здесь, в Катюни, надо сказать, что нас ожидает путь к примирению, мы ничего не закрываем. Мы должны найти в себе силу и отвагу, чтобы, в конце концов, все открыть. Мы хотим помнить именно для того, чтобы этот путь к примирению был наиболее простым и кратким.

Солженицын тогда напомнил русскую поговорку. Если можно я хотел бы ее повторить: «Одно слово правды весь мир перетянет».

И сегодня я хочу верить в то, что одно слово правды может потянуть за собой, повести два великих народа, которые столь много пострадали в течение своей истории. Сегодня эти два народа ищут простого и краткого пути к примирению.

Господин Премьер-министр, ведь они здесь, ведь они лежат в этой земле. В их черепах мы видим ожидание того, способны ли мы к тому, чтобы преодолеть насилие и ложь и заменить это все примирением.

Мы должны верить в то, что мы выбрали хорошее направление, что мы нашли эту простую дорогу, этот краткий путь. Так как на этом пути к примирению мы поставили два путеводителя — это память и правда.

Если так есть, если так будет в будущем, то я считаю, что солдаты из Катыни, это будет ваша самая большая победа.

**3. Выступления Президента РФ Д. Медведева
и Президента Польши Б. Коморовского во время
совместной пресс-конференции по итогам официального
визита Д. Медведева в Польшу**

6 декабря 2010 года Варшава

Б. КОМОРОВСКИЙ *(как переведено):* Уважаемые дамы и господа!

Период нехорошего застоя в польско-российских отношениях заканчивается. Хотел бы ещё раз сердечно приветствовать Президента Российской Федерации после долгого перерыва в отношениях наших государств на высшем уровне. Хочу напомнить, что с господином Президентом Медведевым мы имели возможность встретиться и обсудить существенные вопросы в Кракове во время похорон Президента Леха Качиньского. Хотел бы также публично поблагодарить за выполнение того, о чем мы тогда говорили, имею в виду также очень важную декларацию — заявление Государственной Думы по делу Катыни. Хотел бы сердечно поблагодарить также за выполнение других, достигнутых тогда договоренностей. Это очень хороший прогноз на будущее в польско-российских отношениях и также в отношениях на уровне президентов. Уверен, что начинается не только новая, но и хорошая глава в польско-российских отношениях — в той книге, которую мы пишем уже тысячу лет. Это будет долгая дорога, но по этой дороге мы будем идти все быстрее к все более ясным и точным целям. Уверен, что мы вместе, Польша и Россия, определим эти цели.

Сегодняшняя встреча не завершает наших переговоров, но можно уже подвести итоги как встречи с глазу на глаз, так и пленарной встречи. Хочу проинформировать, что во время встречи обсуждались вопросы, связанные с экономическим сотрудничеством, его перспективами — это обсуждали наши министры. Обсуждался также вопрос инфраструктуры коммуникаций, так как эта сфера, как подсказывает нам география, должна стать одной из важнейших в польско-российских связях.

Обсуждались также культурные и другие вопросы, которые могли бы объединять Польшу и Россию. Мы договорились с господином Президентом о совместном патронате над двумя важными проектами. Имею в виду молодёжные обмены, чтобы они как можно быстрее обрели достаточно высокий уровень. Мы договорились, что нашей общей заботой будет то, чтобы эти молодёжные обмены начались уже весной будущего года. Имеются хорошие образцы этого в отношениях Польши с другими странами. Мы хотим идти уже проторенным путем и надеемся на строительство не просто сотрудничества, но и симпатии между молодыми поляками и россиянами.

Мы договорились также об установлении президентского патроната над программой увековечения памяти жертв авиакатастрофы под Смоленском, чтобы продолжать и углублять те особые отношения, которые возникли в тот драматический момент, каким была смоленская катастрофа. Напомню, что в какой-то мере этот патронат был подготовлен участием супруг Президента России и Президента Польши в паломничестве родных жертв катастрофы на место трагедии.

Мы договорились, что будем продолжать диалог в польско-российских непосредственных контактах, который хотели бы видеть частью важного и происходящего все более живо и результативно диалога Россия — Евросоюз и Россия — НАТО. Польша является членом и Евросоюза, и НАТО. Мы хотели бы иметь наилучшие взаимоотношения с Россией и таким образом влиять на направление политики Евросоюза и НАТО в отношении наших важных соседей на востоке. Уверен, что вместе мы достигнем далеко идущего процесса создания нормальных соседских отношений между Польшей и Россией, что нам удастся преодолеть драматическую трудную историю и перейти к лучшим страницам, связанным с будущим польско-российских отношений.

Хотел бы также сказать, что с большой надеждой принимаю заявления господина Президента Медведева о том, что мы будем продолжать то, что удалось достичь в сфере преодоления трудной истории, символом которой является катынское преступление. Мы надеемся на понимание необходимости полного раскрытия и документирования того, что связано с катынским преступлением, а также взаимного понимания в этой чувствительной сфере в том, что касается позиции стран в этом вопросе. Многого удалось сегодня достичь. Уверен, что наш ждет дальнейшая дорога строительства взаимоотношений наших двух государств.

Пожалуйста, господин Президент, прошу Вас.

Д. МЕДВЕДЕВ: Уважаемый господин Президент! Уважаемые дамы и господа, представители средств массовой информации!

Прежде всего я хотел бы поблагодарить моего коллегу Президента Бронислава Коморовского за радушный приём на польской земле.

Первый наш контакт был в очень трудное для Польши время. Я помню, как позвонил тогда ещё маршалу Сейма господину Коморовскому. С тех пор мы действительно общались уже несколько раз, и, как мне представляется, это пошло на пользу нашим отношениям. Сегодня у нас состоялись уже полноценные российско-польские переговоры в узком и широком составах впервые за довольно значительное время. Хотел бы прямо заявить, что эти переговоры прошли в доверительной атмосфере, и это, может быть, самое главное, потому что, начиная с доверия, которое возникает между двумя президентами, между лидерами государств, и заканчивая доверием между гражданскими обществами, — всё это является неотъемлемой частью развития полноценных отношений между двумя народами.

Мы постарались максимально использовать эту возможность для того, чтобы обсудить самые разные вопросы. Но, что называется, формальные результаты были только что представлены на этом столе. Это не означает, что этим исчерпываются все перспективные проекты, но как минимум мы дали интенсивный старт различным проектам как в области экономики, так и в области гуманитарного сотрудничества; договорились действительно об интенсификации молодёжных обменов и решили, что возьмём этот проект под наш личный патронат, под наше личное курирование.

Я надеюсь, что это только начало полноценных, взаимовыгодных, современных экономических отношений между

нашими странами, тем более что сейчас довольно благоприятный период. За последнее время торгово-экономическое сотрудничество между нашими странами выросло практически на треть. Этим грех не воспользоваться.

Мы выступаем за прагматичное и взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах. Мы хотели бы, чтобы в результате этих переговоров были интенсифицированы межрегиональные связи, в полной мере использовался потенциал форм регионов. Огромными возможностями в этой сфере обладает Калининградская область и ближайшие польские воеводства. Сейчас мы работаем над тем, чтобы решить целый ряд проблем, который существует в этой сфере, включая визовые проблемы. Я надеюсь, что это даст свой результат, а результат этот будет иметь значение не только и не столько для политиков России и Польши, сколько для отдельных граждан, которые живут по обе стороны границы.

Мы не обошли вниманием культурную сферу, о чём я уже сказал, и, конечно, мы сконцентрировались на сложностях в наших отношениях. Я считаю, что это нормально, и наша задача как президентов именно этим вопросам сегодня уделить максимальное внимание.

Только что господин Президент сказал о том, что мы, конечно, обсуждали и тему трагедии в Катыни. Вы знаете, что за последнее время Россия пошла на целый ряд беспрецедентных шагов, которые были направлены на расчистку наследия прошлого, включая и передачу соответствующих архивных материалов катынского дела, и упомянутое господином Президентом заявление со стороны нашего парламента, Государственной Думы. Такая линия будет продолжена. Мы избрали её абсолютно осоз-

нано. Я сделал соответствующий выбор, и мы с этого пути не свернём. Мы должны знать правду. Это нужно и полякам, и не в меньшей степени гражданам нашей страны, россиянам, потому что наша история пронизана трагическими событиями, от которых пострадали люди, пострадало огромное количество людей, не только поляков — огромное количество граждан нашей страны сгинуло в период репрессий. Именно в этом вопросе мы должны разобраться досконально и максимально серьёзно.

Мы продолжим общение на эту тему, и я уверен, что в конечном счёте это будет способствовать окончательному закрытию самых разных сложностей, которые существуют между нашими отношениями, при том, что, конечно, эти сложности не исчерпываются только катынской темой. Нам нужно вообще заниматься восстановлением исторической памяти, включая и трагические события более раннего периода, я имею в виду период Гражданской войны в нашей стране, когда десятки тысяч красноармейцев, оказавшиеся в Польше, исчезли или погибли. По этим вопросам нам тоже нужно вести диалог, причём в абсолютно открытом и дружественном ключе, так как мы сегодня это делаем по катынским событиям.

Мы, естественно, говорили о трагическом происшествии этого года — о страшной авиакатастрофе под Смоленском. Господин Президент поблагодарил меня за открытость, которая была взята на вооружение российскими властями с самого момента этой катастрофы, за последующую совместную работу. Я уверен, что эта работа будет продолжена, доведена до конца, а результаты этой работы будут известны всем заинтересованным лицам, прежде всего полякам и гражданам нашей страны.

Мы договорились, о чём также сказал господин Президент, взять под патронат работу по годовщине катастрофы, которая произошла в апреле этого года, включая вопрос возведения монумента на месте авиакатастрофы под Смоленском. Я думаю, что это правильное решение. И я его полностью поддержал.

Мы с господином Президентом действительно рассматривали вопросы европейской безопасности, потому что наши государства находятся на территории Европы. И, несмотря на то что Россия не принадлежит ни к Евросоюзу, ни к НАТО, мы выстраиваем сейчас полноценные отношения с обоими этими объединениями, и я надеюсь, что более активное вовлечение в этот диалог наших польских товарищей будет способствовать решению самых разных вопросов, существующих как на линии между Российской Федерацией и Североатлантическим альянсом, так и по соответствующему направлению нашего сотрудничества с Евросоюзом. Я рассчитываю на то, что активизация политических контактов в этой сфере с нашими партнёрами из Польши будет способствовать достижению лучших результатов.

Я ещё раз хотел бы поблагодарить господина Президента за проявленное гостеприимство и дружелюбие. Я уверен, что этот визит, действительно долгожданный визит, придаст абсолютно новую динамику нашим отношениям. Я уже сказал (сегодня смотрел материалы, которые были подготовлены к моему визиту), абсолютно подавляющее большинство поляков ожидает улучшения отношений между нашими странами в результате визита Президента Российской Федерации в Польшу, и мы не вправе обмануть их доверие. Спасибо.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бухарин Николай Иванович, к.и.н., в.н.с. Центра восточноевропейских исследований Института экономики РАН. Специалист по политической трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, современной Польше и современным российско-польским отношениям. Автор нескольких монографий и более 300 статей.

Бурлинова Наталья Валерьевна, кандидат политических наук, эксперт Фонда исторической перспективы, президент Общественной инициативы «Креативная дипломатия», автор и ведущая аналитических программ по внутренней и внешней политике («Внутренний фактор», «Внешний фактор» на радиостанции «Говорит Москва»).

Лыкошина Лариса Семеновна, д.и.н., главный научный сотрудник Отдела Восточной Европы ИНИОН РАН. Занимается исследованием политического развития современной Польши. Автор монографий и статей, посвященных польским политическим партиям, политическим лидерам страны, проблемам общественного сознания.

Матвеев Геннадий Филиппович, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, специализируется в области изучения истории общественно-политической мысли и политических партий у зарубежных славянских народов в XX веке, а также советско-польских

отношений, автор ряда монографий, учебников и статей в отечественных и зарубежных научных журналах.

Носкова Альбина Федоровна, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук, автор и соавтор 6 монографий по проблемам новейшей истории Польши и российско-польских отношений.

Неменский Олег Борисович историк, политолог, сотрудник Института славяноведения РАН и Центра украинистики и белорусистики МГУ. Автор ряда статей по становлению и развитию исторической памяти и этнического самосознания православных и униатских элит Речи Посполитой в XVI–XVII вв., а также по истории национальной мысли у восточных и западных славян в XIX–XX вв. Как политолог публикуется в тематических сборниках статей, аналитических журналах (например, «Смысл»), а также в ряде сетевых СМИ (APN.ru, Russ.ru, Kreml.org и др.). Член Лиги консервативной журналистики.

Нарочницкая Наталия Алексеевна — доктор исторических наук, депутат Государственной Думы РФ IV созыва, президент Фонда исторической перспективы, руководитель Института демократии и сотрудничества (Париж). Автор книг: «Россия и русские в мировой истории» (2002, 2004), «За что и с кем мы воевали» (2005), «Русский мир» (2007), «Великие войны XX столетия: за что и с кем мы воевали» (2007), «Россия и русские в современном мире» (М., 2009)

Круглый стол подготовлен Дирекцией общественных
и издательских программ Фонда исторической перспективы

Главный редактор — Н.А. Нарочницкая
Директор общественных и издательских программ ФИП,
составитель выпуска — Е.А. Бондарева
Координатор издания — М.Е. Минина
Редактор — О.Д. Антонова

Тираж 500 экземпляров
Формат 60x84/16

Подготовлено к печати и отпечатано: Издательско-полиграфическое объединение «У Никитских ворот»
тел.: 690-6719

Дизайн макета: Л. Шмельков
Верстка: А. Кузнецов
Корректурa: М. Должкова

На обложке: ???

Телефон Фонда исторической перспективы:
(495) 789-80-87

Электронная версия: www.stoletie.ru
При перепечатке ссылка на наше издание обязательна.

Заказ № ???

© Редакция журнала «Звенья»

